

**КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ИСТОРИИ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ**

**РОССИЯ – КИТАЙ:
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА**

**Сборник статей и докладов участников
XVII Международной научно-практической конференции**

Казань, 13–16 ноября 2024 г.

**КАЗАНЬ
2024**

УДК 327
ББК 66.4
Р76

*Книга издается на финансовые средства
Института Конфуция
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Ответственный редактор
кандидат исторических наук, доцент **Р.Р. Мухаметзянов**

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук, доцент **Р.Р. Фахрутдинов**;
кандидат филологических наук, доцент **Э.К. Хабибуллина**;
директор Института Конфуция К(П)ФУ **Е.И. Нестеренко**;
доктор исторических наук, профессор **Д.Е. Мартынов**.

Р76 **Россия – Китай: история и культура** [Электронный ресурс]: сборник статей и докладов участников XVII Международной научно-практической конференции (Казань, 13–16 ноября 2024 г.) / отв. ред. Р.Р. Мухаметзянов; ред. кол.: Р.Р. Фахрутдинов, Э.К. Хабибуллина, Е.И. Нестеренко, Д.Е. Мартынов. – Электронные текстовые данные (1 файл: 40,7 Мб). – Казань: Издательство Казанского университета, 2024. – 174 с. – Системные требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/184933/Rossiiia-Kitai--istoriia_i_kultura-2024.pdf. – Электронный архив Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского КФУ. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-00130-858-4

Статьи и доклады в сборнике посвящены китайской филологии, актуальным проблемам преподавания китайского языка, российско-китайским отношениям, внешней и внутренней политике Китая, его истории, культуре и литературе. Они отражают разнообразие научных интересов авторов и их творческий потенциал.

Сборник предназначен для студентов, аспирантов, преподавателей и всех, кто интересуется проблемами китаеведения, международных отношений и зарубежного регионоведения.

Тексты публикуются в авторской редакции.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-00130-858-4

© Издательство Казанского университета, 2024

Вступительное слово
к сборнику докладов XVII международной научно-практической конференции
«Россия – Китай: история и культура»

Уважаемые коллеги, мы рады представить Вам данный сборник, подготовленный на основе докладов международной научно-практической конференции «Россия – Китай: история и культура», которая традиционно проводится в Институте международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

В этом году основные темы нашей конференции группируются вокруг таких памятных дат, как 75-летия со дня образования КНР и 75-летия со дня установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, 2575-летию со дня рождения великого китайского философа Конфуция, а также 220-летия Казанского федерального университета и 180-летия со дня открытия кафедры китайско-маньчжурской словесности в Казанском императорском университете. В 2024 году мы отмечаем эти значимые события, которые подчеркивают важность взаимопонимания, доверия и сотрудничества между нашими странами.

Статьи данного сборника написаны исследователями России и Китая. Они отражают широкий спектр исследований в области востоковедения, включая культурные, исторические, политические, языковые и экономические аспекты взаимодействия между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, что позволяет увидеть многогранность китаеведения, основные тенденции, интересующие и заботящие научный мир в настоящее время.

Научные исследования и обмен мнениями играют неопределимую роль в развитии академических связей и углублении взаимопонимания наших народов. Мы надеемся, что обсуждаемые здесь актуальные научные темы станут основой для будущих проектов сотрудничества, а соединение идей, инноваций и открытий будет способно сплотить научное общество, ведь именно такое научное содружество позволяет укрепить отношения между государствами и регионами.

Желаем всем участникам плодотворной работы, интересных дискуссий и перспективных идей!

С уважением,
Врио директора
Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ
Р.Р. Фахрутдинов,
Директор Института Конфуция КФУ с китайской стороны
И Яньпин

Белоглазов Альберт Владиславович, канд. ист. наук, доцент
Кафедра международных отношений, мировой политики и дипломатии
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Albert.Beloglazov@kpfu.ru

**«ДИПЛОМАТИЯ ЛИДЕРОВ»: СОВМЕСТНЫЕ ПОДХОДЫ РОССИИ И КИТАЯ
К СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЧЕРЕЗ
ПРИЗМУ ПЕРЕГОВОРОВ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются совместные подходы России и Китая к современной системе международных отношений в период 2022-2024 годов. Исследуются их особенности и динамика, рассматривается их отражение в совместных документах и заявлениях для прессы по итогам переговоров В.В. Путина и Си Цзиньпина. Выявляются основные тезисы, характеризующие систему международных отношений и определяющие направления ее реформирования.

Ключевые слова и фразы: международные отношения, дипломатия, Китайская Народная Республика, Российская Федерация, саммит, многополярный мир.

Beloglazov Albert Vladislavovich, Ph.D. in History, Associate Professor
Department of international relations, world politics and diplomacy
Kazan (Volga region) Federal University
Albert.Beloglazov@kpfu.ru

**«DIPLOMACY OF LEADERS»: JOINT APPROACHES OF RUSSIA AND CHINA
TO THE MODERN SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS THROUGH THE
PRISM OF HIGH-LEVEL NEGOTIATIONS**

Abstract. The article examines the joint approaches of Russia and China to the modern system of international relations in the period 2022-2024. Their features and dynamics are investigated, their reflection in joint documents and statements to the press following the talks between Vladimir Putin and Xi Jinping is considered. The main theses characterizing the system of international relations and determining the directions of its reformatting are revealed.

Key words and phrases: international relations, diplomacy, People's Republic of China, Russian Federation, summit, multipolar world.

Введение

После инаугурации в мае 2024 года президент России В.В. Путин совершил свой первый зарубежный визит в Китайскую Народную Республику. По его итогам было принято «Совместное заявление об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами» [1]. В этом документе прозвучало словосочетание «дипломатия лидеров», с опорой на которую Россия и Китай планируют развивать весь комплекс взаимоотношений. И это относится не только к двусторонним отношениям, но и к совместным подходам РФ и КНР к глобальным проблемам современности. Особенно интенсивным стало их обсуждение лидерами двух стран в последние три года.

К концу второго десятилетия XXI века стало совершенно очевидно, что старая система международных отношений разрушается, становится все более хаотичной и неустойчивой, не отвечает вызовам современности. Требовалось ее изменить, модернизировать, привести в соответствие с реалиями сегодняшнего дня. Как справедливо отметил президент Рос-

сийского совета по международным делам, экс-министр иностранных дел РФ Игорь Иванов, «сохранение существующей архаичной международной системы, создававшейся для совершенно другого мира, неизбежно ведет к бессмысленным и безвозвратным тратам колоссальных материальных ресурсов на военные цели, генерирует все новые и новые экономические и политические кризисы, порождает многочисленные неопределенности регионального и глобального уровня» [2, С.8].

В январе 2020 года президент России В.В. Путин предложил лидерам стран «большой пятерки», то есть государств-постоянных членов Совета Безопасности ООН, провести саммит для обсуждения насущных проблем, связанных с переформатированием мировой системы международных отношений. Председатель КНР Си Цзиньпин сразу же ответил согласием на это предложение, но президент США Дональд Трамп затягивал с ответом до марта, когда была объявлена пандемия коронавируса и подобный саммит стал невозможным. А новая администрация Джозефа Байдена, пришедшая к власти в январе 2021 года, отказалась рассматривать данную инициативу.

15 декабря 2021 года Россия предложила США и НАТО подписать договоры о гарантиях взаимной безопасности для обеспечения стратегической стабильности. 26 января 2022 года были получены официальные ответы с отказами по основным российским предложениям. Стало очевидно, что «коллективным Западом» взят курс на эскалацию конфронтации для сохранения однополярного мира. И эта конфронтация касалась также и Китая, который во всех последних документах США и НАТО был определен противником наряду с Россией. Так, например, действующая Стратегия национальной безопасности США 2022 года называет и Россию, и Китай «враждебными государствами», а противостояние им – «главным приоритетом на ближайшую перспективу» [3]. Об этом свидетельствует и создание 15 сентября 2021 года нового военно-политического блока AUCUS (Австралия, Великобритания, США) для противодействия Китаю в Восточной Азии.

Таким образом, нижней хронологической рамкой исследования является начало февраля 2022 года, когда лидеры России и Китая впервые встретились после долгого периода ограничений, связанных с пандемией коронавируса, и обсудили сложившуюся ситуацию. Верхней же рамкой является начало октября 2024 года, ознаменованное 75-летием дипломатических отношений КНР и СССР. В это же время завершилась подготовка к саммиту БРИКС в Казани, который должен стать мощным импульсом активности и единения сторонников многополярного мира.

В исследуемый период состоялось шесть личных встреч лидеров России и Китая: две во время взаимных государственных визитов Си Цзиньпина в Россию и В.В. Путина в Китай (март 2023 г. и май 2024 г. соответственно), две на полях саммитов ШОС в Самарканде и в Астане (сентябрь 2022 г. и июль 2024 г.), и еще две – во время крупных международных мероприятий, проводимых Китаем - XXIV Зимних Олимпийских игр (февраль 2022 г.) и III Международного форума «Один пояс, один путь» (октябрь 2023 г.). По итогам двусторонних встреч и переговоров принимались совместные заявления, демонстрирующие близость подходов и намечавшие план совместных действий. Они и были использованы в качестве основных источников настоящего исследования наряду со стенограммами и официальными коммюнике. Данная статья призвана ответить на вопрос о содержании и динамике совместных подходов РФ и КНР к вопросам мировой политики и трансформации современной системы международных отношений.

Подходы России и Китая к современной системе международных отношений на переговорах 2022 года

Первая из перечисленных встреч состоялась 4 февраля 2022 года, в день открытия зимней Олимпиады в Пекине. Переговоры прошли в традиционно дружественной обстановке. Главный документ, принятый по их итогам, назывался весьма характерно – «Совместное заявление о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии» [4].

В нем лидеры дали пространную характеристику современной системы международ-

ных отношений, отметив, что она «переживает масштабные перемены» [4]. Они указали на «такие процессы и явления, как многополярность, экономическая глобализация, информатизация общества, культурное многообразие, трансформация системы глобального управления и миропорядка» [4], при этом подчеркнув, что «усиливается взаимосвязанность и взаимозависимость государств, формируется тенденция перераспределения баланса мировых сил, растет запрос мирового сообщества на лидерство в интересах мирного и поступательного развития» [4].

В.В. Путин и Си Цзиньпин продекларировали свои ценности в этом процессе: «мир, развитие и сотрудничество являются главными элементами современной международной системы» [4]. Однако, современный мир, по мнению обоих лидеров, далек от подобной идеальной формулировки, ибо «некоторые силы, представляющие меньшинство на мировой арене, продолжают отстаивать односторонние подходы к решению международных проблем и прибегать к силовой политике, практикуют вмешательство во внутренние дела других государств, нанося ущерб их законным правам и интересам, провоцируют противоречия, разногласия и конфронтацию, препятствуют развитию и прогрессу человечества, что вызывает неприятие со стороны международного сообщества» [4].

При этом Россия и Китай продемонстрировали единство в том, какой должна быть будущая система международных отношений, и от чего в ней следует решительно избавиться: «Стороны вновь заявляют о необходимости консолидации, а не раскола международного сообщества, потребности в сотрудничестве, а не в конфронтации. Стороны выступают против возвращения международных отношений к состоянию противоборства крупных держав, когда слабые становятся добычей сильных. Стороны намерены противостоять попыткам подмены общепринятых и согласующихся с международным правом форматов и механизмов некими правилами, вырабатываемыми в «узком кругу» отдельными странами или блоками стран, выступают против решения международных проблем не на основе консенсуса, а через обходные схемы, выступают против политики силы, травли, односторонних санкций и экстерриториального применения юрисдикции» [4].

Таким образом, мы видим, что, несмотря на традиционную осторожность Китая и стремление избегать резких формулировок, он определился с позицией по современной системе международных отношений, весьма сходной с российской.

После нескольких телефонных разговоров и онлайн-саммита БРИКС под председательством КНР, лидеры России и Китая встретились лично во второй раз в 2022 году 15 сентября на саммите Шанхайской организации сотрудничества в Самарканде. Любопытно, что это был первый выезд Си Цзиньпина за рубеж после более чем двух лет ограничений, связанных с пандемией. На переговорах вновь поднималась тема реформирования системы международных отношений, но не так подробно, как в февральском заявлении, ибо оба лидера говорили об этом и на пленарном заседании ШОС.

Тем не менее, В.В. Путин в беседе заявил, что «внешнеполитический тандем Москвы и Пекина играет ключевую роль в обеспечении глобальной и региональной стабильности. Мы совместно выступаем за формирование справедливого, демократического и многополярного миропорядка, базирующегося на международном праве и центральной роли ООН, а не на каких-то правилах, которые кто-то придумал и пытается навязать другим, не объясняя даже, что это такое. Вообще должен сказать, что попытки создания однополярного мира приобрели в последнее время абсолютно уродливое очертание и абсолютно неприемлемы для подавляющего числа государств на планете» [5].

А китайский лидер сказал ещё более откровенно «Перед лицом изменений в мире, изменений во времени и изменений в истории, Китай готов работать вместе с Россией, чтобы отразить ответственность великой державы, играть ведущую роль и привнести стабильность в мир взаимосвязанных изменений» [6].

Также Председатель КНР заверил российского коллегу, что наши страны будут «укреплять координацию и сотрудничество в многосторонних рамках Шанхайской организации сотрудничества, Азиатско-Тихоокеанского региона, стран БРИКС и т.д., поощрять все

стороны к укреплению единства и взаимного доверия, расширять прагматичное сотрудничество, защищать интересы безопасности региона и защищать общие интересы большинства развивающихся стран и стран с формирующимся рынком» [6].

Здесь мы видим, что Россия и Китай продекларировали свою ответственность за интересы всех развивающихся стран, знаменующую переход к практическому руководству процессами, ведущими мир к формированию многополярной структуры. Таким образом, попытки изоляции России со стороны коллективного запада не повлияли ни на количество, ни на качество встреч лидеров двух стран в 2022 году. На них рассматривалась современная система международных отношений, и от призывов к США и НАТО, характерных для первой встречи в Пекине, лидеры перешли к провозглашению ответственности наших стран за глобальную стабильность и безопасность, а в конечном счете – устойчивость мировой системы международных отношений.

1. Расширение и дополнение подходов России и Китая к современной систем международных отношений на переговорах 2023 года.

После переизбрания Си Цзиньпина Председателем КНР на третий срок, он совершил свой первый государственный визит в Россию с 20 по 22 марта 2023 года. Несмотря на то, что основное внимание уделялось двусторонним отношениям в различных сферах, и с лидером Китая приехала внушительная делегация для переговоров в расширенном формате, совместные подходы к современной системе международных отношений были в фокусе внимания и отразились в итоговых документах.

Так, в «Совместном заявлении об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» [7], стороны отмечали «стремительный характер происходящих в мире перемен, глубокую трансформацию международной архитектуры, необратимость таких исторических тенденций, как мир, развитие, сотрудничество и совместный выигрыш» [7], констатировали «ускорение процесса становления многополярного миропорядка, укрепление позиций стран с формирующимся рынком и развивающихся государств, рост числа региональных держав, оказывающих влияние на глобальные процессы и демонстрирующих стремление отстаивать свои законные национальные интересы» [7].

Однако они вынуждены были признать, что «еще широко распространены проявления гегемонизма, унилатерализма, протекционизма» [7]. При этом лидеры заявляли, что «неприемлемы попытки подменять общепризнанные принципы и нормы международного права «порядком, основанным на правилах» [7]. Данная формулировка, уже в третий раз упомянутая в итоговых документах российско-китайских переговоров, активно использовалась в США после прихода к власти администрации Джозефа Байдена, и была закреплена на т.н. «Саммите за демократию» в декабре 2021 года, куда не были приглашены ни Россия, ни Китай, а также еще более 80 стран, объявленных авторитарными.

Не случайно В.В. Путин и Си Цзиньпин отмечали, что «жизнеспособность многополярной модели и обеспечение устойчивого развития государств зависят от ее универсальной открытости и учета интересов всех без исключения стран на инклюзивной и недискриминационной основе» [7]. Они призвали все государства «продвигать такие общечеловеческие ценности, как мир, развитие, равенство, справедливость, демократия и свобода, вести диалог, а не вступать в конфронтацию, применять инклюзивный, а не эксклюзивный подход, мирно сосуществовать, осуществлять взаимовыгодное сотрудничество, стимулировать мирное развитие мира» [7].

А для этого оба лидера обязались поддерживать «тесную внешнеполитическую координацию и взаимодействие на многосторонних площадках, решительно отстаивая равенство и справедливость, продвигая построение международных отношений нового типа» [7].

И, как подчеркнул в тот же день в совместном заявлении для прессы В.В. Путин, «при обсуждении актуальных международных и региональных проблем констатировали с Председателем КНР, что по большинству из них взгляды России и Китая совпадают или очень близки» [8]. А Си Цзиньпин отметил, что Китай и Россия «поддерживают многополярность

мира и способствуют демократизации международных отношений. Обе стороны должны и далее углублять прагматичное сотрудничество в различных областях, укреплять координацию и сотрудничество на многосторонних платформах, таких как Организация Объединенных Наций, помогать развитию и возрождению своих соответствующих стран и быть опорой мира и стабильности во всем мире» [9].

Здесь мы видим закрепление и развитие подходов, продемонстрированных на предыдущей встрече в Самарканде – провозглашение двух наших стран краеугольным камнем более справедливого мира, международной стабильности и многополярной структуры системы международных отношений. Не случайно Си Цзиньпин сказал на прощание В.В. Путину: «Сейчас перемены, которых не было в течение ста лет. Там, где мы вместе, мы двигаем эти перемены» [10].

Вторая встреча лидеров в 2023 года состоялась через полгода. 17-18 октября в Китае прошел Третий международный форум «Один пояс, один путь». По плану он должен был состояться еще в 2021 году, но ограничения, связанные с пандемией коронавируса, помешали провести его в срок. Как и на предыдущих двух форумах, прошедших в 2017 и 2019 годах, В.В. Путин был почетным гостем, постоянно находившемся рядом с Председателем КНР и выступавшим первым на Пленарном заседании.

В своем выступлении он отметил, что инициатива Си Цзиньпина нацелена «на формирование более справедливого многополярного мира» [11]. А Си Цзиньпин, приветствуя российского коллегу, подчеркнул, что «Китайская сторона готова совместно с Россией, чутко понимая тенденцию истории и следуя веянию мирового развития ... проявлять чувство ответственности в качестве великих держав, вносить вклад в обеспечение международной справедливости и беспристрастности, а также содействовать совместному развитию всего мира» [12].

Он заверил, что «Китай поддерживает российскую сторону в проведении Казанской встречи лидеров стран БРИКС ... и готов продолжать укреплять связи и сотрудничество с российской стороной в многосторонних рамках Организации Объединенных Наций, Шанхайской организации сотрудничества и Группы 20, с тем чтобы играть большую роль в поддержании продовольственной и энергетической безопасности, стабильности глобальных цепочек промышленных поставок и защите общих интересов Китая и России, а также регионов и развивающихся стран» [13].

В.В. Путин в ответном слове отметил, что «Российская сторона готова тесно сотрудничать с Китаем в области коммуникации и сотрудничества в рамках многосторонних механизмов, таких как страны БРИКС, защищать международную систему, основанную на международном праве, и содействовать созданию более справедливой и разумной системы глобального управления» [13].

Мы видим, что 2023 году была такая же периодичность личных встреч двух лидеров, как и в 2022 году – по одной встрече весной и осенью, на которых происходила «сверка часов» по важнейшим вопросам международной повестки и взглядам на эволюцию современной системы международных отношений. И постепенно определялись вопросы, по которым Россия и Китай обязывались взаимодействовать не только в своих интересах, но и в интересах большинства человечества. Так, в частности, на октябрьской встрече прозвучали темы продовольственной и энергетической безопасности. Россия, несмотря на ужесточение санкций, заняла в этот период лидирующие позиции как в энергетике, так и в производстве продовольствия, прежде всего, зерновых, и развернула наряду с Китаем активную помощь развивающимся странам.

И еще хочется обратить внимание на формулировку «содействие созданию более справедливой и разумной системы глобального управления», ставшей новым, уточненным руководством к действию для России и Китая.

2. Совместные подходы Китая и России к системе международных отношений на современном этапе

В 2024 году, как уже отмечалось ранее, В. В. Путин совершил первый зарубежный ви-

зит после инаугурации именно в Китай. По его итогам было принято два Заявления, в первом из которых еще более выпукло давалась характеристика современной системы международных отношений.

Лидеры России и Китая отметили в нем «нарастающую динамику происходящих глобальных перемен, укрепление позиций и рост реальных возможностей государств Глобального Юга и региональных стран-лидеров» [1]. Они констатировали, что «все отчетливее проступают контуры полицентричного мироустройства. Такие объективные факторы ускоряют перераспределение потенциала, ресурсов и перспектив развития в пользу государств с формирующимися рынками развивающихся стран, способствуют демократизации международных отношений и международной справедливости» [1]. И вновь, как и в предыдущих Заявлениях, указали на деструктивную роль западных стран: «государства, привыкшие мыслить согласно логике гегемонизма и политики силы, стремятся подорвать общепризнанный мировой порядок, основанный на международном праве, подменить его «порядком, основанным на правилах» [1].

При этом они обязались, что Россия и Китай «будут в полной мере использовать потенциал двусторонних отношений в целях равноправного и упорядоченного продвижения этого процесса и демократизации международных отношений, консолидировать усилия на построении справедливого и рационального многополярного мироустройства» [1].

Вскоре после подписания этого документа, в Заявлении для прессы по итогам переговоров, Си Цзиньпин отметил, что Китай и Россия, развивая стратегическое сотрудничество, «ведут в правильном направлении глобальное управление. Обе стороны твердо поддерживают международную систему с ООН в качестве ядра и международный порядок, основанный на международном праве, и тесно координируют свои действия и сотрудничают на многосторонних платформах, таких как ООН, АТЭС и G20 в целях содействия многополярности мира и экономической глобализации на основе подлинной многосторонности» [14]. Подчеркнув, что Россия председательствует в БРИКС, а Китай будет председательствовать в ШОС, он заверил, что «обе стороны будут поддерживать работу друг друга в рамках председательства, выстраивать более всеобъемлющее, тесное, прагматичное и инклюзивное высококачественное партнерство, а также объединять и укреплять Глобальный юг» [14].

Еще одна встреча лидеров России и Китая в 2024 году состоялась 3 июля в Астане на полях саммита ШОС. При этом российский президент отметил, что «Российско-китайское взаимодействие в мировых делах выступает одним из главных стабилизирующих факторов на международной арене, и мы продолжаем укреплять наше взаимодействие по этому направлению» [15]. Мы помним, что эта формулировка была согласована также на саммите ШОС в Самарканде двумя годами ранее, и с тех пор ее актуальность только повышалась.

А Си Цзиньпин, в свою очередь, заявил, что «Китай поддерживает Россию в выполнении ее обязанностей в качестве председателя БРИКС, в объединении «Глобального юга», в предотвращении «новой холодной войны» и противодействии незаконным односторонним санкциям и гегемонии. Китай и Россия должны продолжать укреплять всеобъемлющее стратегическое сотрудничество, противодействовать внешнему вмешательству и совместно поддерживать мир и стабильность» [16].

Конечно, история встреч на высшем уровне в 2024 году не завершена, и новые переговоры ожидаются в Казани «на полях» саммита БРИКС – первого после расширения данного объединения. Там предполагаются новые, расширенные и уточненные формулировки совместных подходов к современной системе международных отношений и более конкретные шаги по ее реформатированию в сторону справедливого многополярного мира.

Но, подводя промежуточный итог, мы видим, что на встречах текущего года особенно много было сказано о роли многосторонних интеграционных объединений – ООН, БРИКС, ШОС, АТЭС, G20, - в которых Россия и Китай обязуются координировать свои действия. Также красной нитью проходит мысль о неприемлемости «порядка, основанного на правилах», которые Запад пишет под свои интересы, и об опоре на международное право. И еще увереннее Россия и Китай позиционируются как лидеры «Глобального юга».

Заключение

Таким образом, переговоры В. В. Путина и Си Цзиньпина в последние три года продемонстрировали близость подходов России и Китая к современному состоянию системы международных отношений. Они постоянно совершенствуются, уточняются, конкретизируются, и на сегодняшний день заключаются в шести основных пунктах: во-первых, невозможность сохранения системы международных отношений в её нынешнем виде и необходимость реформирования; во-вторых, создание и укрепление в этой системе реально многополярной структуры, обеспечивающей недискриминационный подход ко всем без исключения субъектам, в-третьих, опора на международное право и непризнание «порядка, основанного на принципах», провозглашаемых западными странами в своих интересах; в-четвертых, отказ от конфронтации и опора на сотрудничество между элементами системы международных отношений; в-пятых – сохранение ООН в качестве ядра системы международных отношений и усиление роли не западных интеграционных объединений – БРИКС и ШОС, и, наконец, в-шестых – особая ответственность России и Китая при создании более справедливой системы глобального управления.

Большинство стран «Глобального юга» поддерживают такие подходы и признают лидирующую роль России и Китая в построении новой системы международных отношений. А это, в свою очередь, стимулирует еще большее углубление стратегического партнерства между нашими странами.

Литература:

1. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами. Официальный сайт Президента РФ. URL: // <http://www.kremlin.ru/supplement/6132> (Дата обращения: 30.09.2024)
2. Иванов И.С. Перестройка международной системы: состояние и перспективы // Международные отношения: грани настоящего и будущего / [под ред. И.С. Иванова, И.Н. Тимофеева, Е.О. Карпинской, Е.А. Солодухиной, С.М. Гавриловой]. – М.: НП РСМД, 2023. – 472 с.
3. National Security Strategy. October 2022. URL: // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (Дата обращения: 30.09.2024)
4. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. Официальный сайт Президента РФ. URL: // <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (Дата обращения: 30.09.2024)
5. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином. Официальный сайт Президента РФ. URL: // <http://kremlin.ru/events/president/news/69356> (Дата обращения: 30.09.2024)
6. 习近平会见俄罗斯总统普京 (Си Цзиньпин встретился с Президентом России Владимиром Путиным). Официальный сайт Правительства КНР. URL: // https://www.gov.cn/xinwen/2022-09/15/content_5710117.htm
7. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 21 марта 2023 г. Официальный сайт Президента РФ. URL: // <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (Дата обращения: 30.09.2024)
8. Президент России и Председатель КНР сделали заявления для прессы. Официальный сайт Президента РФ. URL: // <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/351/events/70750> (Дата обращения: 30.09.2024)
9. 习近平会见俄罗斯总统普京 (Си Цзиньпин встретился с Президентом России Владимиром Путиным). Официальный сайт Правительства КНР. URL: // https://www.gov.cn/xinwen/2023-03/21/content_5747601.htm (Дата обращения: 30.09.2024)
10. Си Цзиньпин - Путину: Сейчас идут перемены, которых не было 100 лет. // Российская

- газета. URL: // <https://rg.ru/2023/03/21/si-czinpin-putinu-sejchas-idut-peremeny-kotoryh-ne-bylo-100-let.html> (Дата обращения: 30.09.2024)
11. Международный форум «Один пояс, один путь» 18 октября 2023 года. Официальный сайт Президента РФ. URL: // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72528> (Дата обращения: 30.09.2024)
12. Российско-китайские переговоры. 18 октября 2023 г. Официальный сайт Президента РФ. URL: // <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/351/events/72529> (Дата обращения: 30.09.2024)
13. 习近平同俄罗斯总统普京会谈 (Переговоры Си Цзиньпина с Президентом России Владимиром Путиным). Официальный сайт Правительства КНР. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202310/content_6910004.htm (Дата обращения: 30.09.2024)
14. 习近平同俄罗斯总统普京共同会见记者 (Си Цзиньпин и Президент России Владимир Путин совместно встретились с журналистами). Официальный сайт Правительства КНР. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202405/content_6951312.htm (Дата обращения: 30.09.2024)
15. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином. 3 июля 2024 года. Астана. Официальный сайт Президента РФ. URL: // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74461> (Дата обращения: 30.09.2024)
16. 习近平会见俄罗斯总统普京 (Си Цзиньпин встретился с Президентом России Владимиром Путиным) Официальный сайт правительства КНР. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202407/content_6961040.htm (Дата обращения: 30.09.2024)

УДК 091.17

Блажкина Анастасия Юрьевна,
кан. филос. наук, старший научный сотрудник
Центр изучения культуры Китая
Институт Китая и современной Азии (ИКСА) РАН,
секретарь Комиссии по культурному и
гуманитарному сотрудничеству ОРКД
myshashu@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КОНФУЦИАНСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ТРАКТАТА «КУН-ЦЗЫ ЦЗЯ ЮЙ»)

Аннотация. В настоящей статье анализируются педагогическая концепция конфуцианской философии, содержащаяся в трактате «Кун-цзы цзя юй» («Речи школы Конфуция»). Актуальность темы исследования определяется неугасающим интересом к педагогическому наследию Конфуция, которое наблюдается в современном мире, как в Китае, так и за его пределами, а также тем фактом, что Общественная палата стран Евразийского Экономического Союза объявила 2024 год — Общественным Годом Конфуция на пространстве ШОС, БРИКС и ЕАЭС. Конфуцианская образовательная традиция оказала глубокое влияние на систему древнего китайского образования, а также послужила важным источником вдохновения для образовательных концепций последующих поколений. Благодаря своему жизненному опыту и педагогической практике Конфуций показал миру силу и ценность обучения. призвал людей изменять себя и влиять на мир посредством обучения. Ни в одной из философских школ древности, статус образованного человека и образования не был так высок, как в конфуцианстве.

Ключевые слова и фразы: педагогическая концепция, этика, Кун-цзы цзя юй, конфуцианство, образование.

Blazhkina Anastasia Yurievna,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Senior Research Associate
Center for the study of Chinese culture
Institute of China and Contemporary Asia of the
Russian Academy of Sciences,
Secretary of the Commission for Cultural and
Humanitarian Cooperation ORKD
myshashu@yandex.ru

PEDAGOGICAL CONCEPT OF CONFUCIANISM (BASED ON THE MATERIALS OF THE TREATISE "KONG-ZI JIA YU")

Abstract. This article analyzes the pedagogical concept of Confucian philosophy contained in the treatise "Kong-zi jia yu" ("Speeches of the School of Confucius"). The relevance of the research topic is determined by the undying interest in the pedagogical heritage of Confucius, which is observed in the modern world, both in China and abroad, as well as the fact that the Public Chamber of the countries of the Eurasian Economic Union declared 2024 the Public Year of Confucius in the SCO, BRICS and EAEU. The Confucian educational tradition had a profound influence on the ancient Chinese education system, and also served as an important source of inspiration for the educational concepts of subsequent generations. Through his life experience and pedagogical practice, Confucius showed the world the power and value of learning. called on people to change themselves and influence the world through learning. In none of the philosophical schools of antiquity

was the status of an educated person and education as high as in Confucianism.

Key words and phrases: pedagogical concept, ethics, Kong-zi jia yu, Confucianism, education.

В этом году Россия и Китай будут отмечать сразу три юбилея: 75 лет со дня образования КНР и 75 лет с момента установления дипломатических отношений между Россией и КНР, 2575 лет со дня рождения Конфуция. Конфуций известен во всем мире, как величайший философ, ученый, просветитель, общественный деятель, а также – педагог. 28 сентября в Китае празднуют День рождения Конфуция (孔子诞辰 *кун цзы дань чэнь*). Хотя день рождения Конфуция не является государственным праздником, тем не менее, по всей стране, а в особенности на территории провинции Шаньдун (Родина Конфуция, на территории древнего царства Лу) в храмах Конфуция совершаются молебны, проводятся мероприятия, цель которых почтить память Конфуция (孔子诞辰纪念 *кун цзя дань чэнь цзи нянь*), организуются музыкальные представления. Философское, педагогическое и культурное значение деятельности Конфуция сложно переоценить. Его идеи и советы с каждым годом приобретают все большую актуальность для всех мыслящих людей, стремящихся к нравственному совершенствованию. Основываясь на глобальном значении Конфуция, Общественная палата стран Евразийского Экономического Союза объявила 2024 год — Общественным Годом Конфуция на пространстве ШОС, БРИКС и ЕАЭС [1].

И по сей день в сознании рядовых китайцев, которые не столько глубоко погружаются в философские изыскания традиции, оставляя этот вопрос на откуп специалистам, Конфуций представляет собой идеал и образец Учителя как такового. Когда мы говорим о педагогических принципах, разработанных Конфуцием, мы неизбежно приходим к выводу, что они тесно связаны с его философскими идеями, а точнее произрастают из них. Начиная с 1530 г. Конфуция уважительно называют «мудрейший учитель Кун-цзы» или более точный перевод «совершенномудрый [среди] учителей прошлого Кун-цзы» (至圣先师孔子 *чжи шэн сянь ши кун цзы*) [2].

В рамках данного исследования целесообразно обратиться именно к педагогическим идеям и принципам Конфуция, которого крупнейший историк философии Фэн Юлань не без оснований называет «первым китайским частным учителем» [3, с. 59]. Обзор исследований по теме педагогических воззрений конфуцианства подробно освещён в статье А.А.Германович «Интерпретации педагогических терминов конфуцианства» [4, с. 132-138]. Нам представляется интересным еще раз вернуться к данной тематике, сделав упор на материал, который содержится в конфуцианском трактате «Кун-цзы цзя юй» [5]. Какое сокровенное содержание для конфуцианства имел сам процесс обучения, почему Конфуций видел преподавание одной из главных задач своей научной и общественной жизни, почему статус Учителя (子 *цзы*) в конфуцианстве был невероятно высок, какое место занимало образование в формировании этического идеала благородного мужа (君子 *цзюнь-цзы*)? Почему педагогические принципы Конфуция не теряют своей актуальности в современном глобализирующемся мире? На эти вопросы автор настоящей статьи постарается дать предварительные ответы.

Начнем с того, что в рамках конфуцианства термин образование или обучение (教 *цзяо*) осмысливается как процесс усвоения нравственных законов и социальных норм, текстуально закрепленных в древних памятниках, созданных совершенномудрыми людьми (圣人 *шэн жэнь*), действия, согласные с этими законами и нормами, а также непрерывное самосовершенствование (修身 *сюй шэнь*). Учиться – это значит просветлять, (明 *мин*), доискиваться до сути вещей, выявлять «исток» (源 *юань*), вскрыть сущность того, или иного явления или закономерности, всестороннее и комплексное осмысление, только тогда возможно обретение подлинного знания (知 *чжи*): «Благородный муж непременно должен учиться... Учиться – значит приближать и просветлять. Подобно тому, как в пруды и озера льется дождевая вода,

и там прорастает камыш, хотя все видят это, но кто же знает, где исток?» [VIII, 11]¹. Конфуций полагал, что именно процесс обучения является ключом к постижению вещей, то есть цель педагогики заключается в созерцании самих оснований бытия. Посредством обучения индивид не только накапливает знания, но и достигает прогресса, как с точки зрения личного совершенствования, так и с точки зрения социальной репутации. Важным аспектом педагогической концепции Конфуция является представление о том, что только учеба, дающая подлинные знания, может сделать человека одновременно и образованным, и нравственным, пространственные размышления не дают плодов и не приносят пользу обществу. Конфуций учил об антропологии, этике, эстетике, онтологии и главным образом – о политике. Все знания, которые получали его ученики призваны были служить на благо государству, Учитель особенно гордился теми своими последователями, которые смогли навести порядок в подведомственных им регионах и областях.

Сам процесс обучения становится возможным по причине того, что человеческая природа (性 *син*) поддается изменению. Природа преобразовывается (化 *хуа*), то есть изменяется в лучшую сторону, именно посредством обучения. Эта мысль кажется нам очевидной, но именно конфуцианская традиция предавала реформированию человека посредством обучения наивысший статус через постижения сути канонов и усвоения норм ритуальной уступчивости: «Кто жаждет быть способным, должен учиться, кто жаждет знать, должен задавать вопросы, кто жаждет быть искусным в чем-либо, должен досконально [изучить]...» [XII, 1]. Для этого не нужно было удаляться в горы, не нужно было медитировать, достаточно было внимать речам Учителя, слушать его наставления и делать верные выводы. С одной стороны, это как будто бы не требует никаких усилий, но в тоже время предполагает максимальную самоотдачу, целиком и полностью занимает все жизненное пространство от юных лет до самой смерти: «В детском возрасте учиться спустя рукава, в старости не просвещать [других] – это стыдно» [IX, 7].

Процесс обучения невозможен без самого объекта – «учение», «изучение» или «учеба» (学 *сюэ*). Любовь к учебе (爰学 *хао сюэ*) – характеристика специфически конфуцианская, что постоянно акцентируется в текстах, атрибутируемых именно к этой философской традиции: «Конфуцианец обладает драгоценными знаниями и ожидает приглашения на службу, с утра до ночи он постоянно учиться и ожидает вопросов со стороны. Лелеет в груди преданность и верность в ожидании назначения на пост, энергично действует в ожидании выдвижения. Таким образом [конфуцианец] самосовершенствуется» [V, 4]. В этой связи первый и самый главный вопрос, на который предстоит ответить в рамках данного исследования: что является объектом педагогической деятельности в конфуцианстве? Во-первых, это – «шесть искусств» (六艺 *лю и*): ритуал, музыка, стрельба из лука, каллиграфия, управление колесницей, счет (математика); а также Шести канонов (六经 *лю цзин*): «Канон поэзии», «Канон перемен», «Записки о ритуале», «Чтимая книга», «Весны и Осени» и не дошедший до нас «Канон музыки». Шести искусств – это практические знания и умения, которые имели под собой и теоретическое обоснование, содержащееся в Шести канонах. Исследуя содержание «Кун-цзя цзя юй», приходим к выводу, что конфуцианская педагогика всегда носит, в первую очередь, именно этический характер. Важны не сколько сами практические умения или теоретические выкладки, сколько те нравственные качества, которые они развивают. Усвоение Шести искусств и содержания Шести канонов – бесспорно благая цель, но достаточно ли этого для того, чтобы быть благородным мужем? Для чего необходимо было овладеть этими искусствами и знаниями? По всей видимости для того, чтобы управлять государством на основании добродетели, быть преданным чиновником и надежным семьянином, стремиться к гармонии в Поднебесной, и милостью наставлять простых людей. Иными словами, осуществлять «великое дело по управлению государством и воспитанию народа» [I, 3].

¹ Зд. и далее в квадратных скобках приводятся ссылки на перевод трактата «Кун-цзы цзя юй» по изданию: [6] Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция) / пер. с кит., исслед. и примеч. А.Ю. Блажкиной; отв. ред. В.М.Майоров; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. – М.: ИКСА РАН, 2022. – 318 с.

Другой ключевой вопрос, стоящий перед исследователями конфуцианской концепции образования, заключается в том, способна ли такого рода парадигма воспитывать критически мыслящих и творческих личностей, которые могли бы преобразовывать Поднебесную и реформировать социальное устройство. Анализ трактата «Кун-цзы цзя юй» показывает, что критическое и творческое мышление не просто ценятся, они незаменимы в конфуцианской концепции образования. Другой характерной особенностью конфуцианской школы было требование применять полученные знания на практике, фактически теория была неразрывно связана с практикой: нельзя знать, как должно поступать и поступать иначе. В этом один из факторов феноменальной «живучести» и адаптивности конфуцианского наследия, отчасти поэтому современная история Китая продолжает развиваться на основе конфуцианской модели ценностей. Конфуцианство, несмотря на свою внешнюю сложность, очень практично: то, о чем говорил и учил Конфуций можно применять едва ли ни во всех сферах жизни.

Кроме того, Конфуций пытается провести следующую мысль – не всякое знание есть благо, нет смысла в беспорядочном накоплении знаний, вопрос заключается в том, что знание должно иметь под собой нравственную основу: «Если в долге не придавать значения учебе – это подобно тому, как сеять, но не полоть. Если придавать значение учебе, но не согласовываться с человеколюбием – это подобно тому, как полоть, но не жать» [XXXII, 1]. Такого рода мышление не только оказало глубокое влияние на древнее китайское образование, но и послужило важным источником вдохновения для образовательных концепций последующих поколений. Благодаря своему жизненному опыту и образовательной практике Конфуций показал миру силу и ценность обучения и призвал людей изменять себя и влиять на мир посредством обучения. По мнению большинства ученых, Конфуций заложил принципы преподавания, которые стали определяющими для Китая, да и всего азиатского региона на многие века. Ни в одной из философских школ древности, статус образованного человека не был так высок, как в конфуцианстве. По сути дела, конфуцианец – это и есть образованный человек, но не просто знающий, как должно поступать, но и поступающий таким образом. В этом коренное отличие от современной западной традиции с ее приматом свободы, подчас граничащей со вседозволенностью, с толерантностью, почти всегда сопряженной с распушенностью и пошлостью.

Литература:

1. Общественная палата стран Евразийского экономического союза (ОП ЕАЭС) [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasiaun.org/tpost/hdteafd601-op-eaes-obyavlyayet-2024-god-godom-konfut> (дата обращения 27.09.2024).
2. Даосская шапка монархов, высочайшие заслуги среди всех поколений, путь Конфуция к канонизации (道冠百王功高万世孔子的封圣之路); отв. ред. Ли Чжимин (李志明) [Электронный ресурс]. URL: https://guoxue.ifeng.com/a/20150923/44717781_0.shtml (дата обращения 22.09.2024) (на кит.яз).
3. Фэн Юлань. Краткая история китайской философии. – Спб.: Евразия, 1998. – 376 с.
4. Германович А.А. Интерпретации педагогических терминов конфуцианства // Историко-педагогический журнал. Нижний Тагил – 2016. – № 3. – С. 131-153.
5. Ян Чаомин (杨朝明), Сун Лилинь (宋立林). Толкование «Речей школы Конфуция» («孔子家语»通解). Цзинань: Цилу шушэ, 2009 (на кит.яз).
6. Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция) / пер. с кит., исслед. и примеч. А.Ю. Блажкиной; отв. ред. В. М. Майоров; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. – М.: ИКСА РАН, 2022. – 318с.

Бражникова Полина Александровна, студент

Кафедра китайской филологии

Санкт-Петербургский государственный университет

brazhnikovapolina05@mail.ru

Чеботарева Элина Павловна, студент

Кафедра китайской филологии

Санкт-Петербургский государственный университет

elinapch@gmail.com

МАГИЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ В НОВЕЛЛАХ ПУ СУН-ЛИНА

Аннотация. В статье исследуются различные магические ритуалы, представленные в произведениях Пу Сун-лина, их значение, символика и влияние на сюжеты и образы.

Ключевые слова и фразы: Литература, Пу Сун-лин, магические ритуалы.

Brazhnikova Polina Alexandrovna, student

Department of Chinese Philology

Saint Petersburg State University

brazhnikovapolina05@mail.ru

Chebotareva Elina Pavlovna, student

Department of Chinese Philology

Saint Petersburg State University

elinapch@gmail.com

MAGIC RITUALS IN THE NOVELS OF PU SUNG-LING

Abstract. The article examines various magical rituals presented in the works of Pu Sun-ling, their meaning, symbolism and influence on the plots and images.

Key words and phrases: Literature, Pu Sung-ling, magic rituals.

Тема магии и мистических практик в китайской литературе встречается уже в древних текстах, она отражает богатое наследие древних верований и обрядов. Магические ритуалы играли важную роль в жизни китайского общества, сопровождая его с древности и до наших дней. Магия является лишь инструментом для достижения определенной цели (см. Williams C. A. S. Chinese symbolism and art motifs: a comprehensive handbook on symbolism in Chinese art through the ages, 2006).

Основой любых верований является желание ответить на вопрос о смерти, точнее – о смертности или бессмертии сознания, о том, что ждет после смерти, и о том, как, в связи с этим определять жизненные приоритеты и нормы повседневного поведения. Не является исключением и система традиционных верований Китая, в которой вопросы смерти, правильной подготовки к похоронам, поминовения умерших и тому подобное играли чрезвычайно важную роль, и каждый из перечисленных аспектов был связан с культурами бесчисленного количества духов и божеств, имевших отношение к тем или иным сторонам загробного бытия (Торчинов 1999, 7).

Важную роль в формировании традиции обращения к магическим практикам играет даосизм. Даосизм (道教 *даоцзяо*) — Учение Пути, а Путь — это нечто, предполагающее движение по нему, то есть некоторую практику. Понятие дао не является изобретением даосов, так как и конфуцианцы, и легисты, и моисты, и даже позднее буддисты — все они использовали это слово для обозначения того, что мы назвали бы Истиной. Китайским аналогом выражения «поиски истины» будет «поиски Дао». Однако, Дао это не есть только он-

тологическая реальность, бытийная и бытийствующая. Поиск Дао поэтому не является поиском того, что есть, не является поиском реальности, не является поиском бытия. Это является еще и поиском Метода, а также и Метод поиска. Таким образом, дао это не только Истина, но и сам поиск истины, а также способ, благодаря применению которого истину можно найти. Центральной проблемой религиозной доктрины даосизма является учение о бессмертии. Представления древних китайцев о загробном мире были крайне несформировавшиеся и, по существу, соответствовали уровню архаических религиозных представлений, поэтому представления о душе носили сугубо натуралистический характер и сохранили архаическую примитивность, не став объектом философской рефлексии. В результате в рамках даосизма сформировалась уникальная доктрина возможности обретения бессмертия как неограниченного существования психосоматической личности, сопряженного с единением с Дао как субстанциональной и нормативной основами космоса (Торчинов 2001, 5).

Одним из наиболее известных китайских писателей, в чьих произведениях описываются магические ритуалы является Пу Сун-лин (1640–1715). В своем творчестве он использовал китайский народный фольклор и традиционные сюжеты, сочетая их с собственными наблюдениями о жизни и обществе. Его произведения оказали значительное влияние на китайскую литературу и продолжают цениться и изучаться до сих пор не только в Китае, но и за рубежом. Исторически, «Ляо чжай чжи и» — «Странные истории из Кабинета неудачника» считаются наиболее востребованными образцами творчества Пу Сун-лина.

Магические практики в его произведениях представляют собой:

1) Экзорцизм и священные ритуалы:

Пу Сун-лин часто описывает процессы изгнания злых духов или призраков из живых существ. Эти ритуалы часто связаны с духовными практиками с использованием священных текстов, талисманов, проведением сложных церемоний, а также поклонения божествам (см. Я. Я. М. де Гроот. Война с демонами и обряды экзорцизма в древнем Китае, 2001). Например, в рассказе «Бесов плач» (鬼哭) во время смуты в городе стали замечать бесов. Однажды, студент остановился переночевать в этом городе и услышал беса под кроватью. Сановник убежал и начал производить «Молебен о спасении духов воды и земли» (水陸道場) и велел буддистам и даосам начитывать священные тексты и молитвы. После проведенных ритуалов бесовские наваждения прекратились (Пу Сун-лин 2022, Т.1, 182-185).

Один из ритуалов, описанных в рассказе — «Молебен о спасении духов воды и земли» — особый вид религиозного действия, изначально связанный с буддизмом, но затем распространившийся и на даосизм и простонародные верования; грандиозный молебен, устраиваемый по неупокоенным душам, принявшим смерть на суше и на море. Ввиду грандиозности и дороговизны, обычно проводится совместно несколькими крупными храмами на праздник Истинной Середины (中元節) 15 числа 7 луны, но может, как в новелле, устраиваться в любое другое время при наличии на то необходимых и крайне внушительных средств (Пу Сун-лин 2022, Т.1, 183).

2) Чародейство и способность к управлению потусторонними силами:

Пу Сун-лин пишет об использовании магических способностей для различных целей. Герои его рассказов могут накладывать проклятия, создавать любовные чары или привлекать помощь сверхъестественных сил.

В новелле «Вероучение Белого Лотоса» (白蓮教) некий человек из Шаньси принадлежал к вероучению Белого Лотоса — сектантского вероучения, зародившегося в Китае в I веке н.э в ходе проникновения буддизма в китайскую культуру (см. Е. Б. Поршнева. Учение «Белого Лотоса» — идеология народного восстания 1796-1804 гг., 1972). Герой новеллы был приверженцем Сюй Хун-жу, одного из первых главарей секты белого лотоса. Однажды, уходя, он поставил в горнице таз, накрыл его другим, и велел своему ученику караулить — не смей открывать и смотреть. Однако, ученик открыл таз и увидел там воду, по которой плавала соломенная лодочка, ученик тронул ее пальцем, и она перевернулась. Вдруг зашел учитель, накричал на ученика и сказал, что из-за него только что в море перевернулась его ла-

дья. Позже учитель приказал ученику следить за свечой, чтобы ее не задуло ветром, уставший ученик уснул, а когда очнулся, свеча уже погасла; тут зашел учитель, и ученику снова попало за то, что он заставил учителя шагать больше десяти ли в темноте. Ученик был ошарашен. В дальнейшем учитель, узнав о связи ученика с его любимой наложницей, превратил его в борова. Один из товарищей ученика узнал об этом и рассказал отцу, а тот подал жалобу местному правителю. Учителя арестовали. Вместе с женой и сыном их заперли в клетку, чтобы отправить в столицу. Во время дороги из гор выскочил великан. Учитель сказал, что это оборотень, и его жена может прогнать великана. Великан рассвирепел и съел жену. Точно также случилось и с сыном. Учитель пошел на великана сам, но тот и его проглотил (Пу Сун-лин 2023, Т. 2, 537-541).

3) Магические предметы и амулеты:

Пу Сун-лин описывает различные магические предметы и амулеты, которые используются героями его рассказов. Это могут быть свитки с заклинаниями, талисманы, амулеты или драгоценности, обладающие особыми свойствами или защитными силами.

Изготовление амулетов и талисманов является очень важной вспомогательной частью даосской практики. Одна из главных функций — защитная. Они оберегают владельца от нечистой силы, видимых врагов, оружия и эпидемий. Также, даосские амулеты и талисманы применялись для привлечения удачи, защиты от неблагоприятных воздействий, укрепления здоровья и обретения духовной силы. Уже в древнем Китае, даосские мудрецы и маги использовали различные символы, заклинания и обряды для создания амулетов и талисманов. Они верили, что определенные символы, знаки и формы могут обладать особыми магическими свойствами и способны помочь человеку в различных аспектах жизни (Торчинов 2001, 125).

В новелле «Талисман игрока» (賭符) рассказывается об одном даосе Хане, который делал много волшебных превращений. Все называли его святым гением. Однажды пришел к нему человек, имевший пристрастие к азартным играм. Хань дал ему талисман, для ношения в поясе, велел вернуть свои вещи и тут же остановиться, также дал тысячу монет, условившись, что человек выиграет и отдаст. Тот отправился играть. Не успел оглянуться, как все, что ранее он проиграл — вернулось. Захотел выиграть еще больше, но уже не получилось, талисман пропал (Пу Сун-лин 2023, Т. 2, 283-287).

4) Предсказания:

Пу Сун-лин описывает различные методы предсказания будущего или раскрытия тайн. Это может быть использование гадания по рисункам или выполнение определенных обрядов.

Одним из видов предсказания будущего являются гадания. Традиционные китайские гадания на монетах — это древний обычай, имеющий глубокие корни в китайской культуре и фольклоре. Этот вид гаданий основывается на использовании монет, обычно бронзовых, которые имеют символическое значение в китайской метафизике. Одним из популярных методов китайских гаданий на монетах является метод толкования итерограмм, где монеты бросаются несколько раз, а затем анализируются положения монет и их значимость в соответствии с традиционными символами и философией. Другой распространенный способ гаданий на монетах — это использование специально оформленных наборов монет с религиозными или философскими символами, где каждая монета представляет определенный аспект жизни или ситуации. Такие гадания считаются одним из способов общения с духовным миром и поиском гармонии с окружающей средой в китайской культуре (см. Ю. К. Щуцкий. Китайская классическая «Книга Перемен», 1993).

В новелле «Гадалка на монетах» (錢不巫) у молодого Ся Шана умер отец. Перед кончиной он сказал Шану, что тот должен усиленно работать, чтобы покрыть грехи отца. Шан исполнял волю покойного родителя и кое-как сводил концы с концами. Однажды у них в деревне появилась колдунья, которая гадала на монетах. Когда Шан явился к ней, она сразу потребовала денег, и он вручил ей сто монет. Колдунья положила их в деревянный ящик и с ним в руках опустилась на колени, встряхивая его, отчего ящик издавал шум. Потом высыпала эти монеты в руку, а с руки на стол. У нее было принято, что знаки лицевой стороны

будут считаться плохими, а обороты монет — хорошими. Когда колдунья сказала отсчитывать монеты, он сказала Шану, что нынешняя его жизнь идет по судьбе его предшественников, и только к пятидесяти восьми годам он встретится со своей собственной судьбой, к нему придут большие деньги, и не надо будет их усиленно искать и просить о них. Шан распростился с гадалкой и пошел домой, он наполовину сомневался в том, что она ему наговорила. Тем не менее, он спокойно переносил свою бедность. В пятьдесят восемь лет он нашел полный слитками серебра жбан и разбогател (Пу Сун-лин 2022, 667-672).

5) Эликсиры:

В некоторых произведениях Пу Сун-лина встречаются описания алхимических процессов и создания магических эликсиров. Герои могут искать редкие ингредиенты, совершать определенные действия и использовать специальные инструменты для создания эликсиров с особыми свойствами.

Изначально целью китайской алхимии было создание эликсира бессмертия, но даосские алхимики не ограничивали себя лишь этим, они также пытались достичь практической пользы, их цели сильно выходили за рамки задач современной науки. Например, достижение абсолютного здоровья, продление жизни, омоложение и обретение духовного совершенства. Даосская алхимия подразделялась на внешнюю и внутреннюю. Внешняя представляла собой лабораторную деятельность, в ходе которой алхимик, создает некое вещество, которое рассматривается как эликсир бессмертия. Говоря о внутренней алхимии, она представляет собой форму психопрактики йогического типа, направленную на радикальную перестройку психофизических характеристик адепта, или, говоря ее собственным языком, — на создание нового бессмертного тела и соответствующего ему просветленного сознания (Торчинов 2001, 133).

В рассказе «Усмиряет лисицу» (伏狐) один сановник страдал от лисьих наваждений. Испробовал все средства — и талисманы, и молебны, но ничего не помогало. Однажды появился странствующий знахарь, уверявший, что может усмирить лисицу. Лекарь дал ему возбуждающее снадобье и велел принять его. Снадобье так сильно подействовало, что сановник почувствовал прилив острой, непреодолимой силы и предался любовным играм с лисой. Лиса не смогла этого вынести, и тогда она проявилась в лисьем образе, но была уже мертва (Пу Сун-лин 2023, Т. 2, 53-54).

Таким образом, вышесказанное приводит нас к выводам о том, что:

1. В своих новеллах Пу Сун-лин обращается к различным магическим практикам, которые берет из самых разных источников. Например, в новелле «Вероучение Белого Лотоса» магия основана на даосских практиках, а герой новеллы «Усмиряет лисицу» умертвил лису с помощью народной медицины. Гадание на монетах находится вне религиозной системы, а экзорцизм, как в новелле «Бесов плач», относится и к даосским, и к буддистским практикам.

2. Интерес Пу Сун-лина к магии был обусловлен его влечением к «удивительным» вещам в целом. А. Г. Сторожук в предисловии к первому тому «Ляо чжай чжи и» писал, что «процесс творчества был подобен тому, как танский поэт Чэнь Цзы-ан (661-702) создавал свой знаменитый поэтический цикл «Потрясен встречей» — он просто писал стихи обо всем, что вызывало необыкновенные сильные душевные движения, не объединяя их тематически или стилистически, и помещая их в цикл только по одному принципу — по силе душевного переживания, породившего идею данного стихотворение написать» (Пу Сун-лин 2022, Т.1, 18).

3. Магия являлась одним из составляющих компонентов той эпохи, так как у людей были совсем иные представления о мире. Все это позволяет не только проследить как сюжет строится отдельно у Пу Сун-лина, но и говорит о том, насколько огромное этнографическое значение имела магия в Китае.

Литература:

1. Williams C. A. S. Chinese symbolism and art motifs: a comprehensive handbook on symbolism in Chinese art through the ages. / Singapore.: Rutland, Vt.: Tuttle, 2006. – 448 с.

2. Торчинов, Е. А. Даосские практики. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 314 с.
3. Гроот, Я. Я. М. де. Война с демонами и обряды экзорцизма в Древнем Китае: Пер.с англ.Р.В.Котенко. – СПб.: Евразия, 2001. - 447 с.
4. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из кабинета неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях. В 7 т. Т.2/ Сост. А. Г. Сторожук, отв. и науч. ред. Д. И. Маяцкий, перев. В. М. Алексеева, А. Г. Сторожука. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2023. – 628 с.
5. Поршнева, Екатерина Борисовна. Учение "Белого лотоса" - идеология народного восстания 1796 – 1804 гг.: научное издание / Е. Б. Поршнева; ред. Л. И. Думан; Институт востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1972. – 196 с.
6. Сторожук, А. Г. Духи и божества китайской преисподней: научно-справочное издание / А. Г. Сторожук, Т. И. Корнильева, Е. А. Завидовская. – СПб.: КАРО, 2012. – 461 с.
7. Щуцкий, Ю. К. Китайская классическая "Книга Перемен": И Цзин. – М.: Рус. книгоиздательство, 1993. – 382 с.
8. Пу Сун-лин. Рассказы о необычайном/ Пу Сун-лин; пер. с кит. В. Алексеева. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. – 864 с.
9. Торчинов, Е. А. Даосизм. Дао-Дэ цзин / пер. Е. А. Торчинова. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 286 с.
10. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из кабинета неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях. В 7 т. Т.1 / Сост. А. Г. Сторожук., отв. и науч. ред. Д. И. Маяцкий, перев. В. М. Алексеева, А. Г. Сторожука. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2022. – 568 с.

Васильева Владимира Руслановна, студент
Институт международных отношений, истории и востоковедения
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Vasileva-Vladimira-03@mail.ru

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ООН, ШОС И БРИКС

Аннотация. В статье рассматривается стратегическое партнерство России и Китая в рамках ООН, ШОС и БРИКС, подчеркивая их совместные усилия по укреплению глобальной безопасности, экономического сотрудничества и многостороннего взаимодействия.

Ключевые слова и фразы: Стратегическое партнерство, глобальная безопасность, экономическое сотрудничество, международные организации.

Vasileva Vladimira Ruslanovna, student
Institute of International Relations, History and Oriental Studies
Kazan (Volga region) Federal University
Vasileva-Vladimira-03@mail.ru

THE ROLE OF RUSSIA AND CHINA IN INTERNATIONAL ORGANIZATIONS: UN, SCO AND BRICS

Abstract. The article examines the strategic partnership between Russia and China within the framework of the UN, SCO and BRICS, emphasizing their joint efforts to strengthen global security, economic cooperation and multilateral interaction.

Key words and phrases: Strategic partnership, global security, economic cooperation, international organizations.

Российская Федерация и Китайская Народная Республика, две крупнейшие державы Евразии, играющие значительную роль в процессе формирования глобального политического и экономического ландшафта мирового хозяйства. Их сотрудничество в рамках международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций (ООН), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС, отражает их стремление к укреплению многополярного мирового порядка и решению глобальных вызовов.

Исторически Россия и Китай имели сложные отношения, но в последние десятилетия их сотрудничество значительно укрепилось. После распада Советского Союза и экономических реформ в Китае, обе страны начали активно развивать двусторонние отношения, что, в свою очередь, привело к созданию стратегического партнерства. Это и создало фундамент для взаимодействия в международных организациях.

Рассматриваемые страны разделяют общие стратегические интересы, например обеспечение региональной безопасности, противодействие гегемонии отдельных государств и продвижение экономического развития. Эти интересы находят отражение в их совместной деятельности в ООН, ШОС и БРИКС. В ООН они часто выступают с согласованными позициями по ключевым вопросам международной безопасности и стабильности. В ШОС они работают над укреплением безопасности в Центральной Азии и развитием экономического сотрудничества. В рамках БРИКС они продвигают идеи реформирования глобальных финансовых институтов и укрепления экономической интеграции в мировой экономике.

Взаимное сотрудничество России и Китая в международных организациях оказывает значительное влияние на глобальную политику. Их совместные усилия направлены на создание более справедливой и устойчивой мировой системы, где учитываются интересы всех

государств, а не только ведущих держав. Это сотрудничество также способствует разрешению ряда целей в области устойчивого развития, например таких как борьба с изменением климата, содействие построению миролюбивого и открытого общества и партнерство в интересах устойчивого развития.

Россия и Китай являются постоянными членами Совета Безопасности ООН, что дает им право налагать вето на решения, касающиеся международной безопасности и стабильности. Это право позволяет им блокировать резолюции, которые они считают противоречащими их национальным интересам или международной стабильности. Обе страны использовали это право в целях защиты своих союзников и предотвращения попыток дестабилизации суверенных государств [1].

Россия и Китай часто выступают с согласованными позициями по ключевым вопросам международной политики. Они поддерживают принципы суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела государств. Эти принципы четко проявляются в совместных проектах, которые они отстаивают в Совете Безопасности ООН [1].

Обе страны активно участвуют в миротворческих миссиях ООН. Китайская Народная Республика представлена наибольшим числом поставщиком миротворцев среди постоянных членов Совета Безопасности, а Россия предоставляет значительную материально-техническую поддержку. Участвуя в миротворческих операциях, они стремятся не только поддерживать мир и безопасность в мире, но и укрепить свои позиции на международной арене.

Россия и Китай выступают за реформу ООН, а именно, поддерживают необходимость адаптации организации к современным вызовам. Однако, страны выступают против форсирования процесса реформы Совета Безопасности, который может привести к маргинализации некоторых стран. Россия и Китай призывают к поиску консенсуса и учету интересов всех государств-членов [1].

В рамках ООН Россия и Китай активно участвуют в экономических и социальных программах, направленных на устойчивое развитие, борьбу с бедностью и изменение климата. Стратегия развития этих стран, основанная на инвестициях в науку и разработки, позволила стране создать собственные технологии и уменьшить зависимость от импорта.

15 июня 2001 года лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана была основана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) [2]. Первоначально организация была создана в целях укрепления доверия и безопасности в регионе, но постепенно мандат расширился, создав экономическое, культурное и гуманитарное сотрудничество. В нынешнее время основными приоритетами ШОС являются: укрепление добрососедства и взаимоотношения между странами-участницами, содействие сотрудничеству в различных областях, а также создание мира, безопасности и стабильности [2].

ШОС выступает в роли платформы для политического диалога между вступившими государствами, придерживаясь принципов открытости, ненаправленности против кого-либо и необразования союзов. Важным аспектом политического сотрудничества является поддержка принципов суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела государств. Также ШОС активно ведет борьбу против терроризма, экстремизма и наркотрафика, более того, был создан Региональный антитеррористический центр (РАТЦ), который направляет усилия стран-участниц на борьбу с этими угрозами. Российская Федерация и Китайская Народная Республика играют ведущие роли в этих инициативах, предоставляя значительные ресурсы.

Экономическое сотрудничество является важным аспектом деятельности ШОС. Организация способствует развитию торговых связей, инвестиционных проектов и инфраструктурных инициатив между странами-участницами. Важным проектом Китая является инициатива «Один пояс, один путь», которая направлена на создание логистических и транспортных коридоров, тесно связывающих Азию с Европой [3]. Эту инициативу активно поддерживает и Российская Федерация. Благодаря этому создаются возможности для развития регионов и укрепления экономических связей со всеми странами ШОС.

Немаловажную роль играют культурное и гуманитарное сотрудничества, которым ШОС уделяет особое внимание. Организация проводит различные культурные мероприятия, образовательные программы и обмены, направленные на укрепление взаимопонимания и дружбы между народами стран-участниц [3]. Россия и Китай активно участвуют в этих инициативах, продвигая свои культурные ценности и традиции.

ШОС играет важную роль в международных отношениях, демонстрируя пример тесного и плодотворного взаимодействия между странами с различными политическими системами и культурными традициями.

По инициативе Российской Федерации, в июне 2006 года был создан БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) в качестве объединения крупнейших развивающихся экономик мира, а в 2009 году при вхождении в него Южно-Африканской Республики получил название БРИКС. Основная цель группы заключается в содействии экономическому развитию, укреплении позиций на мировой арене и борьбе с глобальными вызовами. БРИКС работает над созданием более устойчивого мирового порядка, в котором учитываются интересы развивающихся стран [4].

Ключевым аспектом деятельности БРИКС является создание надежного экономического сотрудничества между странами-участницами. Активная работа ведется над созданием торговых связей, инвестиционных проектов и инфраструктурных инициатив. Создание Нового банка развития (НБР) в 2014 году, который финансирует инфраструктурные и устойчивые проекты, стало очень важным достижением в странах БРИКС и других развивающихся странах [4]. Банк предоставляет кредиты на выгодных условиях, что способствует экономическому росту и развитию.

Для укрепления финансовой стабильности стран-участниц был создан Пул условных валютных резервов (ПУВР), который предоставляет финансовую поддержку в случае кризисных ситуаций. Это позволяет странам БРИКС быстрее реагировать на экономические потрясения и снижать зависимость от международных финансовых институтов, таких как Международный валютный фонд (МВФ).

БРИКС также служит платформой для политического диалога и сотрудничества. Страны-участницы регулярно проводят саммиты и встречи на высоком уровне, где обсуждают ключевые вопросы международной политики и безопасности. Они выступают за реформирование глобальных институтов управления, таких как ООН и МВФ, для укрепления роли представительства развивающихся стран [5].

Также немаловажным направлением деятельности БРИКС стало научно-техническое сотрудничество. Страны-участницы ведут обмен технологиями, ресурсами и опытом в таких областях, как энергетика, медицина, информационные технологии и космос. Совместные научные проекты и программы способствуют развитию инноваций и повышению конкурентоспособности экономик стран БРИКС [5].

Для укрепления взаимопонимания и дружественных отношений между народами стран-участниц, БРИКС активно направляет свои силы для развития культурного и гуманитарного сотрудничества: проводятся культурные фестивали, образовательные программы и обмены студентами, несколько лет подряд проводятся «Игры БРИКС».

БРИКС демонстрирует пример тесного и плодотворного взаимодействия между развивающимися странами, играя важную роль в развитии и укреплении международных отношений. Организация способствует созданию более справедливого и сбалансированного мирового порядка, основанного на принципах равенства, совместной безопасности и уважения суверенитета всех государств [6]. За последние годы, стран, желающих вступить в БРИКС, становится все больше. Так, с 2023 года в состав БРИКС вошли: Египет, Эфиопия, Иран, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. Эти страны стали членами объединения для усиления влияния развивающихся экономик на международной арене, а также для диверсификации своих экономик и уменьшения зависимости от нефти. Эти изменения отражают стремление БРИКС к расширению и укреплению позиций развивающихся стран на мировой арене.

В свою очередь, Российская Федерация и Китайская Народная Республика играют ключевые роли в БРИКС, и их участие имеет значительное влияние на развитие этой организации. Россия стремится использовать БРИКС для противодействия западной гегемонии и укрепления многополярного мирового порядка. Это особенно важно в свете текущих международных санкций и политической изоляции. Идет активное развитие экономических связей с другими странами БРИКС, особенно в энергетическом секторе, поставляя нефть и газ в Китай и Индию, что способствует укреплению международных связей. Кроме того, Россия и Китай регулярно проводят совместные военные учения, что укрепляет их стратегическое партнерство и безопасность.

Китай, в свою очередь, является крупнейшей экономикой в БРИКС и использует эту платформу для продвижения своих экономических интересов и усиления влияния на развивающиеся рынки. Китай активно инвестирует в инфраструктурные проекты в странах БРИКС. Он является крупнейшим торговым партнером России и других стран БРИКС, и в 2023 году объем двусторонней торговли между Китаем и Россией достиг 240,1 млрд. долларов. Китай также использует платформу БРИКС для продвижения и укрепления своих политических интересов, поддерживая многополярный мировой порядок и противостоя западному влиянию.

Обобщая вышесказанное можно отметить, что сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики в международных организациях, таких как ООН, ШОС и БРИКС, демонстрирует их целенаправленные усилия по укреплению многополярного мирового порядка и решению глобальных проблем. Эти организации предоставляют платформы для реализации стратегических интересов обеих стран, способствуя развитию взаимовыгодных отношений и укреплению их международных позиций. Таким образом, взаимодействие России и Китая в этих структурах не только отражает их стремление к более справедливому и сбалансированному мировому порядку, но и подчеркивает важность многостороннего подхода при решении современных вызовов мирового хозяйства.

Литература:

1. Лавров: РФ и Китай против «опасных игр» в реформе Совета Безопасности ООН // Интернет-газета «Ридус» [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.ridus.ru/lavrov--rf-i-kitaj-protiv-opasnyh-igr--v-reforme-soveta-bezopasnosti-oon-471700.html> (дата обращения: 01.10.2024).
2. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: // https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos/ (дата обращения: 01.10.2024).
3. Роль ШОС во внешнеполитической стратегии Китая // Российский совет по международным делам (РСМД) [Электронный ресурс]. URL: // <https://goo.su/73TmHy> (дата обращения: 02.10.2024).
4. Роль и перспективы БРИКС в формирующемся миропорядке // Центр экспертизы ВТО [Электронный ресурс]. URL: // <https://goo.su/RDF4aO> (дата обращения: 02.10.2024).
5. БРИКС как общий знаменатель стратегических приоритетов // Национальный комитет по исследованию БРИКС [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.nkibrics.ru/posts/show/57bd6d4f62726903e8090000> (дата обращения: 02.10.2024).
6. БРИКС в системе современных международных экономических отношений // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. URL: // <https://goo.su/3lfcq> (дата обращения: 02.10.2024).

УДК 327(510)

Гринь Егор Георгиевич, студент 3 курса
Институт истории и международных отношений ЮФУ
egorgrin2099@gmail.com

Склярва Елена Константиновна, докт. ист. наук, доцент
Институт истории и международных отношений ЮФУ
eskliarova@sfnu.ru

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МЯГКОЙ СИЛЫ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)

Аннотация. Статья анализирует роль Института Конфуция в продвижении китайской культуры и языка за рубежом, в частности в России. Основная цель Института — укрепление культурно-образовательного сотрудничества и дружеских отношений между Китаем и другими странами. В статье анализируются основные направления деятельности Института Конфуция, его влияние на образовательные и культурные процессы, а также его роль в укреплении отношений между Китаем и Россией. Актуальность темы связана с возрастающим интересом к изучению китайского языка и культуры и усилением международного сотрудничества.

Ключевые слова: Институт Конфуция, «мягкая сила», Китай, Россия, культурно-образовательное сотрудничество, международные отношения, китайский язык, китайская культура.

Egor G. Grin, 3rd year student
SFU Institute of History and International Relations
egorgrin2099@gmail.com

Elena K. Sklyarova, Ph.D. in History, Associate Professor
SFU Institute of History and International Relations
eskliarova@sfnu.ru

CONFUCIUS INSTITUTE AS A SOFT POWER TOOL (ON THE EXAMPLE OF RUSSIA)

Abstract. The article explores the impact of the Confucius Institute on the spread of Chinese culture and language outside China, particularly in Russia. The main goal of the Institute is to foster cultural and educational ties and build friendly relations between China and other countries. The article delves into the main activities of the Confucius Institute, heralding its contribution to educational and cultural exchanges, as well as its role in enhancing ties between China and Russia. The relevance of this topic lies in the growing interest in learning the Chinese language and culture and the ongoing strengthening of international cooperation.

Keywords: Confucius Institute, "soft power", China, Russia, cultural and educational cooperation, international relations, Chinese language, Chinese culture.

Сегодня, когда международные отношения становятся всё более сложными, многие государства обращают своё внимание на разработанную американским учёным Дж. Найем-младшим концепцию «мягкой силы». Последняя противопоставляется «грубой» (преимущественно военной) силе и подразумевает использование достижений культуры, спорта и привлекательности политической системы для достижения поставленной государством цели во взаимоотношениях с другими государствами [1].

В основе «мягкой силы» лежит доверие к государству, которое её применяет, и его привлекательность, а также интерес к его модели развития. Особенно ценно сказанное для таких

новых центров силы, как Китай или Россия. Правильно реализуемая политика «мягкой силы» позволяет, по мнению сторонников данной концепции, влиять на предпочтения других стран, заставляя их хотеть того же, что и вы. При этом не нужно принуждать их к изменениям. Основанный на «мягкой силе» подход, таким образом, позволяет применяющему его государству устанавливать более мирные и продуктивные отношения, создавая тем самым тесные его связи с другими странами.

Одним из ярких примеров использования мягкой силы является деятельность Института Конфуция (ИК). Последний активно функционирует в различных странах мира, включая Россию. Как указывает Д. Хуэй, Институты Конфуция — это некоммерческие организации в рамках одноимённой сети учебных заведений, создаваемые Китайской Народной Республикой и другими странами-партнёрами КНР. Создаются они с целью помочь людям из разных уголков мира в изучении китайского языка и углублении знаний о китайской культуре. Основная же цель Института Конфуция обозначается его создателями как укрепление культурно-образовательного сотрудничества, развитие дружеских отношений между Китаем и другими странами. Также в числе целей указывается содействие созданию многокультурного и гармоничного мира. Всё это Д. Хуэй называет «голосом Китая» [2].

При этом стратегические, редко публично декларируемые цели — это, без сомнения, максимизация «мягкой силы» КНР за рубежом. В её рамках ведётся расширение китайского присутствия, формируется адекватное восприятие китайской политики, популяризируется образ Китая и организуется противодействие его конкурентам.

Данная статья ставит своей целью определение роли и значения Института Конфуция как инструмента «мягкой силы» Китая. В качестве примера нами рассматривается деятельность Института Конфуция в России. Мы проанализируем основные направления деятельности Института, его влияние на образовательные и культурные процессы. Также нами рассматривается роль ИК в укреплении двусторонних отношений между нашими странами.

Актуальность обозначенной нами тематики связана с возрастающим интересом в России к изучению китайского языка и культуры. Также мы можем говорить об усилении международного сотрудничества между Китаем и РФ в различных сферах. Изучение механизмов и эффектов от деятельности Института Конфуция позволит, на наш взгляд, лучше понять современные тенденции в международных отношениях и влияние на них культурно-образовательного пространства.

Институт Конфуция был назван в честь известного китайского философа, хотя Коммунистическая партия Китая в течение XX-го века критиковала Конфуция. Для неё он был олицетворением китайской феодальной традиции. То, что коммунистические лидеры ранее пренебрегали конфуцианскими ценностями, привело, по мнению М. П. Самойловой и А.Ю. Тесной, к проблемам внутри страны [3], но негативный опыт был учтён Компартией Китая, и сегодня Конфуций — международный бренд Китая.

Первый Институт Конфуция был открыт 21 ноября 2004 г. в Сеуле, столице Южной Кореи. Вскоре после этого, в июне 2004 г., подобный институт появился в столице Узбекистана — Ташкенте. С тех пор во многих странах мира были основаны сотни ИК, но наибольшее их число — в США, Японии и Южной Корее. Так, в Соединённых Штатах в 2023 г. было 110 институтов и 501 класс, что составляет 40% всей образовательной сети. При этом сегодня в США против ИК развязана кампания по очернению, и многие сенаторы требуют их закрытия, обвиняя ИК в «прокитайской пропаганде». Как указывает Н.В.Селезнёва, некоторые страны уже (по тем или иным причинам) стали закрывать Институты Конфуция [4].

В России на сегодняшний день функционирует 21 Институт Конфуция. ИК представлены в таких городах, как Москва, Благовещенск, Владивосток, Волгоград, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Комсомольск-на-Амуре, Нижний Новгород, Новосибирск и др. Каждый ИК организуется на базе российского вуза, и у каждого такого вуза имеется свой вуз-партнёр с китайской стороны, который курирует работу ИК. Институты стремятся к развитию учебных, научных и культурных связей между Россией и Китаем.

Важно отметить, что Институты Конфуция учреждаются договором между российским

и китайским вузами при участии агентства Ханьбань (Канцелярия Международного Совета китайского языка). Ханьбань финансирует и обеспечивает методическую поддержку преподавателей, а российский вуз, в свою очередь, предоставляет помещения и учебное оборудование. ИК в правовом поле России не являются юридическими лицами и потому не требуют регистрации.

Помимо обучения китайскому языку, Институты Конфуция в России предлагают разнообразные культурные мероприятия. Для студентов, успешно сдавших экзамен HSK, предусмотрена поощрение — возможность пройти бесплатное обучение в Китае в течение одного года.

Институты Конфуция в России активно продвигают изучение китайского языка, что способствует его популяризации среди студентов и широкой публики. В сотрудничестве с российскими университетами и школами разрабатываются новые учебные программы, направленные на углублённое изучение китайского языка и культуры. ИК проводят в том числе подготовку преподавателей китайского языка, которые в итоге не только владеют языком, но и глубже понимают китайскую культуру. Их подготовка ведёт к более качественному последующему обучению студентов-китаеведов и школьников, изучающих китайский в качестве иностранного языка. В 2023 г. количество московских школ, предлагающих обучение китайскому языку, увеличилось более чем в два раза по сравнению с 2022 г. В 2023 г. насчитывалось уже 98 таких учебных заведений [5]. Этот впечатляющий рост свидетельствует о значительном повышении интереса к изучению китайского языка в нашей столице. Аналогичная тенденция отмечается и в других регионах России. Однако, точные данные по каждому региону могут быть недоступны, так как они зависят от местной специфики в образовательных программах и их реализации.

ИК регулярно организуют в России культурные мероприятия, такие как фестивали, выставки, концерты и кинопоказы. В ходе этих мероприятий российские граждане погружаются в атмосферу традиционных китайских празднеств. Также в России действуют культурные центры, созданные в партнёрстве с ИК. К примеру, Яндекс.Нейро на основе анализа открытых данных говорит о том, что в 2022 г. в России и Китае было проведено более 100 совместных мероприятий, включая фестивали, выставки, концерты и кинопоказы. В 2022-2023 гг., как указывает министр спорта РФ Олег Матыцин, прошло более 600 российско-китайских спортивных турниров [6]. Это значительно больше, чем в предыдущие годы и говорит о значительном росте интереса к культурному обмену и сотрудничеству в спорте.

Направлена работа ИК и на представителей российского бизнеса. Институты, в рамках сотрудничества с российскими университетами и бизнес-школами, предлагают такие программы, как «Китайский язык для бизнеса (продвинутый уровень)». Они могут быть полезны для российских бизнесменов. К примеру, одноимённая программа реализуется в ИК на базе УрФУ.

Однако имеет место и ряд сложностей. Как отмечает А. С. Бельченко, учебники по китайскому языку, разработанные китайскими лингвистами для российского образования, не всегда эффективны. Связано это с тем, что материалы, предоставленные для учебных пособий агентством Ханьбань, были изначально созданы для обучения корейских и японских студентов, которые с детства привыкли к иероглифической письменности. Для российских студентов эти учебники в должной мере не адаптированы, поэтому преподаватели китайского языка в России не могут с их помощью достичь значительных успехов в преподавании [7].

Также А. С. Бельченко отмечает, что, по мнению ведущих российских востоковедов, деятельность ИК должна контролироваться экспертами из образовательного сообщества России, не связанными со структурами этих институтов. Для этого, указывает автор, необходимо создать Совет по деятельности конфуцианских институтов, и он должен представлять собой межведомственный орган. В его состав могут войти представители Министерства науки и высшего образования, Академии наук РФ, включая Институт Дальнего Востока РАН и Институт востоковедения РАН, а также аналитические центры, работающие с Китаем. Такой орган, по мнению А. С. Бельченко, сможет контролировать и направлять образовательную дея-

тельность институтов Конфуция в соответствии с традиционными методами российского китаеведения, отвечающими интересам и задачам Российской Федерации [7]. Иными словами, это должно содействовать укреплению культурных и образовательных связей без риска чрезмерного влияния на интеллектуальные, политические и бизнес-элиты России.

Как указывают М. П. Самойлова и Е. А. Лобанова, отсутствие нормативно-правовой базы (Институты, как говорилось выше, не являются юридическими лицами) создает проблемы с контролем качества образования и функционирования ИК. По мнению авторов, с одной стороны, деятельность Институтов Конфуция должна находиться под контролем Совета по деятельности Конфуцианских институтов, а с другой — необходимо разработать нормативно-правовую базу для регулирования деятельности ИК в России [8].

Таким образом, Институт Конфуция представляет собой важный элемент «мягкой силы» Китая, направленный на развитие культурных и образовательных связей с Россией. Деятельность ИК в России способствует популяризации китайского языка и культуры среди студентов и широкой публики, а также активизации учебного, научного и культурного обмена между двумя странами. Институты организуют разнообразные культурные мероприятия, такие как фестивали, выставки, концерты и кинопоказы, что способствует укреплению культурных связей между Китаем и Россией. Работа Института Конфуция охватывает и представителей российского бизнеса. В сотрудничестве с китайскими университетами и бизнес-школами предлагаются программы по различным направлениям, которые могут быть полезны для деловых людей.

Литература:

1. Nye Jr. J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – New York: Public Affairs, 2004. – 216 p. – URL: <https://archive.org/details/softpowermeansto00nyej/page/n5/mode/2up> (дата доступа: 02.12.2023).
2. Хуэй Д. Роль институтов Конфуция в распространении китайской традиционной культуры // *Этносоциум и межнациональная культура*. – Том 10. – №172. – 2022. – С. 72–77. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-institutov-konfutsiya-v-rasprostranении-kitayskoy-traditsionnoy-kultury> (дата доступа: 12.10.2024).
3. Самойлова М.П., Тесная А.Ю. Конфуцианство в политике социализма с китайской спецификой // *Juvenis scientia*. – №11. – 2017. – С. 44–45. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfutsianstvo-v-politike-sotsializma-s-kitayskoy-spetsifikoy> (дата доступа: 12.10.2024).
4. Селезнева Н.В. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» Китая: проблемы и перспективы развития в новую эпоху // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. – Том 26. – №26. – 2021. – С. 291–305. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-konfutsiya-kak-instrument-myagkoy-sily-kitaya-problemy-i-perspektivy-razvitiya-v-novuyu-epohu> (дата доступа: 12.10.2024).
5. Спиридонов Н. За год число московских школ с китайским выросло больше чем в два раза – теперь их 98 // *Москвич Mag*. – URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/za-god-chislo-moskovskih-shkol-s-kitajskim-vyroslo-bolshe-chem-v-dva-raza-teper-ih-98/> (дата доступа: 12.10.2024).
6. Матыцин: более 600 турниров в рамках сотрудничества РФ и Китая прошли в 2022-2023 годах // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/sport/19760601> (дата доступа: 12.10.2024).
7. Бельченко А.С. Деятельность институтов Конфуция в российской Федерации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. – №1. – 2010. – С. 65–74. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-institutov-konfutsiya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата доступа: 12.10.2024).
8. Самойлова М.П., Лобанова Е.А. Правовое регулирование деятельности институтов Конфуция в России // *Juvenis scientia*. – №6. – 2017. – С. 29–31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-institutov-konfutsiya-v-rossii> (дата доступа: 12.10.2024).

Громов Роман Алексеевич, аспирант
Кафедра истории и культурологии
Комсомольский-на-Амуре государственный университет
roma_gromov_99@list.ru

НОРМАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АНАЛИТИКЕ ЦРУ: ФАКТОРЫ, ПРЕПЯТСТВОВАВШИЕ СБЛИЖЕНИЮ В 1980-Е ГГ.

Аннотация. В статье рассматривается процесс нормализации советско-китайских отношений в 1980-е гг. В настоящее время в российско-китайских отношениях наблюдается тенденция укрепления взаимодействия и сотрудничества. Однако в истории советско-китайских отношений был период недоверия с 1960-х гг. по 1980-е гг. Актуальным представляется изучение процесса нормализации советско-китайских отношений в 1980-х гг., как главного фактора повышения межгосударственного сотрудничества с Китаем. На основе рассекреченного исследования Центрального разведывательного управления были выявлены возможные факторы, препятствовавшие советско-китайскому сближению. Автор делает вывод, что таковыми могли факторами могли являться: личный фактор Дэн Сяопина, который мог в полной мере не доверять Советскому Союзу; нежелание Китая принимать чью-либо из сторон, советскую или Запада; комплекс проблем, возникавших в советско-китайской торговле в рассматриваемый период; стремление получить наибольшую экономическую выгоду от торговли с Западом как со стороны КНР, так и со стороны СССР.

Ключевые слова и фразы: Советско-китайские отношения, нормализация, ЦРУ.

Gromov Roman Alekseevich, PhD student
Department of History and Cultural Studies
Komsomolsk-on-Amur State University
roma_gromov_99@list.ru

NORMALIZATION OF SOVIET-CHINESE RELATIONS IN THE CIA ANALYTICS: FACTORS OBSTACLES TO APPROACHES IN THE 1980S.

Abstract. The article examines the process of normalization of Soviet-Chinese relations in the 1980s. At present, there is a tendency to strengthen interaction and cooperation in Russian-Chinese relations. However, in the history of Soviet-Chinese relations there was a period of mistrust from the 1960s to the 1980s. It is relevant to study the process of normalization of Soviet-Chinese relations in the 1980s, as the main factor in increasing interstate cooperation with China. Based on a declassified study of the Central Intelligence Agency, possible factors that hindered Soviet-Chinese rapprochement were identified. The author concludes that such factors could be: the personal factor of Deng Xiaoping, who could not fully trust the Soviet Union; China's reluctance to take sides, the Soviet Union or the West; a set of problems that arose in Soviet-Chinese trade during the period under review; the desire to get the greatest economic benefit from trade with the West on the part of both the PRC and the USSR.

Key words and phrases: Soviet-Chinese relations, normalization, CIA.

В условиях современных реалий международное сотрудничество играет важную роль, способствуя экономическому и техническому развитию взаимодействующих государств. Обмен знаниями и опытом ценен для каждого государства и стремление налаживать крепкие и взаимовыгодные отношения всегда будет расцениваться как рациональный и миролюбивый подход к внешней политике. На данный момент в российско-китайских отношениях наблюдается именно такой подход. Отношения между Российской Федерацией и Китайской

Народной Республикой крепки и отмечаются тенденцией повышения сотрудничества во всех областях [3]. Однако в истории советско-китайских отношений был период недоверия, который, начавшись в 1960-е гг. с приграничных столкновений, закончился в конце 1980-х гг. восстановлением и последующей нормализацией отношений между странами. Актуальным представляется изучение процесса нормализации советско-китайских отношений в 1980-х гг., как главного фактора повышения межгосударственного сотрудничества с Китаем.

Активное сближение Советского Союза и Китая началось в 1980-е гг. На государственном уровне двух стран были провозглашены решения, способствовавшие налаживанию советско-китайских контактов. В начале 1980-х гг. внешняя политика КНР, ориентируясь на решения 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, преследовала цели обеспечения мирных внешних условий для благоприятного внутреннего развития государства. 24 марта 1982 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев в Ташкенте обозначил позицию СССР в отсутствии сомнений по поводу социалистического характера Китая и в желании развивать отношения с ним. В 1982 г. XII съездом КПК был закреплен отказ Китая от стратегических и союзнических отношений со «сверхдержавами». Тогда же с китайской стороны появлялось стремление к нормализации отношений с Советским Союзом [1, с. 414].

Условия для осуществления нормализации ставила преимущественно китайская сторона, а советская искала пути их преодоления. В 1986 г. лидером КНР Дэн Сяопином были выдвинуты условия Советскому Союзу, так называемые «три препятствия», которые советской стороне предстояло решить. Суть препятствий заключалась в том, чтобы ослабить уровень потенциальной военной угрозы для китайцев путем вывода войск из отдельных приграничных районов и прекращении поддержки Вьетнама в Камбодже [5, с. 228]. В свою очередь в июле того же года М.С. Горбачев во Владивостоке выступил с предложением о готовности организации советско-китайской встречи и решимости устранить «три препятствия» [2, с. 75]. Процесс устранения «трех препятствий» сопровождался визитами министров иностранных дел и различных делегаций, а также двусторонними культурными обменами. Визит М.С. Горбачева в Китай в мае 1989 г. явился кульминацией этой работы [4, с. 62]. Во время встречи М.С. Горбачева и Дэн Сяопина в Пекине было подписано «Китайско-советское коммюнике», которое подтвердило нормализацию советско-китайских отношений и способствовало дальнейшему их развитию в положительном направлении [1, с. 414]. С этого времени отношения между странами были нормализованы и последовательно продолжают свое развитие.

Нормализация отношений заняла годы, прежде чем на официальном уровне можно было говорить об их полном восстановлении. Период 1980-х гг. советско-китайское взаимодействие происходило не только по общественно-культурной и политической линии, но и в экономической и научно-технической области [2, с. 74]. Возникает вопрос, насколько сдерживающим фактором выступали «три препятствия» или были еще какие-то причины, осложнявшие советско-китайское взаимодействие? Ответить на этот вопрос, возможно, поможет обращение к документам того периода. Большую помощь в анализе процесса советско-китайского сближения сыграли материалы архива ЦРУ, который в 2017 г. был рассекречен и стал доступен для изучения (CREST - CIA Records Search Tool). В настоящей работе ставится цель – найти в документах ЦРУ дополнительные сведения, которые могли бы быть отнесены к препятствующим нормализации советско-китайских отношений ранее 1989 г.

В настоящей работе проведен анализ материалов ЦРУ, в которых изучался процесс советско-китайской нормализации при М.С. Горбачеве. В июле 1988 г. отделами советского и восточно-азиатского анализа ЦРУ было опубликовано исследование «Китайско-советские отношения: влияние политики нового мышления М.С. Горбачева», статус секретности которого был снят 23 октября 2012 г. [6]. Изучение данного документа позволит улучшить понимание того, почему процесс советско-китайской нормализации занял столь длительный период.

«Три препятствия», выдвинутые Дэн Сяопином, рассматривались в ЦРУ не как ключевой момент для налаживания отношений, а как инструмент с помощью которого Китаю

можно было какое-то время держаться от СССР на расстоянии. В отчете отмечается, что Китай использовал «три препятствия» в качестве регулятора отношений с Москвой. Американская аналитика считала, что китайская сторона к 1988 г. была убеждена в искренности намерений М.С. Горбачева и могла заявить о готовности перейти к улучшению отношений в любой момент [6]. Но до 1989 г. этот момент не наступал. Аналитики считали, что китайский курс на равное отношение с СССР и США в рамках советско-китайского сближения – это показатель не столько наличия просоветских настроений в Китае, сколько показатель опасения Запада. Таким образом, Китай мог занимать выжидательную позицию, ожидая изменений условий с той или иной стороны

Главным препятствием на пути к нормализации советско-китайских отношений, по мнению Управления, являлась твердая политика Дэн Сяопина. В ЦРУ считали, что Дэн Сяопин обладал недоверием и скепсисом к Советскому Союзу даже после того, как достиг ослабления напряженности на границе. Был сделан вывод о том, что высокопоставленные лица Китая никак не могли влиять на отношение к Союзу и только после смерти Дэн Сяопина китайская позиция начала бы смягчаться, имея ряд прагматических целей: улучшить торговлю с СССР и получить ряд преимуществ, в том числе удешевление товаров.

Еще одно препятствие на пути к нормализации советско-китайских отношений было стремление Китая к модернизации экономики, для которой требовались западные технологии и капитал, в результате китайская сторона опасалась, что к всему этому мог быть закрыт доступ в случае вступления в союз с СССР [6].

Стоит отметить, что в отчете ЦРУ был проведен анализ результатов советско-китайского сближения для США. Один результат заключался в ужесточении советских и китайских позиций на переговорах с Соединенными Штатами, особенно если бы СССР и КНР увидели, что влияние их позиций усиливалось бы за счет более тесных отношений. Другой вариант развития событий положительно сказывался бы и для США. Это сотрудничество по сдерживанию Северной Кореи, давление на Вьетнам, что способствовало бы стабилизации обстановки в Азии [6]. Поэтому американцы тоже были заинтересованы в поиске всех слабых позиций в советско-китайских отношениях, ведь их итоги могли сказаться не в пользу США.

Отдельное внимание в американской аналитике было уделено возросшей советско-китайской торговле. В исследовании приводятся данные о росте товарооборота с 300 млн. долл. в 1982 г. до 2,6 млрд долл. в 1986 г. Отмечается, что в 1987 г. произошел спад товарооборота примерно на 20%, а в 1988 г. планировался его возврат к уровню 1986 г. Спад 1987 г. и дальнейшая стагнация товарооборота объяснялась рядом причин. Пекин испытывал нехватку зерна на внутреннем рынке, поэтому не мог в полной мере исполнять экспортные обязательства. Китай был недоволен качеством и техническим уровнем советского промышленного оборудования, в результате чего некоторые поставки подписанного в июле 1985 г. соглашения о товарообороте были отложены. Китай и Советский Союз испытывали трудности с контролем своих предприятий и заводов в плане выполнения своих торговых обязательств. В исследовании отмечалось, что на пути роста советско-китайской торговли стояли препятствия в виде некачественных советских товаров и отсутствия реального опыта в современной экономике. О долгосрочной перспективе советско-китайской торговли прогноз был не положительный. Считалось, что СССР и Китай больше стремились к западным технологиям и торговле, чем к экономическим связям друг с другом, надеясь получать товары высокого качества [6].

Итак, материалы архива ЦРУ позволяют дополнить круг факторов, препятствовавших в 1980-х гг. нормализации советско-китайских отношений. Таковыми являлись: личный фактор Дэн Сяопина, который мог в полной мере не доверять Советскому Союзу; стремление Китая формировать независимый курс, не принимая ни советскую, ни западную сторону; комплекс проблем в советско-китайской торговле в рассматриваемый период; стремление КНР и СССР получить наибольшую экономическую выгоду от торговли с Западом.

Литература:

1. Куликова Г. В. Страницы истории: российско-китайские отношения и народная дипломатия (1949-1989 гг.) / Г. В. Куликова // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2021. – Т. 26, № 26. – С. 396–419.
2. Нечай А. А. Советско-китайские отношения в 1980-е годы / А. А. Нечай // Россия в глобальном мире. – 2022. – № 24(47). – С. 68–83.
3. Президент России. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином [Электронный ресурс] URL: // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70746> (дата обращения 15.09.2024)
4. Трифонов, В. И. Внешняя политика КНР (1949-2009 гг.) / В. И. Трифонов // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – № 5. – С. 57-70.
5. Чуньюе Л. Нормализация советско-китайских отношений и ее историческое значение / Л. Чуньюе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 222-234.
6. SINO-SOVIET RELATIONS: IMPACT OF GORBACHEV'S NEW THINKING [Электронный ресурс] URL: // <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp07c00121r001000290001-7> (дата обращения 16.09.2024)

Даулань Майэрхали, ассистент

Кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований
Казанский (Приволжский) федеральный университет
nkudreamer@mail.ru

Мустафина Юлия Альбертовна, ассистент

Кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований
Казанский (Приволжский) федеральный университет
YuAMustafina@kpfu.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ В КИТАЙСКОЙ РЕКЛАМЕ

Аннотация. Социальное развитие и инновации в сфере человеческой деятельности обновляют словарный состав языка. Данная статья посвящена возникновению такого языкового явления как неологизмы в китайских масс-медиа. Развитие языка происходит из-за изменений в существующих моделях словообразования, а также из-за нового словообразования. Подчеркивается, что неологизмы отражают изменения в обществе и нормальном социальном порядке, произошедшие в китайском языке, особенно в средствах массовой информации, прежде всего под влиянием компьютеризации, глобализации и других факторов. Неологизмы являются одним из наиболее распространенных приемов в СМИ. Целью данного исследования является изучение явления новых слов в масс-медиа. Материалом для статьи стал текст китайской рекламы. Рекламные сообщения - уникальный материал для изучения функционирования языковых механизмов в достаточно сложных условиях речевого взаимодействия. В исследовании использован метод теоретического анализа при работе с китайскими СМИ. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем анализе функционирования неологизмов в китайских масс-медиа. Также это исследование способствует развитию китайского дискурса.

Ключевые слова: китайский язык, неологизм, реклама

Dawulan Maierhali, assistant

Department of Chinese and Asian-Pacific Studies
Kazan Federal University
nkudreamer@mail.ru

Mustafina Yulia Albertovna, assistant

Department of Chinese and Asian-Pacific Studies
Kazan Federal University
YuAMustafina@kpfu.ru

THE USE OF NEOLOGISMS IN CHINESE ADVERTISING

Abstract: Social development and innovation in the sphere of human activity update the vocabulary of the language. This article is devoted to the emergence of such a linguistic phenomenon as neologisms in Chinese mass media. Language development occurs due to changes in existing patterns of word formation, as well as new word formation. It is emphasized that neologisms reflect changes in society and the normal social order that have occurred in the Chinese language, especially in the media, primarily under the influence of computerization, globalization and other factors. Neologisms are one of the most common techniques in the media. The purpose of this study is to study the phenomenon of new words in the media. The material for the article was the text of a Chinese advertisement. Advertising messages are a unique material for studying the functioning of language mechanisms in rather complex conditions of speech interaction. The study used the method of theoretical analysis when working with Chinese media. The results of the study can be used in

further analysis of the functioning of neologisms in Chinese mass media. This study also contributes to the development of Chinese discourse.

Key words: Chinese, neologisms, mass media, vocabulary

Развивается социум и его изменения влияют на все сферы деятельности. Каждое изменение отражалось в языке, новые объекты и языковые явления фиксировались, с помощью новых лексических единиц – неологизмов. Они имеют несколько значений. В узком смысле, неологизмы – это слова и выражения, которые используются для обозначений новых явлений окружающей действительности, ее предметов. В широком смысле – неологизмы описывают не только все окружающее, но и функционирующие для описания определенные исторические периоды. Признаком неологизма является абсолютная новизна слова для большинства носителей языка. Слово считается неологизмом короткое время. Как только слово начинает активно употребляться, оно теряет признак новизны и становится общеупотребительным [2, с.3].

Многие исследователи заинтересованы возможностью углубиться в данный феномен, они продолжают активно развивать и пополнять информацию, касающуюся науки о неологизмах, неологии.

Язык современного общества уже не может существовать без неологизмов. По причине быстрого появления и распространения неологизмы стали употребляться в медиапространствах. Там они служат для обозначения новых явлений, предметов, событий. Цель использования новых слов заключается в том, чтобы целевая аудитория быстро поняла и запомнила рекламное сообщение. К тому же помогает авторам избежать речевых клише и шаблонов.

Употребление неологизмов в различных СМИ зависит от направленности издания, способа распространения периодики и целевой аудитории. Например, в изданиях, ориентированных на молодежь, неологизмы используются гораздо чаще, чем в изданиях, ориентированных на людей старшего поколения. То же самое относится и к специализированным изданиям, в которых используется своя терминология и неологизмы.

В Китае, благодаря мощному экономическому развитию, научно-техническому прогрессу и широкому потоку приобщения людей к мировой культуре, активно используются все преимущества современных интернет-технологий. Самое большое количество пользователей интернета и других средств массовой информации приходится на эту страну. В опубликованной статье «Объединенного информационного интернет-центра Китая (CNNIC)» и их статистического исследования развития интернета, к лету 2020 года 77% населения страны являлись активными пользователями всех видов СМИ. [CNNIC,5].

Для целей данной статьи были выбраны наиболее распространенные в китайских СМИ лексические единицы. Современные неологизмы, использующиеся в СМИ, можно разбить по сферам деятельности:

1) Медицинская реклама социальна значима. Пандемия COVID-19 повлияла не только на экономику, политику общества, но и на его язык. В это время появилось множество медицинских неологизмов, таких как:

逆行者 nìxíngzhě (букв. «мятежный путник») описывает людей, идущих против течения, стоящих против невзгод. В СМИ так называли медицинских работников, которые ценой своей жизни спасали обычных людей;

不约而同 bù yuē ér tóng «единогласно, не сговариваясь» изначально это означало, что предварительного обсуждения не было и мнения или действия друг друга были согласованы. После новой эпидемией коронавирусной пневмонии это слово приобрело новое значение: «никаких свиданий, никаких собраний» стало правилом, которому все следуют.

大白 dàbái «медицинский персонал и волонтеры», которые одеты в белую изолирующую защитную одежду и находятся на передовой линии «противоэпидемической». Они являются “первой линией обороны” для защиты здоровья людей, героями и героинями “борьбы с эпидемией”, и оставили неизгладимый след в этой эпохе.

2) Косметологическая реклама:

恐龙 kǒnglóng (букв. «динозавр») – «некрасивая девушка» появилась благодаря опечатки одного из пользователей сети;

青蛙 qīngwā (букв. «лягушка») – «некрасивый парень» большинство исследователей считают, что данный неологизм взят из сказки братьев Grimm «Принц-лягушка»;

菌男 jūnnán шутовское прозвище «красивый парень» (оригинал 俊男 jùnnán заменяется на 菌男, где 菌 jūn имеет значение «плесень, грибок, микроб»);

霉女 méinǚ шутовское обращение «красивая/смазливая девушка» (оригинала 美女 měinǚ заменяется на 霉女, где 霉 méi имеет значение «грибок, черный»);

嫩白 nèn bái «нежная и светлая», это слово обычно используется для описания женской кожи. Многие рекламные объявления косметики используют новое слово про отбеливание кожи, чтобы привлечь покупателей.

3) Экономические неологизмы:

打工人 dǎgōngrén «работяга, труженик» относится к общему термину для всех людей, занятых физическим или техническим трудом.

云监工 yúnjiāngōng «облачный работник» обычно относится к удаленному наблюдению за ходом выполнения чего-либо через сеть. Хотя изначально относилось к периоду борьбы с эпидемией пневмонии, когда десятки миллионов пользователей Сети смотрели онлайн 24-часовую прямую трансляцию строительной площадки больницы Ухань.

Неологизмы популярные в самых разных областях:

新赛道 xīnsàidào раньше употреблялся только в экономической сфере. Означал развивающуюся отрасль, основной конкурентоспособностью которой являются новые технологии и новые модели. Новое слово обладает характеристиками опережающего развития, прорывных инноваций и взрывного роста. 新赛道 содержит огромное количество рынков и совершенно новых возможностей для роста, где сталкивается с будущее и нынешней динамикой. На данный момент неологизм используется и в других сферах, где означает все новые отправные точки, новые путешествия, а также новые усилия и т.д.

天花板 tiānhuābǎn «предел, максимум, потолок»: красивое лицо называют «потолком красоты», сверхобщественные способности называют «социальным потолком», выдающаяся способность приносить товары называется «потолком товаров», стандарт военной подготовки для колледжа студентов называют «потолком военной подготовки», а футбольную и баскетбольную команды - «потолком нападающих» за их выдающиеся навыки, и так далее.

После изучения материала можно сделать вывод, что в настоящее время использование неологизмов является одним из наиболее распространенных приёмов при создании рекламы, а также, что источники пополнения лексического состава китайского языка в СМИ весьма разнообразны.

Следует отметить, что влияние средств массовой информации не только оказывает большое влияние на китайское общество, но и оказывает большое влияние на развитие и формирование нового современного китайского языка. Из-за влияния масс-медиа китайская лингвистика претерпевает изменения в новых языковых единицах быстрее, чем общество может достичь этого самостоятельно, в зависимости от актуальности и продуктивности ранее существовавших единиц.

Данное исследование вносит вклад в развитие сопоставительной лингвистики, лингвокультурологии, медиа лингвистики на примере медиа дискурса.

Литература:

1. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. Пособие для студентов и учителей. – М.: Просвещение, 1973. – 224 с.

Электронный ресурс:

2. Гальцева А. А. Неологизмы XXI века [Электронный ресурс]. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/v/neologizmu-xxi-veka> (дата обращения: 25.07.2024).
3. Ефремов В. Русский язык в Интернете [Электронный ресурс] // Журнальный зал. 2013. – Октябрь. – № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2013/5/e15.html> (дата обращения: 25.07.2024).
 4. Иванова Т. С. Речевое поведение общения масс-медиа [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rechevoe-povedenie-mass-media> (дата обращения: 25.07.2024).
 5. Statistical Report on Internet Development in China. September 2020 (Статистический отчет о развитии Интернета в Китае. Сентябрь 2020) [Электронный ресурс] URL: <https://www.cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/202012/P020201201530023411644.pdf> (дата обращения: 25.07.2024)
 6. Курбанова, М. С. Неологизм как языковой феномен в средствах массовой информации / М. С. Курбанова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 2 (397). – С. 376-378. – [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/397/87786/> (дата обращения: 25.07.2024).
 7. Некипелова И. М. Глобализация языка: неизбежность или необходимость? [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/globalizatsiya-yazyka-neizbezhnost-ili-neobhodimost> (дата обращения: 25.07.2024).
 8. Осинцева Т.В. Использование неологизмов в современном рекламном тексте / Т.В.Осинцева – Белгород, 2016. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.izron.ru/articles/perspektivy-razvitiya-sovremennykh-gumanitarnykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarod/sektsiya-15-zhurnalistika-spetsialnost-10-01-10/ispolzovanie-neologizmov-v-sovremennom-reklamnom-tekste/>
 9. Тихонова, Е. В. Неологизмы в китайском языке: пути появления и классификация / Е. В. Тихонова, Ю. П. Леонтьева. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 18 (98). – С. 536-538. – [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/98/22029/> (дата обращения: 28.07.2024).
 10. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://bkrs.info> (дата обращения: 30.07.2024).

Дацышен Владимир Григорьевич,

доктор исторических наук, профессор,

ведущий научный сотрудник

Лаборатории Исторических и социально-экономических

исследований Сибири и Центральной Азии

Федерального исследовательского центра

«Красноярский научный центр Сибирского отделения

Российской академии наук»; Институт демографических

исследований ФНИСЦ РАН;

Красноярский государственный педагогический университет

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РЕГИОНАХ СИБИРИ В КОНЦЕ 1980-Х - НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.

Аннотация. Статья посвящена проблемам становления современной китайской трудовой миграции в России. В центре исследования проблемы появления китайской трудовой миграции в позднесоветский период и ее развитие до 1993 г. в регионах Сибири. Актуальность работы обусловлена общественно-политической значимостью проблемы при относительно слабой ее изученности. Исследование выполнено на основе выявленных в архивах делопроизводственных документов, в том числе китайского происхождения, материалов периодической печати и других исторических источников и публикаций современников и участников событий. В результате исследования сделаны выводы о том, что первые договоренности о привлечении китайских рабочих рук в Сибирь были достигнуты в 1987 г., начало китайской трудовой миграции в России относится в 1988 г. Инициировано привлечение китайских рабочих рук в российскую экономику было на уровне регионов. В период 1988-1993 гг. китайская трудовая миграция развивалась бурно, лидером была Читинская область. В сибирские регионы ехали не только неквалифицированные рабочие, но и разного рода специалисты. В числе первых трудовых мигрантов в крупные сибирские города приехали повара и врачи. Изменение государственной политики в отношении китайской миграции, инициированное на уровне регионов, привело к сокращению общих объемов китайской трудовой миграции в середине 1990-х гг.

Ключевые слова: Нормализация советско-китайских отношений, китайская трудовая миграция, приграничное и межрегиональное сотрудничество, регионы Сибири.

Datsyshen Vladimir Grigorievich,

Doctor of Historical Sciences, Professor,

Leading Researcher

Laboratories of Historical and Socio-Economic Research

of Siberia and Central Asia of the Federal Research Center

“Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the

Russian Academy of Sciences”;

Institute of Demographic Research of the Federal Research

Center of the Russian Academy of Sciences;

Krasnoyarsk State Pedagogical University

PROBLEMS OF THE FORMATION OF CHINESE LABOR MIGRATION IN THE REGIONS OF SIBERIA IN THE LATE 1980S - EARLY 1990S

Abstract. The article is devoted to the problems of the formation of modern Chinese labor migration in Russia. The study focuses on the problems of the emergence of Chinese labor migra-

tion in the late Soviet period and its development until 1993 in the regions of Siberia. The relevance of the work is due to the socio-political significance of the problem despite its relatively weak study. The study is based on the office documents found in the archives, including those of Chinese origin, periodicals and other historical sources and publications of contemporaries and participants in the events. The study concluded that the first agreements on attracting Chinese labor to Siberia were reached in 1987, and the beginning of Chinese labor migration in Russia dates back to 1988. Attracting Chinese labor to the Russian economy was initiated at the regional level. In the period 1988-1993, Chinese labor migration developed rapidly, with the Chita Region leading the way. Not only unskilled workers but also various specialists went to the Siberian regions. Cooks and doctors were among the first labor migrants to large Siberian cities. Changes in state policy regarding Chinese migration, initiated at the regional level, led to a reduction in the overall volume of Chinese labor migration in the mid-1990s.

Keywords: Normalization of Soviet-Chinese relations, Chinese labor migration, cross-border and interregional cooperation, regions of Siberia.

Важнейшими фактором развития Сибири и Дальнего Востока России в позднесоветский период (1970-1980-х гг.) были синофобия и дефицит (реальный или мнимый) рабочих рук. Синофобия или боязнь китайской агрессии или демографической экспансии имела многовековую историю, но была актуализирована начавшимся во второй половине 1960-х гг. советско-китайским противостоянием и демографическим скачком в КНР. Представления о большом дефиците рабочих в восточных районах России формировались в условиях экстенсивного развития советской экономики и сырьевой ее направленности. Начавшиеся в 1980-х гг. процесс нормализации советско-китайских отношений и кризисные явления в советской экономике обострили интерес общественности к этим проблемам. В обществе возникли ожидания массового использования китайского труда при одновременном опасении наплыва китайцев.

На рубеже 1980-1990-х гг. в СССР были популярны заявления неких «экспертов» о многомиллионных потребностях рабочих рук для развития Сибири, и эти рабочие должны прийти в Россию именно из Китая. Подобного рода «экспертные оценки» транслируются и в XXI в.: «Некоторые... специалисты подсчитали, что для восстановления экономики и «разбавки» стареющего населения России нужно принимать 5–7 млн мигрантов в год. При этом китайцы могут стать одним из основных миграционных потоков в Российскую Федерацию... По некоторым подсчетам, если бы Китай экспортировал 1 млн человек рабочей силы (около 1% населения России), то это обеспечило бы обработку около 10% пахотных земель, с которых можно получить продукции на 10 млрд долл. в год. К тому же наем китайцев обходится на порядок дешевле, чем наем собственных граждан (Бабаян 2011, с. 146). Данные прогнозы и «экспертные оценки» не подтверждены ни документами, ни реальной жизнью, тем не менее, китайский труд оказал влияние на развитие экономики в восточных регионах России, влиял на общественно-политическую жизнь в стране на протяжении трех с лишним десятилетий современной истории России. В этой связи представляется интересным опыт становления китайской трудовой миграции в период завершения процесса нормализации советско-китайских отношений и становления современных российско-китайских отношений.

Под трудовой миграцией мы понимаем перемещение людей с целью занятия трудовой деятельностью на новом месте. Китайской трудовой миграцией в России называется приезд граждан КНР в Россию на определенное время или навсегда с целью занятия трудовой деятельностью на новом месте. В этой связи особое внимание уделяется миграции рабочих и различно рода специалистов. Мы объединяет под единым понятием китайской трудовой миграции приезд на работу в Россию китайцев, как в рамках различных договоров и соглашений, так и в поисках работы на месте по частной инициативе.

Сибирь мы рассматриваем в традиционных границах, включая Забайкалье. Хронологические рамки выбраны 1988-1993 гг., именно эти годы признаются в научном сообществе в качестве первого периода государственной политики в отношении китайской трудовой ми-

грации в современной России.

Опыт китайской трудовой миграции в позднесоветский период до настоящего времени остается слабо изученным. В работах исследователей лишь фрагментарно затрагиваются вопросы истории китайской трудовой миграции конца 1980-х – начала 1990-х гг. Бессменный ведущий дальневосточный китаевед В.Л. Ларин утверждает, что «Экспорт китайской рабочей силы в СССР был начат в 1986 г.» (Ларин 2006, с. 112), однако в работе не приводятся примеры трудовой миграции до 1988 г. Кроме того, в своих исследованиях дальневосточный китаевед делает акцент на китайской трудовой миграции в приграничных регионах. Историей китайской трудовой миграции занималась известный исследователь Н. Н. Аблажей, она пишет: «Еще в 1988 г. принято решение о налаживании прямых контрактных связей между предприятиями по вопросу найма рабочей силы» (Аблажей 2011, с. 37). Авторитетный российский китаевед А.Г.Ларин в своей обобщающей работе «Китайские мигранты в России. История и современность», говоря о китайской миграции в конце 1980-х – начале 1990-х гг., делает акцент на торговцах (Ларин 2009, с. 146-147). Что касается других трудовых мигрантов, то о них говорится в параграфе «Рабочие»: «использование китайской рабочей силы в современной России началось с нуля во второй половине 1980-х годов... в 1991 г. на лесозаготовках, строительных объектах и овощеводстве уже трудилось 10 тыс. китайских рабочих» (Ларин 2009, с. 146-147). В целом, в различных работах отечественные исследователи если и затрагивают вопросы истории китайской трудовой миграции, то лишь применительно к приграничным с Китаем регионам. Собственно, в Сибири с Китаем граничил лишь один регион – Читинская область, если не считать небольшого горного участка российско-китайской границы на Алтае. В Чите проблемам отношений с Китаем на уровне региона уделяется больше внимания со стороны китаеведов и историков (Тарасов 2003; Забайкалье 2015). Таким образом, исследователи поднимали проблемы иностранного труда или китайской миграции в разных регионах востока России, в публикациях имелись отрывочные данные об иностранной трудовой миграции (Чепелев 2001), но четкой и убедительной картины событий и анализа связанных с ними проблем в отечественной историографии не появилось. В последние годы интерес к проблеме в отечественной науке сохраняется, правда, в основном применительно к регионам Дальнего Востока, в качестве примера можно привести работу дальневосточного китаеведа С. А. Иванова о китайских овощеводах в Приморье в позднесоветский период (Иванов 2023). Однако проблемы истории китайской трудовой миграции в конце 1980-х – начале 1990-х гг., безусловно, нуждаются в дальнейшем изучении.

Целью работы является восстановление исторических событий формирования современной китайской трудовой миграции в регионах Сибири, выявление и анализ проблем, связанных с этим явлением. В качестве источников базы исследования выбраны различного рода документы и материалы, как опубликованные или размещенные в электронных базах данных, так и выявленные в архивных фондах. В работе использованы документы китайского происхождения, материалы средств массовой информации, интервью и др. В качестве источника использованы экспертные оценки специалистов-современников событий, а также статданные и тексты соглашений, опубликованные в работах исследователей. Например, три документа, отражающие сотрудничество Читинской области с Китаем в 1988-1990 гг., опубликовал в качестве приложения к своему исследованию А. П. Тарасов (Тарасов 2023, с. 389-404).

Отправной точкой истории современной китайской трудовой миграции в России можно считать подписание 8 июня 1988 г. в г. Пекине таких документов, как «Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Китайской Народной Республики об установлении и развитии торгово-экономических связей между союзными республиками, министерствами, ведомствами, объединениями и предприятиями СССР, и провинциями, автономными районами и городами КНР» (Соглашение), «Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Китайской Народной Республики о принципах создания и деятельности совместных предприятий» (Соглашение). Благодаря межправительственному соглашению от 15 июля

1988 г. о режиме безвизовых перевозок туристических групп пересечение границы для граждан двух государств значительно упростилось. Таким образом, летом 1988 г., за год до окончательного урегулирования советско-китайских отношений, была создана договорная база для привлечения китайских трудовых ресурсов в народное хозяйство Советского Союза.

Здесь следует отметить, что созданию договорной основы для китайской трудовой миграции на межгосударственном уровне шло одновременно с переговорами по данной проблеме на уровне регионов, и не только приграничных. Более того, привлечение китайских рабочих рук в Россию было впервые зафиксировано на уровне межрегиональных соглашений и контрактов между приграничными организациями. Забайкальские историки утверждают, что первые договоренности об использовании китайского труда на российской территории в этот период были достигнуты на состоявшемся в июле-августе 1987 г. в Чите «совещании советско-китайской смешанной пограничной железнодорожной комиссии». Они пишут: «Тогда же, впервые за все время развития приграничных и межрегиональных связей Забайкалья и провинций КНР, было заключено соглашение об использовании китайской рабочей силы на строительстве ряда объектов Забайкальской железной дороги» (Забайкалье 2015, с. 155). Затем вопрос привлечения китайских рабочих в российскую экономику был озвучен в «Протоколе переговоров между делегациями исполнительного комитета Совета народных депутатов Забайкальского района Читинской области СССР и города Маньчжурия Автономного района Внутренняя Монголия КНР от 15 апреля 1988 года». В документе говорилось: «По вопросам экономического и технического сотрудничества, представляющим взаимный интерес, стороны широко обсудили: в сфере предоставления трудовых ресурсов поставку городом Маньчжурия строительных материалов и рабочей силы для строительства в Забайкальском районе школы, детского сада, дворца культуры, маслозавода, кожевенной фабрики и др.» (Тарасов 2003, с. 390-391). В апреле 1988 г. совхоз Барановский в Приморском крае подписал с одной из фирм города Суйфэнхэ контракт, предполагавший использование на арендованной земле до 80 китайских сельхозрабочих (Иванов 2023, с. 40). В том же 1988 г. стали обсуждать вопросы о привлечении китайских рабочих и специалистов на межрегиональных встречах власти не граничивших с Китаем регионов. Например, в Харбине представители Иркутской области обсуждали вопросы межрегионального сотрудничества, заведующий отделом внешнеэкономических связей Иркутского областного исполнительного комитета области в интервью корреспонденту местной газеты рассказал: «В ноябре в китайском городе Харбине состоялись переговоры о создании советско-китайской лечебницы... Филиал этой больницы откроется и в Братске... Из Китая в Иркутск приедут специалисты высшего класса, медики...» (Верещагина 1989). В конце 1988 г. иркутяне договорились о привлечении китайцев в самые разные сферы деятельности, в интервью было сказано: «От фирм этой страны поступает много предложений: о сдаче в аренду китайским специалистам отделений колхозов для выращивания овощей, о создании совместных предприятий по выпуску кирпича, об использовании рабочих и технических специалистов разных профессий...» (Верещагина 1989). Говоря о состоявшихся в декабре 1988 г. переговорах в Шэньяне заведующий отделом внешнеэкономических связей Иркутского облисполкома А. А. Беляков отметил, что там обсуждались вопросы «использования китайских рабочих в Иркутской области на объектах строительства и производстве строительных материалов, в легкой и пищевой промышленности, в машиностроении» (Верещагина 1989).

В 1989 г. представители уже практически всех крупных сибирских регионов провели переговоры с китайскими партнерами о привлечении китайских рабочих рук на свои или проектируемые совместные предприятия. В 1989 г. газета «Красноярский рабочий» сообщила: «В октябре прошлого года в Красноярске побывала делегация специалистов из Китайской Народной Республики, в апреле нынешнего – представители объединения «Красноярскагропромстрой» съездили в КНР. В результате возникло решение о совместном строительстве кирпичного завода на территории края. Место будущего предприятия выбрали неподалёку от районного центра Агинское... Партнеров нашли в северной китайской провинции Хэйлунцзян... В сентябре-октябре ожидается подписание контракта, после чего приедет 250 китай-

ских строителей – и примерно через полгода должен быть сдан «под ключ». Затем специалисты из КНР эксплуатируют завод в течение трех лет, после чего передадут его красноярским сельским строителям. А рассчитывать с партнёрами будем тем, чего у нас (пока!) в достатке – лесом и отходами от производства пиломатериалов» (Глебов 1989).

Переговоры велись не только на уровне регионов, но и отдельных городов и производственных объединений. В 1989 г. были проведены переговоры между городами Боготол и Тунцзян. Газеты сообщали: «боготольцы проявили заинтересованность и обсудили с китайской стороной возможности реконструкции пивоваренного и строительства кирпичного завода... стороны близки к заключению контракта» (Медведева 1989). Осенью 1990 г. братская газета «Красное знамя» писала: «Примером... может служить Красноярское производственное объединение по зерноуборочным комбайнам. Здесь уже установили постоянные связи с деловыми людьми из Китая... генеральный директор этого предприятия Лев Николаевич Логинов предложил создать в городе гостиничный комплекс... Строить будут китайские специалисты, а деньги поступят из фонда акционерного общества, который создан заинтересованными предприятиями» (Край 1990).

Вопросы привлечения китайских рабочих рук в региональную экономику не только стали обсуждаться, но и начали реализовываться уже в 1988 г. С мая 1988 г. приступили к работе на российских землях китайские овощеводы, как, например, в Гродековском районе Приморского края. Летом 1988 г. китайские строители приступили к возведению жилого дома и столовой на станции Забайкальск (Забайкалье 2015, с. 156). В интервью заведующего отделом внешнеэкономических связей планово-финансового управления Иркутского облисполкома А. А. Белякова, посвящённом сотрудничеству с Китаем и напечатанном в газете в январе 1989 г., отмечалось: «недавно к нам приехали 16 специалистов, чтобы начать работу» (Верещагина 1989).

В целом, на завершающем этапе истории СССР власти по обе стороны границы пришли к единодушному мнению о том, что привлечение китайских рабочих рук в российскую экономику взаимовыгодно. В подписанном 8 июня 1990 г. в Хух-Хото «Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве между Читинской областью /СССР/ и Автономным районом Внутренняя Монголия /КНР/» говорилось: «Особенно большой потенциал заложен в области создания совместных предприятий, производственной кооперации, сельском хозяйстве, перерабатывающих производствах, инженерном подряде, отделочных работах в строительстве, использовании трудовых ресурсов и других сферах» (Тарасов 2023, с. 399-400). 30 августа 1990 г. было подписано советско-китайское соглашение о принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях Советского Союза. В выступлении заместителя министра внешней торговли КНР Гу Юнцзяна от 23 мая 1991 г. говорилось: «Экономики двух стран дополняют друг друга. Премьер Ли Пэн подчеркнул это, и Горбачев также признал это. Советский Союз — экономическая держава, и очень важно вести экономическую торговлю с Советским Союзом... У нас есть большой потенциал для трудовых кадров. Советский Союз имеет большую территорию, но имеется нехватка рабочей силы»¹.

В 1990-1991 гг. соглашения о привлечении китайских рабочих рук были подписаны на уровне руководства регионов. Например, в начале июня 1990 г. приехавшая в Харбин для участия в «Торгово-экономической ярмарке Китая, Советского Союза и стран Восточной Европы» делегация Красноярского краевого исполнительного комитета подписала соглашения, предполагавшие привлечение китайских рабочих и специалистов. В документе говорилось: «В ходе переговоров обе стороны пришли к следующему консенсусу: ... 5. Провинция Хэйлунцзян направила строителей для реновации театров и гостиниц в Красноярском крае. Был заключены контракты на строительство многоэтажных зданий международной торговли, проекты "под ключ", а также заключение контрактов на строительство жилых районов и других проектов в области строительства в Красноярском крае... 7. Провести переговоры по во-

¹ Хэйлунцзянский архив (Хэйлунцзяншэн дананьгуань). Ф. 358. Оп. 1. Д. 6. Л. 98.

просам сотрудничества в производстве малых тракторов и комплексной сельскохозяйственной техники. Два ремонтно-механических завода будут предоставлены Красноярским краем, а провинция Хэйлунцзян, в свою очередь, предоставит технологии, оборудование, специалистов и квалифицированных рабочих для создания совместного предприятия... 11. Учреждение ресторанов китайской кухни в городе Красноярск...»¹. В документе Планового комитета провинции Хэйлунцзян от 15 июня 1991 г. под названием «Успешное развитие переговоров в торгово-экономической сфере между нашей провинцией и Красноярским краем»², в частности, говорилось: «1. Советская сторона надеется на укрепление сотрудничества с нашей провинцией в области строительства и дальнейшее использование преимущественных технологий китайских специалистов, инженерно-технических работников и строительных бригад для поддержки строительства домов, жилых кварталов и административных зданий в Советском Союзе... 2. Благополучно продвигается проект сотрудничества Красноярского края и нашей провинции по производству малых тракторов...»³.

В подписанном в Харбине в июне 1991 г. председателем Новосибирского областного Совета народных депутатов В. П. Муха соглашении напрямую не говорилось о привлечении китайских рабочих в Новосибирскую область, но из формулировок статей понятно, что это предполагалось⁴. В документе говорилось, что основными направлениями экономического сотрудничества являются... «организация совместного производства сельскохозяйственной и продовольственной продукции, медицинского обслуживания, строительных и отделочных материалов и товаров широкого потребления на основе кооперации и создания совместных предприятий; организация подрядного строительства на территории Сторон на основе договора»⁵. В соответствии с этим документом новосибирцы разработали «Программу сотрудничества между Новосибирской областью РСФСР и провинцией Хэйлунцзян на 1991-1992 г.г.», в которой были указаны совместное производство разных видов продукции, а также привлечение китайцев к достройке гостиницы «Турист»; открытие ресторанов китайской кухни и т.д.⁶.

Регионы Сибири в первую очередь были заинтересованы в привлечении на предприятия своих регионов овощеводов и строителей из Китая. Забайкальские историки пишут, что между ПТО Читаагроплодоовощпром» и Импортно-экспортной компанией Хулунбуирского аймака «было достигнуто соглашение об использовании китайских сельскохозяйственных рабочих и специалистов в зеленом поясе вокруг областного центра – совхозах «Маяк», «Верх-Читинский». Овощесовхозе «Кенонский», других хозяйствах области» (Забайкалье 2015, с. 159). Исследователи указывают, что в 1988-1989 г. читинцы заключили 26 контрактов на привлечение китайской рабочей силы в области (Забайкалье 2015, с. 163). Интерес к сотрудничеству с Китаем проявляли и отдаленные от границы регионы. В интервью заместителя генерального секретаря Ляонинского отделения Китайского общества дружественных связей с заграницей Чжан Цзинхуа корреспонденту газеты «Советская Сибирь» в июне 1991 г. было заявлено, что провинция наладила сотрудничество с более чем 40 предприятиями в СССР. В интервью также было отмечено сотрудничество с сибирскими регионами: «С тюменцами подписали соглашение о строительстве кирпичного завода... есть ряд протоколов намерений. В том числе об открытии китайского ресторана в Новосибирске» (Мальцева 1991). На завершающем этапе советской истории интерес к китайским трудовым ресурсам проявили железнодорожники Сибири. Главный инженер службы пути Западно-Сибирской железной дороги Ю. Я. Чернышев в начале 1991 г. в интервью газете «Советская Сибирь» сказал: «24 ноября мной и представителем Харбинской компании по внешнему обслуживанию на китайских железных дорогах был подписан «протокол о намерениях», в котором бы-

¹ Хэйлунцзянский архив (Хэйлунцзяншэн дананьгуань). Ф. 358. Оп. 1. Д. 3. Л. 188.

² Хэйлунцзянский архив (Хэйлунцзяншэн дананьгуань). Ф. 358. Оп. 1. Д. 8. Л. 29.

³ Хэйлунцзянский архив (Хэйлунцзяншэн дананьгуань). Ф. 358. Оп. 1. Д. 8. Л. 29.

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-2196. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.

⁵ ГАО. Ф. Р-2196. Оп. 1. Д. 6. Л. 16. Л. 3.

⁶ ГАО. Ф. Р-2196. Оп. 1. Д. 6. Л. 5-8.

ла достигнута договоренность о 75 китайских путейцев в Новосибирской и Инской дистанциях пути и 75 – в Заринской дистанции на Алтае...» (Павлов 1991).

Кроме строителей и железнодорожников из КНР, сибиряки готовы были пригласить в свои города китайских поваров, врачей, представителей других профессий. В конце 1980-х гг. были приняты решения о приглашении китайских поваров в Иркутск и Красноярск. Начальник Красноярского краевого управления торговли В. Я. Сикорский в газетном интервью весной 1989 г. заявил: «Уже сегодня мы рассматриваем вопрос открытия в Красноярске... ресторана национальной кухни» (Иванов 1989).

Большинство проектов и даже договоренностей о привлечении китайских рабочих рук в экономику сибирских регионов не были реализованы. Однако были примеры, когда китайцы все же приезжали и работали на предприятиях и в организациях в разных сибирских регионах работать.

Наиболее успешно решались вопросы привлечения китайских рабочих рук в Забайкалье. Читинские историки пишут: «в целях более ускоренного развития производственного потенциала и инфраструктуры Забайкалья впервые стала использоваться иностранная рабочая сила, прежде всего из КНР. Китайские специалисты и рабочие трудились на возведении народнохозяйственных объектов, в лесной промышленности и сельскохозяйственном производстве в Чите, Агинском округе, в Карымском, Улетовском, Читинском, Приаргунском и других районах, в поселке Забайкальск» (Очерки 2009, с. 408). В 1989 г., например, китайские строители, бригада из 100 человек, построили под ключ в поселке Приаргунском здание школы, пять жилых домов для учителей и здание совхозного гаража (Забайкалье 2015, с. 162). Кроме Забайкалья в 1990 г. «квалифицированные китайские специалисты» работали на Кемеровской железной дороге (Павлов 1991).

В конце 1980-х гг. в Сибирь приехали работать первые китайские повара. В конце 1989 г. на первой странице газеты «Советская молодёжь» была помещена фотография с китайскими поварами Ду Чун-вы и Хан Ли-жень с комментариями: «месте с китайскими поварами работают и наши специалисты» (Вы 1989). В 1989 г. в ресторане «Нэймэнгу в Иркутске работали Ду Вэйчэн, Чжан Ияхуа, Хань Личжен, Су Яошэн а также метрдотель-переводчик Лю Доньи (Баснин 1989). В Красноярске китайские повара приехали работать на совместном предприятии «Хей-Хэ-Лунган» в 1991 г. (Машуков 2009).

Приехали в сибирские города работать и китайские врачи. В 1989 г. в Иркутске было открыто следующее совместное предприятие «Здоровье», возглавляемое Ван Жунбанем, на котором работали 20 китайцев-медиков (Предприятие 1989). В 1990 г. китайские врачи приехали работать на совместное предприятие, открытое в Красноярске, и в санатории «Речуновский» в пригороде Новосибирска.

После распада СССР практика приглашения китайских рабочих и специалистов в сибирские регионы сохранилась. В 1992 г. было подписано российско-китайское соглашение о принципах найма китайской рабочей силы для работы в России. В это время в России работало уже около 15 тыс. китайских мигрантов, и число их продолжало возрастать. В Читинской области в строительной отрасли и сельском хозяйстве в 1992 г., по данным исследователей, было занято 2,5 тыс. китайцев (Тарасов 2003, с. 155). 31 января 1994 г. постановлением администрации Читинской области было зарегистрировано совместное российско-китайское предприятие по производству и сбыту сельскохозяйственной продукции и товаров народного потребления «Хай Це»¹. Это предприятие было создано в совхозе Целинном Краснокаменского района. Вообще, Читинская область, согласно данным, приведенным в работах В.Л.Ларина, была лидером по числу китайских трудовых мигрантов в России. Ведущий дальневосточный китаевед утверждает, что в 1993 г. в Читинской области, согласно данным официальной статистики, находилось около 10 тыс. китайских рабочих, в то время как во всех трех пограничных регионах Дальнего Востока всего 8 тыс. рабочих из КНР (Ларин 2006. С. 115). В других сибирских регионах китайцев вообще и китайских рабочих, в частности, было

¹ URL: <https://docs.cntd.ru/document/922211178>

значительно меньше. Лидировала здесь Иркутская область, где в 1992 г. находилось несколько сот рабочих из КНР, а на следующий год счет пошел, очевидно, на тысячи.

В начале 1990-х гг. в крупных сибирских городах появились бригады строителей, которые наряду с торговцами на некоторое время стали лицом «китайской демографической экспансии». Силами китайских строителей в Красноярске был произведен капитальный ремонт здания Красноярского театра музыкальной комедии, а также сделана попытка достроить большую гостиницу в центре города. Заведующая международным центром Красноярского дворца пионеров и школьников Н. И. Сурикова в своем интервью отмечала: «У нас тогда в Красноярске вообще ничего такого не было. Единственное, была китайская бригада, строили. Сейчас это Метрополь... Раньше планировалось, что это будет гостиница. Вот её строили китайские рабочие. Это были единственные люди (китайцы), которые были в Красноярске. Мы с ними тоже поддерживали контакты, потому что нам хотелось, чтобы дети наши разговаривали. И к нам иногда приходили руководители строителей, разговаривали с детьми» (Воспоминания Н.И. Суриковой). В Новосибирске силами китайцев был капитально отремонтирован железнодорожный вокзал, бывший своеобразным символом всей Сибири.

Наиболее стабильно в сибирских регионах работали китайские рестораны, открытые в большинстве крупных городов. В «Отчете по внешнеэкономической деятельности Красноярского края за 1992 год» в числе десяти «наиболее крупных предприятий с иностранными инвестициями, действующих на территории края» было указано «СП «Хей-Хэ-Лунган» - торговля, ресторан китайской национальной кухни¹. Только на этом предприятии за несколько лет сменилось три бригады поваров из КНР. Однако в 1990-х гг. власти сибирских регионов не оставляли попыток создания совместных с китайцами крупных производств. Начальник научно-исследовательского отдела Красноярского политехнического института, сообщая о поездке делегации в Китай в конце 1992 г., писал: «В ноябре прошлого года делегация нашего института... побывала в Харбине... подписан договор-соглашение о строительстве фабрики по брикетированию бурых углей Канско-Ачинского бассейна (контракт будет подписан в 1 половине 1993 года между объединением «Красноярсккрайуголь и китайской стороной)...» (Глинчиков 1993).

Китайских рабочих и специалистов в сибирские регионы приглашали в рамках сотрудничества по бартеру, рассчитываясь за их услуги продукцией или различными материалами. Главный инженер службы пути Западно-Сибирской железной дороги Ю. Я. Чернышев в начале 1991 г. на вопрос журналиста о предполагаемых расчетах с работавшими на дороге китайцами указывал: «Среднемесячный заработок определен таким же, как у наших путейцев, - 360 рублей. Но «на руки» они получают по 90 рублей... Остальная часть заработка будет идти по бартеру – в виде использованных старогодных рельсов» (Павлов 1991). Забайкальцы за китайский труд рассчитывались в основном лесом и стройматериалами.

В условиях нехватки свободно конвертируемой валюты до 1993 г. торговля и многие виды технико-экономического сотрудничества такие, как строительный подряд, трудовые услуги, строительство совместных предприятий по-прежнему осуществлялись преимущественно в бартерной форме. В отчете Управления международных и внешнеэкономических связей за 1993 г. говорилось: «Фирме «Внешпромтехобмен» была выделена квота на 252 тонны меди для расчета за поставленные отделочный материал и саноборудование для гостиницы «Енисей», проведение отделочных работ китайскими рабочими по ранее заключенному контракту с КНР. Фирма «Внешпромтехобмен» полностью исполнила заключенный контракт»². При бартере цены на товары согласовывались путём переговоров на базе принципов, заложенных в межгосударственных торговых протоколах. За основу расчётов брался шв. франк (Александрова 2003, с. 85). В документе за 1992 г. говорится: «По «Богучангэстрой» была выделена квота на 2242 м³ деловой древесины для реализации в КНР в виде расчета за использование рабочей силы на объектах строительства Богучанской ГЭС. Квота не реализована из-за перегру-

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Р-2460. Оп.1. Д. 37. Л. 44-45.

² ГАКК. Ф. Р-2460. Оп.1. Д. 37. Л. 72.

женности Забайкальской ж/дороги»¹.

Пик китайской миграции, в том числе и трудовой, пришелся на 1993 г., когда Россию посетило 751 тыс. граждан КНР (Ларин 2006, с. 383). И с этого года власти Российской Федерации активизировали свою работу по контролю за иностранной трудовой миграцией. Новосибирская газета «Советская Сибирь» летом 1993 г. под рубрикой «В администрации области» сообщала: «В последнее время значительно возрос поток иностранных граждан, главным образом из КНР, въезжающих в область по частным приглашениям и контрактам для работы на производстве. Однако большинство из них от указанного вида работ уклоняется, а занимается продажей товаров, в том числе произведенных в области. В целях регулирования рынка труда глава администрации В. П. Муха постановил навести порядок в этом вопросе, установив строгий контроль за привлечением и использованием иностранных рабочих предприятиями и организациями всех форм собственности. Учитывая социальную обстановку на рынке труда, руководители организаций и предприятий теперь обязаны согласовывать возможность привлечения к работе иностранцев с управлением труда и занятости населения администрации области» (В администрации 1993). Известный китаевед А. Г. Ларин пишет, что уже в 1993 г. администрации приграничных регионов «своими постановлениями фактически ввели запрет на безвизовый обмен» (Ларин 2009, с. 210). 5 октября 1993 г. вступило в силу постановление Малого совета Приморского края «О регулировании пребывания иностранных граждан в Приморье», а 16 октября было принято аналогичное постановление в Хабаровском крае (Ларин 2006, с. 383).

В конце 1993 г. российское правительство отменило безвизовый режим для пересечения границы китайскими гражданами, и был подписан указ президента «О мерах по введению миграционного контроля на пунктах пропуска через границу». 16 декабря 1993 г. Указом Президента РФ было утверждено «Положение о привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы». Выдача разрешений на привлечение иностранной рабочей силы и контроль за их использованием возлагались на Федеральную миграционную службу. Следует отметить, что этим документом было сделано исключение для преподавателей, приглашенных в академии и высшие учебные заведения, им разрешения от миграционной службы для трудовой деятельности в России не требовалось. В 1994 г., после принятия постановления «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции» был отменен безвизовый режим пересечения российско-китайской границы (Постановление). В это же время начался некоторый спад активности в русско-китайских торгово-экономических отношениях на уровне регионов, стали закрываться и так немногочисленные российско-китайские совместные предприятия, в том числе и в крупных сибирских городах².

После 1993 г. вокруг использования китайского труда сложилась противоречивая ситуация. Численность населения в Сибири стала падать, экономика переживала кризис, но общество и государство делали ставку на восточные регионы России, как основу для нового этапа развития страны, постоянно говорили о необходимости роста там трудовых ресурсов. В то же время. В российском общественном сознании популярным стал тезис о «китайской демографической экспансии», средства массовой информации и некие «эксперты» пугали россиян миллионами китайцев, якобы уже переселившимися в восточные регионы России. Большая часть населения России была уверена в том, что китайская миграция представляет реальную угрозу безопасности страны. При этом реальные объемы использования китайского труда сократились, число китайских трудовых мигрантов не росло. По данным известного исследователя В. Я. Портякова в России в 1994 г. трудовых мигрантов из КНР насчитывалось около 20 тыс. человек В работе С. В. Рязанцева, написанной совместно с китайским исследователем Ян Хунмэй, показано, что на протяжении 1990-х гг. не было стабильно роста китайских трудовых мигрантов. Следует отметить, что В. Л. Ларин утверждает: «Пик ис-

¹ ГАКК. Ф. Р-2460. Оп.1. Д. 37. Л. 23.

² ГАНО. Ф. Р-2196. Оп. 3. Д. 18.

пользования китайских рабочих пришлось на 1995 г., когда их было привлечено в Россию 26,5 тыс. чел.» (Ларин 2006, с. 115). Однако он сам указывает, что: «число граждан КНР, приглашавшийся на работу российскими предприятиями в 1990- 1993 гг. строго не фиксировалось, все сведения о количестве китайских рабочих в России в этот период носят исключительно оценочный характер» (Ларин 2006, с. 115). Таким образом, с учетом всеми признаваемого факта высшего пика активности миграций китайцев через границу именно в 1993 г., а значительная часть трудовых мигрантов приезжали помимо контрактов и соглашений и занимались самой разной трудовой деятельностью, мы можем сделать вывод о том, что первый этап истории китайской трудовой миграции закончился в 1993 г.

Таким образом, первым этапом истории китайской трудовой миграции в регионах Сибири стали 1988-1993 гг. Инициированы эти процессы были снизу, начались на уровне регионов и были поддержаны и закреплены на уровне межгосударственных отношений. В этот короткий период начавшаяся с нуля китайская трудовая миграция развивалась бурно. В сибирские регионы ехали далеко не только неквалифицированные рабочие, но и разного рода специалисты. В числе первых трудовых мигрантов в крупные сибирские города приехали повара и врачи, а рабочие сначала приехали на ключевые стройки в центре сибирских городов. Собственно лидером во всей России в деле привлечения китайских трудовых мигрантов в конце 1980-х – начале 1990-х гг. стала Читинская область, но в этом регионе развитие китайского труда принципиально не отличалось от аналогичных процессов в приграничных регионах Дальнего Востока.

Список литературы:

1. Бабаян Д.К. Российско-китайские отношения сквозь призму демографии. Социология власти. – 2011. – № 1. – С. 145-151.
2. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Владивосток: Дальнаука, 2006; Аблажей Н.Н. Российско-китайское межрегиональное и приграничное сотрудничество в 1990-2000-е гг. Приграничье Азиатской России: подходы к анализу современных проблем: Сборник научных статей. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2011. – С. 33–52.
3. Ларин А. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. – 512 с.
4. Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: ЗабГПУ, 2003. – 431 с.
5. Забайкалье – КНР. Приграничные и межрегиональные отношения. 1945-2012. (2-е изд) / под ред. Н.В. Гордеева. Чита: Экспресс-издательство, 2015. – 232 с.
6. Чепелев С.И., Рафиков Р.Г. Демографические и миграционные в Красноярском крае. Национальные отношения и миграционная ситуация в Красноярском крае. Красноярск, 2001. С. 25-32.
7. Иванов С. А. Китайские овощеводы в советских селах: работники или арендаторы? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. – № 3. – С. 36–50.
8. Верещагина С. Это знакомое слово «делка». // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 1989. – 12 января. – С. 2.
9. Глебов М. Кирпич по контракту. // Красноярский рабочий (Красноярск). – 1989. – 20 сентября. – С. 1.
10. Медведева Л. Встреча на Сунгари // Красноярский рабочий (Красноярск). – 1989. – 15 сентября. – С. 4.
11. Край наш сибирский Красное знамя (Братск). – 1990. – 17 октября. – С. 2.
12. Мальцева В. Дружба в измерении экономики. // Советская Сибирь (Новосибирск). 1991. – 20 июня. – С. 3.
13. Павлов В. Китайские железнодорожники на Западно-Сибирской // Советская Сибирь. – 1991. – 6 марта. – С. 1.
14. Очерки истории Забайкальского края. Т. 1–2 / Под ред. Н. В. Гордеева. – Чита: Экспресс-издательство, 2009. – 440 с.

15. Иванов В. Взаимовыгодное сотрудничество // Красноярский рабочий (Красноярск). – 1989. – 6 апреля. – С. 4.
16. Вы еще не пробовали китайской кухни? // Советская молодежь (Иркутск). – 1989. – 4 ноября. – С. 1.
17. Машуков Ю. Дружба начинается с науки // Kraschina (Красноярск). – 2009. – № 5 (05). – Ноябрь. – С. 20.
18. Предприятие «Здоровье» Советская молодежь (Иркутск). 1989. – 4 ноября – С. 2.
19. Баснин О. «Лунный заяц» в фарфоровом куверте. // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). – 1989. – 4 октября. – С. 1.
20. Глинчиков В. Поездка в Харбин // Политехник (Красноярск). – 1993. – 16 февраля. – С. 1.
21. итай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ / М.В. Александрова; Рос. акад. наук. Ин-т Дал. Востока. – М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2003. – 179 с.
22. В администрации области. // Советская Сибирь (Новосибирск). – 1993. – 24 июня. – С. 1.
23. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Китайской Народной Республики об установлении и развитии торгово-экономических связей между союзными республиками, министерствами, ведомствами, объединениями и предприятиями СССР и провинциями, автономными районами и городами КНР. <https://docs.cntd.ru/document/901757487> (дата обращения: 11.05.2024).
24. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Китайской Народной Республики о принципах создания и деятельности совместных предприятий <https://docs.cntd.ru/document/901757492?ysclid=m1edb3as5q860898915> (дата обращения: 11.05.2024).
25. Воспоминания Н.И. Суриковой, 1956 г. р. Место проведения – г. Красноярск, дата – 10.10.2021. Аудиозапись 42,14 мин. Интервьюер – Ван Вэй // Личный архив исследователя Ван Вэй.
26. Постановление Правительства РФ от 8 сентября 1994 г. № 1021 «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции». URL: <http://base.garant.ru/5315875/> (дата обращения: 08.09.2018).

Егупова Валерия Игоревна, студент 4 курса
Кафедра международных экономических отношений
Казанский (Приволжский) федеральный университет
lera.egupova@inbox.ru

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОЕКТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Экономическое сотрудничество России и Китая охватывает широкий спектр ключевых проектов и направлений, включая энергетические и инфраструктурные инициативы, которые способствуют укреплению двусторонних отношений и региональной стабильности.

Ключевые слова и фразы: Экономическое сотрудничество, Китайская Народная Республика, экспорт, импорт, энергетические проекты.

Egupova Valeriia Igorevna, 4th year student
Department of International Economic Relations
Kazan (Volga Region) Federal University
lera.egupova@inbox.ru

ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA: KEY PROJECTS AND DIRECTIONS

Abstract. Economic cooperation between Russia and China covers a wide range of key projects and areas, including energy and infrastructure initiatives, which contribute to strengthening bilateral relations and regional stability.

Key words and phases: Economic cooperation, People's Republic of China, export, import, energy projects.

Одним из ключевых аспектов стратегического партнерства между Китаем и Россией является экономическое сотрудничество. Страны в последние годы проявляют большой интерес к совместным проектам в различных областях экономики, что способствует укреплению двусторонних связей и созданию новых возможностей для дальнейшего развития.

За 2020-2023 годы товарооборот между Россией и Китаем значительно увеличился, достигнув рекордных показателей в 2023 году. Это связано с усилением экономического сотрудничества и изменением геополитической ситуации. Основными статьями экспорта из России в Китай являются энергоресурсы (нефть, газ), металлы и сельскохозяйственная продукция. В 2023 году экспорт вырос на 12,7% по сравнению с 2022 годом [12]. Китай поставляет в Россию широкий спектр товаров, включая электронику, машины и оборудование, текстиль и химическую продукцию. В 2023 году импорт увеличился на 46,9%. Эти данные показывают, что экономические связи между Россией и Китаем продолжают укрепляться, несмотря на внешние вызовы и санкции.

Энергетическое сотрудничество между Россией и Китаем охватывает несколько важных аспектов, включая поставки нефти и газа, совместные проекты в области возобновляемых источников энергии и развитие инфраструктуры.

Россия является одним из крупнейших поставщиков нефти и газа в Китай. Это сотрудничество включает несколько крупных проектов:

- Газопровод "Сила Сибири": Этот проект, запущенный в декабре 2019 года, предусматривает поставки российского природного газа в Китай. Газопровод протяженностью более 3000 км соединяет газовые месторождения Восточной Сибири с северо-восточными ре-

гионами Китая. В 2023 году объем поставок по этому газопроводу достиг 15 миллиардов кубометров [1].

- Проект “Ямал СПГ”: Совместное предприятие по производству сжиженного природного газа (СПГ) на Ямале, в котором китайские компании имеют значительную долю. Этот проект позволяет Китаю диверсифицировать источники поставок СПГ и обеспечивает стабильные поставки в условиях растущего спроса на энергоносители [2].

- Поставки нефти по трубопроводу «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО): Этот трубопровод обеспечивает транспортировку российской нефти в Китай и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона. В 2023 году объем поставок нефти по ВСТО в Китай составил около 40 миллионов тонн [1].

Россия и Китай также активно развивают сотрудничество в области возобновляемых источников энергии. Китайские компании инвестируют в российские проекты по развитию солнечной и ветровой энергетики.

- Проект по строительству солнечных электростанций в Сибири: Китайские компании участвуют в строительстве солнечных электростанций в Сибири, что способствует развитию возобновляемой энергетики в регионе и снижению зависимости от традиционных источников энергии [3].

- Ветровые электростанции на Дальнем Востоке: Совместные проекты по строительству ветровых электростанций на Дальнем Востоке России позволяют использовать богатые ветровые ресурсы региона и обеспечивать стабильные поставки электроэнергии.

Развитие энергетической инфраструктуры является важным аспектом сотрудничества между Россией и Китаем.

1. Строительство новых трубопроводов: В дополнение к уже существующим проектам, Россия и Китай рассматривают возможность строительства новых трубопроводов для увеличения объемов поставок нефти и газа. Например, обсуждается проект “Сила Сибири-2”, который может соединить газовые месторождения Западной Сибири с северо-западными регионами Китая.

2. Модернизация существующих объектов: Совместные усилия направлены на модернизацию существующих энергетических объектов, что позволяет повысить их эффективность и надежность. Это включает обновление оборудования на нефтеперерабатывающих заводах и газовых компрессорных станциях.

3. Создание энергетических хабов: Россия и Китай работают над созданием новых энергетических хабов, которые будут служить центрами распределения энергии и обеспечивать стабильные поставки в различные регионы. Это включает строительство новых терминалов для СПГ и нефтяных терминалов.

Совместные проекты в области поставок нефти и газа, возобновляемых источников энергии и развития инфраструктуры способствуют укреплению двусторонних отношений и созданию новых возможностей для роста и развития обеих стран. В условиях глобальных энергетических вызовов и изменений, партнерство между Россией и Китаем становится все более значимым и перспективным.

Участие в торговле и инвестициях между Китаем и Россией имеет большое значение для их экономического взаимодействия. На протяжении последних лет объем двусторонней торговли значительно возрос и инвестиции охватывают широкий спектр сфер.

Торговля между Россией и Китаем продолжает расти, достигая новых рекордов. В 2023 году объем двусторонней торговли достиг 240 миллиардов долларов, что на 26,3% больше по сравнению с предыдущим годом [4].

Китайские компании активно инвестируют в российскую экономику, особенно в такие секторы, как инфраструктура, транспорт, энергетика и сельское хозяйство. Некоторые из ключевых инвестиционных проектов включают:

- Инфраструктурные проекты: Китайские компании участвуют в строительстве и модернизации транспортной инфраструктуры в России. Это включает строительство дорог, железнодорожных линий и мостов, таких как мост через реку Амур, соединяющий Благовещенск

щенск и Хэйхэ.

- Энергетические проекты: Китайские компании инвестируют в российские энергетические проекты, включая добычу нефти и газа, а также развитие возобновляемых источников энергии. Совместные проекты, такие как «Сила Сибири» и «Ямал СПГ», способствуют укреплению энергетического партнерства между двумя странами [5].

- Сельское хозяйство: Китайские компании вкладывают средства в развитие сельского хозяйства в России, что способствует увеличению производства и экспорта сельскохозяйственной продукции. В свою очередь, Россия поставляет в Китай зерно, мясо и другие продукты питания.

Финансовое сотрудничество между Россией и Китаем также развивается. Обе страны работают над созданием механизмов для облегчения взаимных расчетов и инвестиций. Это включает использование национальных валют в двусторонней торговле и создание совместных финансовых институтов.

Взаимодействие России и Китая по вопросам торговли и инвестиций является ключевым в их экономическом сотрудничестве. В результате увеличения объемов торговли, активного участия китайских компаний в инвестиционных проектах и развития финансового сотрудничества между двумя странами создаются новые возможности для укрепления двусторонних отношений и дальнейшего роста экономики обеих стран. В условиях глобальных экономических вызовов и изменений, партнерство между Россией и Китаем становится все более значимым и перспективным.

Инфраструктурные проекты играют важную роль в экономическом сотрудничестве между Россией и Китаем. Эти проекты охватывают различные области, включая транспорт, логистику, энергетику и строительство, и способствуют укреплению двусторонних связей и развитию экономик обеих стран.

Одним из ключевых направлений сотрудничества является развитие транспортных коридоров и железнодорожных маршрутов, которые соединяют Россию и Китай. В рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь» Россия и Китай развивают железнодорожные маршруты, которые соединяют Китай с Европой через территорию России. Это позволяет сократить время доставки грузов и увеличить объемы торговли. Мост через реку Амур соединяет российский город Благовещенск и китайский город Хэйхэ, что способствует развитию торговли и туризма между двумя странами. Мост был открыт в 2019 году и стал важным элементом транспортной инфраструктуры [6].

Развитие логистических центров и портов также является важным направлением сотрудничества между Россией и Китаем. Китайские компании инвестируют в создание логистических центров на территории России, что способствует улучшению условий для хранения и транспортировки грузов. Эти центры играют ключевую роль в обеспечении бесперебойных поставок товаров между двумя странами. Совместные проекты включают строительство и модернизацию портов и терминалов на Дальнем Востоке России. Это позволяет увеличить объемы грузоперевозок и улучшить логистическую инфраструктуру региона.

Китай активно инвестирует в инфраструктурные проекты на территории России. На заседании межправительственной комиссии по инвестиционному сотрудничеству представители России и Китая договорились о выделении \$1,3 млрд на новые проекты [7]. Эти инвестиции направлены на развитие транспортной, энергетической и логистической инфраструктуры, что способствует укреплению экономических связей между двумя странами.

Развитие транспортных коридоров, энергетической инфраструктуры, логистических центров и портов способствует укреплению двусторонних связей и созданию новых возможностей для роста и развития обеих стран. В условиях глобальных экономических вызовов и изменений, партнерство между Россией и Китаем становится все более значимым и перспективным.

Сельскохозяйственное сотрудничество между Россией и Китаем является важной частью их экономических отношений. Китайские компании активно инвестируют в российские сельскохозяйственные проекты. Эти инвестиции направлены на развитие инфраструктуры,

модернизацию технологий и увеличение производственных мощностей. Например, китайские компании вкладывают средства в строительство теплиц, перерабатывающих заводов и логистических центров [8].

Россия является крупным поставщиком сельскохозяйственной продукции в Китай. Основные экспортные товары включают зерно, мясо, рыбу и молочные продукты. В 2023 году объем экспорта зерна из России в Китай значительно увеличился, что связано с растущим спросом на качественные продукты питания.

Сельскохозяйственное сотрудничество между Россией и Китаем имеет большие перспективы, однако существуют и вызовы. Среди них можно выделить необходимость улучшения транспортной инфраструктуры, решение вопросов земельного права и адаптация к климатическим условиям [9].

Технологическое сотрудничество между Россией и Китаем охватывает множество направлений и является важным аспектом их экономических отношений.

Основные направления сотрудничества:

1. Цифровые технологии и искусственный интеллект.

Развивая совместные проекты в области искусственного интеллекта, больших данных и облачных вычислений, Россия и Китай стремятся создать передовые интеллектуальные системы, которые могут быть применены в различных отраслях, от здравоохранения до транспорта [10].

2. Энергетика.

Совместные проекты в области энергетики, включая строительство и модернизацию атомных электростанций, а также развитие солнечной и ветровой энергетики, являются ключевым направлением сотрудничества между странами.

3. Авиация и космос.

Россия и Китай сотрудничают в области гражданской авиации и космических технологий. Это включает совместные разработки новых моделей самолетов, а также проекты по исследованию и освоению космоса, такие как создание спутниковых систем и исследовательских миссий.

4. Инфраструктура и транспорт.

Совместные проекты в области инфраструктуры включают строительство высокоскоростных железных дорог, модернизацию портов и развитие логистических центров. Эти проекты способствуют улучшению транспортной связи между странами и повышению эффективности торговых маршрутов.

Россия и Китай активно сотрудничают в области научных исследований и разработок. Это включает обмен знаниями и технологиями, а также совместные исследования в таких областях, как новые материалы, биотехнологии и нанотехнологии. Технологическое сотрудничество между Россией и Китаем имеет большие перспективы, однако существуют и вызовы. Среди них можно выделить необходимость защиты интеллектуальной собственности, решение вопросов стандартизации и сертификации, а также адаптация к различным регуляторным требованиям [11].

Экономическое сотрудничество между Россией и Китаем продолжает развиваться и охватывает широкий спектр направлений. Совместные проекты в энергетике, торговле, инфраструктуре, сельском хозяйстве и технологиях способствуют укреплению двусторонних отношений и создают новые возможности для роста и развития обеих стран. В условиях глобальных экономических вызовов и изменений, партнерство между Россией и Китаем становится все более значимым и перспективным.

Литература:

1. От ветра до атома. Как Россия и Китай сотрудничают в энергетике // Сетевое издание РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: // <https://goo.su/aL599> (дата обращения: 01.10.2024).
2. Китайско-российское энергетическое стратегическое сотрудничество: задачи и перспективы // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. URL: //

- <https://cyberleninka.ru/article/n/kitaysko-rossiyskoe-energeticheskoe-strategicheskoe-sotrudnichestvo-zadachi-i-perspektivy> (дата обращения: 01.10.2024).
3. Современное состояние топливно-энергетического сотрудничества России и Китая // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. URL: // <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-toplivno-energeticheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya> (дата обращения: 01.10.2024).
 4. Товарооборот России и Китая в 2023 году побил рекорд // Ежедневная деловая газета РБК [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65a0d3e09a79477823d74f7d> (дата обращения: 02.10.2024).
 5. Россия и Китай: Новое измерение торгово-экономического партнерства // Центр экспертизы ВТО [Электронный ресурс]. URL: // <https://wto.ru/our-blog/rossiya-i-kitay-novoe-izmerenie-torgovo-ekonomicheskogo-partnerstva/> (дата обращения: 02.10.2024).
 6. Экономический коридор Китай - Монголия - Россия: выстраивание инфраструктурной связанности в условиях глобальных вызовов // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. URL: // <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-koridor-kitay-mongoliya-rossiya-vystraiivanie-infrastrukturnoy-svyazannosti-v-usloviyah-globalnyh-vuzovov> (дата обращения: 02.10.2024).
 7. Россия и Китай договорились проинвестировать совместные проекты на \$1,3 млрд // Сетевое издание «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.kommersant.ru/doc/5652855> (дата обращения: 02.10.2024).
 8. Российско-китайское сотрудничество в области сельского хозяйства: состояние и перспективы // Российский совет по международным делам (РСМД) [Электронный ресурс]. URL: // <http://surl.li/vozkzl> (дата обращения: 02.10.2024).
 9. Как Китай оценивал сельское хозяйство России и китайско-российское сельскохозяйственное сотрудничество // Сетевое издание AgroXXI.ru [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.agroxxi.ru/stati/kak-kitai-ocenival-selskoe-hozjaistvo-rossii-i-kitaisko-rossiiskoe-selskohozjaistvennoe-sotrudnichestvo.html> (дата обращения: 02.10.2024).
 10. Российско-китайское научно-техническое сотрудничество получило новый импульс к стабильному развитию // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: // <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21982/> (дата обращения: 02.10.2024).
 11. Научное сотрудничество с Россией развивается нормально, заявили в Пекине // Сетевое издание РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: // <https://ria.ru/20220415/nauka-1783665283.html> (дата обращения: 02.10.2024).
 12. Статистические данные Официальный сайт WorldBank [Электронный ресурс]. URL: // <https://data.worldbank.org/>

УДК 811.581

Емельченкова Елена Николаевна, канд. филол. наук, доцент
Кафедра теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
emelchenkova@gmail.com

ДЕЛОВОЙ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК: ОБУЧЕНИЕ В ОНЛАЙН-ФОРМАТЕ

Аннотация. В статье автор делится личным опытом подготовки и запуска онлайн-курса делового китайского языка, нацеленном на решение проблемы профессиональной подготовки квалифицированных кадров со знанием китайского языка в сфере ВЭД в рамках реализации задач социально-экономического и политического развития Российской Федерации в XXI веке.

Ключевые слова и фразы: деловой китайский язык, китайский язык в сфере профессиональной коммуникации, онлайн-обучение, языковая подготовка квалифицированных кадров.

Emelchenkova Elena Nikolaevna, PhD in Philology, Associate Professor
Department of Theory and Methods of Teaching Languages and Cultures of Asia and Africa
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia
emelchenkova@gmail.com

BUSINESS CHINESE: LAUNCHING AN ONLINE COURSE

Abstract. The author shares personal experience of launching a comprehensive online course in Business Chinese, which is focusing on learning the language through a variety of relevant business topics in the context and aimed at business people who need to understand how to do business in the People's Republic of China.

Key words and phrases: Business Chinese, Chinese for Specific Purposes, online learning, language training of qualified personnel.

Ростом объемов мировой торговли сегодня никого не удивишь. Эта тенденция наблюдается уже не первое столетие, другое дело, что фокус торгового интереса в нынешних российских реалиях сместился в сторону стран Азии и произошло это настолько стремительно, что в соответствующем рыночном сегменте мгновенно обнаружилась нехватка квалифицированных переводческих кадров с китайским и целым рядом других восточных языков. Много лет подряд не только остается устойчивым спрос на специалистов со знанием делового китайского языка, но и растут требования к уровню компетенций этих специалистов, ужесточаются требования к качеству переводов в сфере бизнеса и права.

Сегодня в РФ более 400 ВУЗов ежегодно выпускают специалистов со знанием китайского языка, однако в нынешней нестабильной ситуации на мировом рынке для решения текущих и перспективных задач в сфере ВЭД переводчику недостаточно знать иностранный язык и иметь навыки деловой коммуникации, сегодня он в гораздо большей степени должен понимать культурный код страны контрагента, разбираться в основах внешнеэкономической деятельности, грамотно использовать современные ИК-технологии. На этом фоне программ, специализирующихся именно на подготовке переводческих кадров в сфере профессиональной коммуникации, крайне мало как у нас, так и у китайских коллег.

Причин тому несколько, ключевой является недостаток кадров, способных на высоком уровне обучать китайскому языку для специальных целей. Трудность решения этой пробле-

мы состоит в том, что преподавателям специальных языковых курсов требуется как владение языком и методикой его преподавания, так и знание особенностей деятельности специалиста в профессиональной (не лингвистической и не педагогической) сфере. Эта проблема системной подготовки преподавателей китайского языка в специальных целях, обладающих как профессиональными коммуникативными компетенциями, так и узкоспециальными знаниями, ждет своего решения.

В ситуации подобного фактически образовательного вакуума в этой сфере возможный выход из затруднительной ситуации видится в смене формата обучения на дистанционный, поскольку именно онлайн-обучение сегодня дает возможность удаленного доступа к лингводидактическим ресурсам в удобном для целевой аудитории режиме. Эта модель обучения решает целый ряд проблем – в частности, кадровый вопрос, удаленность или территориальную распределенность целевой аудитории, а также фактор времени, поскольку значительную часть потенциально заинтересованных в такого рода образовательных программах составляют уже практикующие ВЭД люди, возможность учиться у которых имеется только в свободное от работы время.

В рамках данного доклада автор делится опытом разработки и запуска онлайн-курса делового китайского языка, в рамках которого была предпринята попытка дать практически полезную выжимку накопленного за четверть века профессионального опыта переводческого и консультативного сопровождения сделок в сфере российско-китайской торговли и преподавания соответствующих аспектов в СПбГУ.

Как в нашей стране, так и за рубежом, в том числе в Китае, признается факт существования в языке особой системы языковых средств, обслуживающих коммуникацию в области бизнеса, и отдельного функционального стиля (или подстиля) официально-делового стиля со своими специфическими лингвистическими характеристиками. В зарубежных исследованиях для обозначения данной системы языковых средств используется термин «подъязык» (sublanguage), освоение которого требует времени, и определенной подготовки. Хотя очень многие вещи в сфере ВЭД и документообороте мировой торговли шаблонны и требуют от специалиста серьезных энергетических и временных затрат лишь на начальном этапе, преодолев который можно успешно освоить эту лишь на первый взгляд кажущуюся сложной науку – переводить контракты, инвойсы, рекламации и иные виды юридически значимых документов в сфере ВЭД, все-таки на уровне владения иностранным языком А2–В1 эта задача представляется трудновыполнимой. Начинать изучение китайского языка исключительно с подъязыка делового общения, узкоспециальной лексики и выборочных грамматических тем, как это предлагают авторы ряда учебников, например, 《国际职场通用汉语》, методически рискованно, часть лингводидактического материала может оказаться неохваченной. Более обоснован подход переключения на язык для специальных целей на этапе, когда уже была заложена база как по общеупотребительным лексике и грамматике, на которую начинает накладываться терминология соответствующей области и азы профессиональной коммуникации.

Сегодня одной из характерных тенденций обучения китайскому языку в специальных целях должно быть органичное соединение вида профессиональной деятельности специалиста, содержания обучения и методических приемов, актуальных для данной сферы. Например, если профессиональная деятельность специалиста связана с взаимодействием с китайскими коллегами в рамках офисного общения, ограничена ведением деловой переписки и не предполагает подготовки таких документов, как международный торговый контракт или товаросопроводительные документы, то содержанием и ключевым приемом обучения иностранным языкам становится обучение китайскому языку на рабочем месте (公司汉语, 职场汉语 и т.п.), отражающему начальный уровень бизнес-взаимодействия. Именно этой логике подачи материала следуют китайские коллеги в одноименных учебно-методических комплексах, по этому же проверенному пути пошли мы при подготовке онлайн-курса делового китайского языка в СПбГУ.

Решая методический вопрос, насколько насыщенным должен быть базовый курс делового китайского языка по лексике, мы ориентировались прежде всего на программу профессионального экзамена ВСТ 《商务汉语考试大纲》, который содержит 2457 лексических единиц (слов и выражений), из которых 1035 относятся к лексике обиходного языка, лишь связанной с деловой сферой. Очевидно, что две пятых словаря здесь это лексика обиходного языка, тогда как используемых преимущественно в деловом общении слов лишь в полтора раза больше – 1 422 слова. Применительно ко всей сфере делового общения этот объем лексических единиц в целом представляется довольно скромным, особенно если учесть, что сюда включаются слова из очень разных областей бизнес-коммуникации. С учетом этих факторов при подборе языкового материала ориентация шла преимущественно на алгоритмы выстраивания профессиональной деятельности в сфере международной торговли, а не на полноту «профессионального словаря» курса, общий глоссарий по двум уровням нашего онлайн-курса (базовому и среднему) делового китайского языка в итоге составил 1900 лексических единиц.

Программа обучения строится по модульному принципу. Каждая из двух запущенных частей онлайн-курса представляет собой отдельный блок из шести модулей, посвященных разным темам, логически выстраивающихся как этапы, по которым идет человек, начинающий свое профессиональное взаимодействие с Китаем. Система, возможно, могла бы быть еще более дробной, чтобы иметь возможность включить либо наоборот исключить из процесса обучения какую-то тему в зависимости от сферы приложения языка или поставленных перед слушателем служебных задач или исходного уровня его языковой подготовки, однако в рамках данного курса детализация привела бы к нежелательному на начальном уровне обучения масштабному приросту лексики.

Базовый курс включает в себя шесть модулей уровня сложности HSK3, но при этом он представляется достаточным для выполнения широкого круга служебных обязанностей вступающих на профессиональную стезю специалистов по ВЭД с Китаем. Диалоги и аудиотексты курса озвучены носителями языка и максимально приближены к реальным ситуациям, которые могут произойти во время делового визита, переговоров, выставок, презентаций и других коммуникативных ситуаций.

В курсе представлены самые разные типы материалов – от видео с разбором лексики и грамматики, до творческих проектов и страноведческих сюжетов, которые помогут глубже понять как общую, так и деловую культуру Китая. На начальном этапе онлайн-курса программа строится на отработке речевых функций общего коммуникативного назначения (знакомство и прощание, просьбы и запросы, извинения и т.п.) и грамматических структур общего употребления. Имеет место концентрация на отработке стратегий и моделей речевого поведения в бытовых ситуациях, иллюстрирующих общение в офисе и других общественных местах (в аэропорту, в отеле, на банкете и пр.) с точечным включением узкоспециальных тем для обсуждения. Так, коммуникативная стратегия «как спросить дорогу» отрабатывается в рамках темы «На выставке». Обсуждение актуальных для ВЭД проблем, например, электронной коммерции или ванхун-экономики в Китае оправданно лишь на этапе полного погружения в профессиональную среду, поэтому дается в последних модулях базового курса.

Таким образом, шесть модулей базового онлайн-курса делового китайского языка посвящены преимущественно ключевым вопросам налаживания деловых контактов, организации бизнес-визитов, участия в выставках, рынку труда и устройству на работу, рекламе и специфике продвижения товара в Китае, не затрагивая вопросов построения цепи поставок, логистики, таможенной очистки и пр., эти темы составляют основу обучения в программе среднего уровня.

На следующем этапе бизнес-взаимодействия с китайскими контрагентами, отраженном в рамках курса среднего уровня, содержание профессиональной деятельности предполагает посещение заводов и переговоры по цене, организацию отгрузки партии товара, оформление товаросопроводительной документации, урегулирование споров и постпродажное обслуживание. Здесь на первое место выдвигаются приемы обучения диалогической и монологиче-

ской речи в профессиональном контексте «сделка, контракт, рекламация». Все эти виды деятельности логично превращаются в содержание и приемы обучения китайскому языку, одновременно решая задачу знакомства обучающихся с рутинными процессами ВЭД и профессиональными обязанностями менеджеров в соответствующей области.

Средний уровень онлайн-курса рассчитан на совершенствование языковых компетенций и формирование профессиональных навыков, обеспечивающих выполнение служебных обязанностей с использованием китайского языка для специальных целей в полном объеме (что соответствует профессиональному или профессиональному переводческому уровню). Дополнительные материалы, доступные в каждом модуле, дают представление о товаросопроводительных документах, условиях сделки INCOTERMS и многих других актуальных аспектах ВЭД.

Особую роль в разработке программ обучения китайскому языку в специальных целях имеет культурный компонент, который присутствует во всех сферах профессиональной деятельности. Это и приятные моменты, вроде вручения подарков при знакомстве и приветственного или прощального банкета с партнерами, это и ритуальные формулы, знание которых поможет распознать вежливый отказ, или ситуации, которые могут повлечь потерю лица у присутствующих, с последующим прекращением деловой коммуникации.

Успех бизнес-взаимодействия с представителями азиатских стран зависит от знания тонкостей восточного этикета, воплощения ритуальных норм общества, живущего по конфуцианской модели, владение навыками проведения деловых мероприятий официального характера или высокого уровня, знание правил комфортного и безопасного проведения торжеств и др. Эта задача решается за счет введения в курс страноведческой информации, отражающей современные тенденции международного делового общения и китайской специфики в нем.

Онлайн-курс содержит множество упражнений на закрепление изученного материала, как лексического, так и грамматического, предлагающего слушателям отработать, закрепить и проверить в формате тестирования с автоматической проверкой уровень усвоения пройденного. Важный методологический вопрос – это механизмы автоматизации языковых навыков, например, насколько нужны и насколько реализуемы в условиях онлайн-обучения письменные упражнения? Как они должны выполняться – в формате ручной записи или компьютерного набора? Практический опыт авторов говорит в пользу автоматизации всех процессов и безбумажный документооборот, в том числе способ ввода текста на компьютере, когда в современных реалиях рукописными документами в своей профессиональной деятельности практически не пользуются ни носители китайского языка, ни переводчики. В этой связи полный переход на электронную форму письма представляется не отдаленным будущим, а практически сегодняшним днем.

Нынешняя ситуация и практическая реализация задач социально-экономического и политического развития страны требует от китаиста сегодня не только высокого уровня владения языком, но и целый пласт дополнительных профессиональных знаний в других областях, в частности, в таких крайне нуждающихся сегодня в специалистах, владеющих китайским языком, сферах, как логистика, внешняя торговля, IT, право и многие другие. И наша скромная попытка нацелена на то, чтобы с помощью онлайн-курса восполнить лакуну на рынке труда, помочь как начинающим переводчикам, так и практикующим специалистам по Китаю расширить знание китайского языка за счет специальной лексики, позволив реализовываться на профессиональном поприще, а также повысить уровень владения китайским языком в сфере ВЭД.

Литература:

1. 贾益民, 吴煜钊. 国际职场通用汉语. 暨南大学出版社, 2020年7月.
2. 商务汉语考试 BCT 大纲. 高等教育出版社, 2014年.

УДК 821.581+929

Завидовская Екатерина Александровна,
канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник, доцент
Институт Китая и современной Азии РАН,
Брянский государственный университет
katushaza@yahoo.com

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ ЮЖНЫХ ОБЛАСТЕЙ ПРОВИНЦИИ ЮНЬНАНЬ

Аннотация. В статье предпринята попытка систематизировать сведения о южном и юго-западном регионах провинции Юньнань. Отправной точкой исследования стали лакуны, содержащиеся в уникальном рукописном альбоме о провинции Юньнань (шифр Ху1.F-25) из собрания Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ, который не содержит карт и описаний южных и юго-западных рубежей этой заселенной некитайскими народами провинции, исторически граничившей с Бирмой (совр. Мьянма), тайскими государствами, Лаосом и Вьетнамом. Отсутствие сведений об этих областях Юньнани может быть объяснено тем, что карты и тексты данного альбома отражают административную систему провинции 60-х гг. XVII в., когда эти области фактически еще не были включены в систему имперской администрации, при этом некоторые области на территории современной Мьянмы перестали включаться в карты империи Цин. Динамика восприятия Китаем этих окраинных областей может быть прослежена в историко-географических описаниях южных областей и на картах. Их обзор будет представлен в данном исследовании.

Ключевые слова и фразы: Юньнань, эпохи Мин-Цин, историко-географическое описание, Бирма, Лаос, Вьетнам.

Zavidovskaya Ekaterina Aleksandrovna,
PhD in Philology, leading research fellow, Associate Professor
Institute of China and Modern Asia RAS, Bryansk State University
katushaza@yahoo.com

REVIEW OF THE CHINESE SOURCES ON THE HISTORY OF THE SOUTHERN REGIONS OF YUNNAN PROVINCE

Abstract. The paper attempts to systematize the data on the southern and southwestern boundary regions of Yunnan province, the topic of this research sprang from the lacuna found by the author in the unique hand-written album on Yunnan province (library No. Xyl.F-25) produced around the first part of the XIX century from the collection of the Saint-Petersburg State University library, this album lacks maps and descriptions of the prefectures located in the southern part of Yunnan, this may be explained by the suggested date of the compilation of the original version of this album being the 60s of the XVII century, at that time the mentioned southern lands have not yet been incorporated into the state territory. The region has been populated by the non-Han ethnic groups and bordered to present-day Burma, Tai states, Laos and Vietnam. In other words, by the mid-XVII century when the Qing have not established their military control over the region these regions were either not a part of the Chinese state yet, or have already been acknowledged as have drifted out of Chinese control in the cause of Burmese expansion, these changes may be observed in more detail by close reading of numerous Chinese sources – general gazetteers, album son “Dian barbarians” and various maps. These documents shed light on the dynamics of changing perceptions of the restless borderland and Chinese views of the Tai polity Xishuangbanna that was under official Chinese control, but actually secured a large degree of autonomy.

Key words and phrases: Yunnan, Ming-Qing periods, general gazetteer, Burma, Laos, Vietnam.

Тема данного исследования была навеяна содержанием уникального рукописного цинского альбома о провинции Юньнань (шифр Хул. F-25) из собрания Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ, а точнее лакунами внутри этого альбома (его исследование также было нами осуществлено в других публикациях [1, 2, 3]). Альбом без авторства, названия и дат содержит карту всей провинции и 75 разворотов с описаниями округов, областей, уездов, а также картой данной местности и картиной, изображающей некую местную специфику (промыслы, обычаи, природные явления). Было выявлено отсутствие в данном альбоме описаний самых южных окраин провинции, в частности, расположенных вдоль рек Салуин и Меконг уездов, областей и округов Вэйюань, Пуэр, Талан, Сымао, Чэли (Сишуанбанна), Кайхуа и др. Исследуемый регион на юге Юньнани - это территория, граничащая с Лаосом и Мьянмой, где в современной КНР расположена автономная область народности дайцзу Сишуанбанна, муниципальный округ города Пуэр, уезд Мэнла-сянь, национальные автономные области народов хани и ицзу Хунхэ, народов мяо и чжуан Вэньшань.

Области Юньнани, граничащие с Мьянмой, Лаосом и Вьетнамом, позже всех были подчинены власти Китая в силу географической труднодоступности (горы, влажный климат и малярия), а также особенностей политико-социального устройства региона, в основном населенного тайскими народами, исторически более тесно связанными с тайскими политическими центрами к югу, а также с разными государственными образованиями на территории современной Мьянмы. Поэтому процесс включения культурно чуждого и политически относительно независимого региона в состав империи занял несколько столетий, требуя как компромиссов, так и репрессивных мер со стороны китайских властей. При этом первичный охват этих областей административными и военными ведомствами произошел при монгольской династии Юань (1271-1368).

Тайские народы переселялись с севера на юг Юньнани несколькими волнами начиная с VII века. Начиная с XII века тайские народы занимали высокогорный регион северо-запада современной Мьянмы, севера Таиланда, северо-запада современного Лаоса, юг Юньнани, они говорили на юго-западной группе тайских языков, кадайской группы. В Юньнани бытует два диалекта с разной письменностью на основе палийского письма: тай-йай (Tai-Yai) на западе Юньнани, тай-люэ (Tai-Lue) в Сишуанбанна. Около 1180 года тайцы юга образовали государство Моунг Люэ (Moung Lue, т.е. «государство [тайцев]люэ»), также называвшееся Сипсонг Панна (Sipsong Panna), завладевшее немалыми территориями, выходя за современные границы Китая, основателем правящей династии считался Па Чжэнь (叭真 1180–1192). Это государство было покорено монгольской армией в 1293 году, в 1296 было учреждено Военно-гражданское управление Чэли (Чэли цзюньминь цзунгуаньфу 彻里军民总管府), при Мин в 1384 году преобразованное в Военно-гражданский комиссариат по умиротворению Чэли (Чэли цзюньминь сюаньвэйшисы 車里军民宣慰使司), как часть системы управления с опорой на туземных чиновников тусы 土司. Но эта область быстро оказалась подчинена Ланнатаю - государству на территории современных Таиланда и Лаоса. В 1401 году Сипсонг Панна нанесла удар по своему северному соседу – маленькому тайскому государству МуонгБау (Muong Baw, кит. Вэйюань 威遠). Затем в этот регион началась экспансия бирманской династии Таунгу (1405-1752). В 1570 г. тайское государство попало в вассальную зависимость от Бирмы, когда было поделено на двенадцать частей (баньна 版納, то есть название страны можно перевести как «двенадцать частей») [4, p.17]. После чего до захвата Бирмы британцами в 1885 году Сишуанбанна платила дань Бирме и Китаю, а с начала XIX века они посылали также дань в Сиам (ныне Таиланд).

При переходе власти в Юньнани от Южной Мин к маньчжурской династии Цин в ходе военных кампаний полководца У Саньгуя (1612-1678) в 1661 году регион Пуэр был разделен так, что часть была подчинена Чэли, а области включая Пуэр 普洱, Сымао 思茅, Путэн 普藤, Чашань 茶山, Мэньян 孟养, Мэннуань 猛爨, Мэнпэн 猛捧, Мэнла 猛腊, Мэнсе 猛歇, Мэнвань 猛萬, Мэньу 猛烏, Удэ 烏得 были отведены в подчинение округа Юаньцзян-фу 元江府, через три года все области были переведены в ведомство Чэли. По инициативе получившего от

императора большие полномочия маньчжурского генерала Ортая (鄂爾泰, 1677-1745) власть туземных чиновников была ограничена, в 1729 году учрежден округ Пуэр-фу 普洱府, тогда из региона начали активно вывозить чай. Цинские солдаты начали размещаться в этом сложном для освоения регионе (одной из причин был жаркий климат и малярия) только в правление императора Юнчжэна (1722-1735), был сделан вывод о нецелесообразности размещения гарнизонов гарнизоны в Чэли (Сишуанбанна), они были оставлены севернее, в Сымао. Определенная автономия Сишуанбанна от центральных властей сохранялась до 1950 года. В 2010 году порядка 1,26 миллиона человек, проживающих в Юньнани, относились к тайским народам, две трети при этом проживали в национальных автономных уездах Дэхун и Сишуанбанна.

Китайские источники по данному региону могут быть разделены на три группы: 1) материалы по истории тайских народов в разных частях Юньнани; 2) историко-географические сочинения, касающиеся территорий юга Юньнани (Сишуанбанна, Пуэр, Юаньцзян, Кайхуа и проч.); 3) картографический материал о регионе. Весомую часть источников составляют официальные китайские историко-географические сочинения, датируемые периодом от Тан до Цин, для исследования местных этнических групп необходимо обращаться к «альбомам о народах-и Дянь с пояснениями» (*дяньи тушо* 滇夷圖說), официальному своду «Изображения данников правящей династии Цин» (*Хуанцинчжигунту* 皇清職貢圖, первое издание 1751–1761 гг.), а также различным собраниям карт. Ниже кратко охарактеризуем источники, проливающие свет на данный регион.

Среди самых ранних памятников - сочинение IX в. Фань Чо «Книга о варварах-мань» (*Маньшу* 蠻書), которое в 4 цзюане содержит данные о различных народах, и, в частности, о разных группах тайских народов, обозначаемых как «варвары-мань» 蠻. Сочинение эпохи Юань исполнявшего обязанности заместителя комиссара по умиротворению тракта Усаумэн-дао 烏撒烏蒙道 Ли Цзина 李京 (1251-?) «Краткое описание Юньнани» (*Юньнани чжэлюэ* 雲南志略) исконно состояло из 4 цзюаней, к настоящему времени внутри других собраний сохранилось два свитка. В разделе «Обычаи множества варваров-и» (*Чжуйфэнсу* 諸夷風俗) приведены подробные сведения о восьми народах, в числе которых «сотня варваров-и из Цзиньчи» (*цзиньчи байи* 金齒百夷). В этом сочинении впервые термин «байи» 百夷 обозначает тайские народы из района Юнчана 永昌 на юго-западе Юньнани, там монголами была учреждено управление по умиротворению *аньфусы* Цзиньчи 金齒安撫司. Сочинение 1395 г. «Биографии байи» (*Байичжуань* 百夷傳), или «Краткая история байи» (*Байицзюэ* 百夷紀略), сохранилось в двух редакциях: Цянь Гусюня 錢古訓 (годы жизни неизв.) и Ли Сычуна 李思聰 (годы жизни неизв.). Сочинение посвящено географии, обычаям народов, транспортным артериям региона Лучуань на границе с Бирмой. Это личный опыт поездки двух авторов, направленных императором Чжу Юаньчжаном (1328–1398) с документом к правителю Лучуань. В 1382 году в Лучуань был основан Комиссариат по умиротворению Лучуань и Пиндянь 麓川平緬宣慰使司, который возглавил местный правитель Сы Луньфа (思倫發, ум.1399). В 1438–1454 гг. армия Мин в ответ на неповиновение местных правителей разгромила это тайское государство, но власть туземных чиновников *тусы* 土司 из числа тайцев была сохранена. Таким образом, именно тайцы из регионов, граничивших с Бирмой, представляли особый интерес для Китая.

Самым ранним историко-географическим описанием Юньнани считается «Описание годов Хунью [1368-1398]» (*Хунью юньнаньчжи* 洪武雲南志) под редакцией Ван Цзинчана 王景常, Чэна Бэнли 程本立, завершенное в 1400 году и не сохранившееся до наших дней. Далее в эпоху Мин выходили следующие описания всей провинции: 1) Официальные историко-географические описания Юньнани эпохи Мин - «Описание Юньнань с картами годов Цзинтай» (10 цз.), «Описание Юньнани» (44 цз.) годов Чжэндэ [1506–1521]; 3) «Общее историко-географическое описание Юньнани годов Ваньли [1573–1620]» (17 цз.). Эти источники со-

держат около 23 карт округов провинции, которые более подробно отображают южные границы, нежели это видно в картах цинских описаний. Например, В годы правления под девизом Тяньци 天啟 (1621 - 1627) Лю Вэньчжэн 劉文徵 подготовил «Описание Дянь [Юньнани] годов Тяньци» (Тяньци дяньчжи 天啟滇志. 33 цз.), где впервые встречается «Общая карта всех варваров-и Юго-запада» (*Синаньчжуицзунту* 西南諸夷總圖), которая на западе «достигает Тяньчжу [Индии]», на юге – «моря», на востоке округа Юаньцзян 元江, на севере - тракта Цзиньшэндао 金勝道. То есть карта изображает бассейн верхнего течения рек Салуин и Меконг, именно этот регион представлял наибольшую сложность для включения в состав империи, становясь объектом притязаний государств предшественников современной Бирмы.

В эпоху Цин началась массированная реформа по замене туземных чиновников на присылаемых из центра (*гайту гуйлю* 改土歸流), создавались новые более подробные материалы о провинции и местные *фанчжи* 方志 округов. В частности, «Сводное описание провинции Юньнань [годов Цяньлун]: в тридцати и одном вводном цзюанях» (1736), энциклопедия Чэнь Мэнлэя (1650—1741) «Высочайше учрежденное полное собрание книг древности и современности» (1726). В 1835 году вышло «Сводное описание Юньнани» (Юньнань тунчжи 雲南通志, сост. Жуань Юань 阮元, Ван Сун 王崧, Ли Чэн 李誠, 220 цз.), в пятом цзюане «Географические описания» содержащее 37 карт округов-фу.

К числу карт провинции, содержащих важные данные об южном пограничье, отнесем «Обзорные карты всех императорских земель» (*Хуаньюй цюаньланьту* 皇輿全覽圖, 1719, 32 рукописных карты), изданные по приказу императора Канси (1661-1722). По высшему указанию подготовку карты Юньнани вели в 1714-1715 годах иезуиты Фриделли (Xavier Fridelli, кит. Фэй Инь 費隱) и Бонжур (Fabre Bonjour, кит. Шань Яочжань 山遙瞻), из-за кончины Бонжура во время работ на юге Юньнани другой французский иезуит Жан-Барист Режи (Jean Baptiste Regis, кит. Лэй Сяосы 雷孝思, 1663-1738) завершил работу по составлению карты этой провинции. Данная карта демонстрирует наличие масштаба, по контуру приведена градусная сетка широты и долготы, гораздо более точно прочерчена линия условной границы с соседними государствами, обозначенная пунктиром, с запада на юг показана граница с Мянго 緬國 (запад), Аваго 阿瓦國¹ (юго-запад), Лаово 老撾 (юг, юго-восток), Цзяочжи (юго-восток), на юге не обозначено присущее китайским картам «Южное море» (куда далеко на юге впадает Меконг). Выходившие на протяжении XVIII-XIX веков китайские карты южных границ (в частности, округа Пуэр-фу), напротив, не были достаточно детальными и по-прежнему условно изображали границу. Причиной тому был именно факт отсутствия официальной демаркации границы Китая с соседними государствами вплоть до 1894 года, когда цинский двор подписал с Великобританией и Францией договоры о демаркации границ Китая с Бирмой и Вьетнамом. Оригиналы договоров с прилагающимися картами хранятся в настоящее время в Государственном музее Гугун (Тайвань). В 1894 году в Пекине было подписано «Китайско-английское соглашение по Бирме» (Чжуньин мяндянь тяокуань 中英緬甸條款) о проведении совместной демаркации китайско-бирманской границы представителями Цин и Англии.

Что касается освещения специфики управления в области Сишуанбаньна, то китайские источники лишь называют ее «Чэли», после 1735 г. вошедшую в состав округа Пуэр-фу, не упоминая фактически слабую зависимость местных правителей от империи, что вполне объяснимо. Тем не менее, государство Сишуанбаньна обладало своей письменностью, основным историческим документом на тайском языке является «Историческая хроника Сишуанбаньна» (кит. *Сишуанбаньна лидай бяньняньши* 西雙版納歷代編年史, или *Лэши* 勐史), охватывающая историю правящей династии. Четыре варианта хроники сообщают о правителях госу-

¹ Королевство Ава, правившее верхней Бирмой в 1364-1555 годах.

дарства Моунг Люэ с момента начала династии в 1180 г. до середины XVI в., когда тайские государства были завоеваны бирманцами, при этом сохранялись стабильные отношения с Китаем.

Таким образом, отображение населенного тайцами региона в китайских источниках закономерно умалчивает о степени независимости туземных правителей от властей Китая.

Литература

1. Завидовская Е.А., Маяцкий Д.И. Типы цинских альбомов о провинции Юньнань и их значение как источника о Юго-Западном Китае. // *Восток (Oriens)*. – 2023. – № 5. – С. 189–200
2. Завидовская Е.А. Сведения о народах Юньнани в цинских «альбомах о варварах Дянь» и в материалах от периода Тан до Цин // *Восточный курьер*. – 2024. – Выпуск №1. – С. 170-183.
3. Завидовская Е.А., Харитонов А.М. Религиозный ландшафт провинции Юньнань (по материалам Цинского альбома из собрания Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета) // *Учёные записки Петрозаводского государственного университета*. – 2024. – Том 46. – № 4. – С. 25–32
4. Grabowsky, Volker. The Tai Polities in the Upper Mekong and Their Tributary Relationships with China and Burma. *Aséanie* 21, 2008, pp. 11-63.

УДК 327.81

Зайцев С.В. 4 курс бакалавриата

Кафедра всеобщей истории и международных отношений

Брянский государственный университет

имени академика И.Г. Петровского

Завидовская Е.А.

К.ф.н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений

Брянский государственный университет

имени И.Г.Петровского

sv.zaitsev@bk.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РАМКАХ ПРОДВИЖЕНИЯ ПРОГРАММЫ «ЗЕЛЕННОГО ПОЯСА И ПУТИ»

Аннотация. «Зелёная повестка» стала в XXI веке одной из ключевых. Со временем, сформировалась точка зрения о том, что экологическая повестка — это мощнейший инструмент влияния на мировое общественное мнение, в том числе и на международной арене. В статье дан обзор совместным усилиям Китая и стран Центральной Азии в рамках инициативы «Зеленый пояс и путь», призванной содействовать реализации экологических проектов в регионе. Китай придерживается новой модели развития, которая ставит во главу угла полный переход к экологически устойчивым практикам. Этот переход охватывает как экономическую, так и социальную сферы, а его конечной целью является создание мира, в котором человечество будет процветать в равновесии с природой. Китай активно участвует в глобальных усилиях по построению такого устойчивого будущего. В центре исследования - ключевые основополагающие документы, лежащие в основе этого сотрудничества. В статье анализируются конкретные примеры взаимодействия Китая и стран региона в области устойчивого развития и экологии в рамках инициативы, с целью оценить реализацию проекта и выявить основные тенденции.

Ключевые слова и фразы: Китай, экология, Центральная Азия, инициатива «Один пояс – один путь», «Зеленый пояс и путь», сотрудничество, инфраструктура

Zaitsev S.V., 4th year of Bachelor's degree

Department of General History and International Relations

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

Zavidovskaya E.A.

Ph.D., Associate Professor of the Department of General History
and International Relations

Bryansk State University named after

Academician I.G. Petrovsky

sv.zaitsev@bk.ru

COOPERATION BETWEEN CHINA AND CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN PROMOTING THE GREEN BELT AND ROAD

Abstract. “Green Agenda” has become one of the key agendas in the 21st century. Over time, a point of view has developed that the environmental agenda is a powerful tool to influence world public opinion, including in the international arena. The article gives an overview of the joint efforts of China and Central Asian countries within the framework of the Green Belt and Road Initiative to promote the implementation of environmental projects in the region. China is pursuing a new development model that prioritizes a complete transition to environmentally sustainable practices. This transition encompasses both the economic and social spheres, with the ultimate goal of creat-

ing a world in which humankind thrives in balance with nature. China is actively participating in global efforts to build such a sustainable future. The study focuses on the key foundational documents underpinning this cooperation. The article analyzes case studies of China and regional countries' engagement in sustainable development and environment under the initiative to assess project implementation and identify key trends.

Key words and phrases: China, environment protection, Central Asia, One Belt, One Road initiative, Green Belt and Road, cooperation, infrastructure.

Становление Китая как глобальной экономической державы требует от него поиска новых рынков и ресурсов, особенно энергетических, поддерживающих активный внутренний рост. Центральная Азия представляет собой стратегически важный регион для Китая благодаря значительным запасам углеводородов, потенциальным экспортным рынкам и альтернативному сухопутному пути в Европу.

Постепенно Китай становится основным инвестором и торговым партнером для стран Центральной Азии. Богатые природные ресурсы и транспортная инфраструктура региона продолжают оставаться весьма привлекательными для Китая. Этот интерес вызывает ответную реакцию со стороны руководства стран Центральной Азии, которые активно стремятся к более тесным экономическим связям с Китаем, особенно в сфере финансов и инвестиций. Конкуренция между центральноазиатскими элитами за внимание Китая подчеркивает растущее значение региона во внешнеполитическом векторе КНР. [1, с. 52] Китай рассматривает Центральную Азию в первую очередь как поставщика природных ресурсов, транзитный маршрут для товаров и рынок для китайского экспорта. Соответственно, китайские инвестиции в регион в значительной степени сосредоточены на развитии местной инфраструктуры. [2, с. 89]

В мирное время Китаю выгоднее торговать морем, но существует опасность блокировки важных морских проливов (Суэцкий канал, Баб-эль-Мандеб, Ормузский пролив, Малаккский пролив). В этом случае, регион Центральной Азии становится выгодным решением. Китай получает энергоресурсы, а в свою очередь кредитует местную инфраструктуру, не забывая об экологическом аспекте.

Однако взаимодействие Китая выходит за рамки чисто экономических интересов. Страна активно сотрудничает с государствами Центральной Азии по вопросам безопасности, развития транспортной системы и охраны окружающей среды. Инициатива ОПОП, впервые предложенная председателем КНР Си Цзиньпином во время визита в Казахстан в 2013 году, ознаменовала новый этап развития отношений. [3] Центральная Азия служит главной транспортной артерией для сухопутного компонента ОПОП. Являясь главенствующей внешнеэкономической стратегией и основным двигателем глобальных инвестиций, ОПОП представляет собой главный подход Китая к расширению своего экономического и геополитического влияния в стремлении к глобальному лидерству.

Проекты и инициативы в рамках «Зеленого Пояса и пути»

Международный экономический форум «Пояс и путь», охватывающий инициативу «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века», прошел в Пекине 14-15 мая 2017 года. На форуме собрались главы государств и правительств из примерно 30 европейских и азиатских стран, а также представители международных организаций, таких как ООН, МВФ, Всемирный банк и ВТО. В ходе форума несколько европейских стран выразили опасения по поводу того, что китайские инвестиции могут способствовать загрязнению окружающей среды и снижению социальных и экологических стандартов. [4]

В преддверии форума Министерство охраны окружающей среды Китая (МООС) в сотрудничестве с Министерствами иностранных дел и торговли, а также с Государственным комитетом по развитию и реформам (ГКРР) выпустили «Руководство по продвижению „Зеленого Пояса и Пути“». [5] Руководство – это декларация о намерениях, по многим пунктам которой обещано выработать конкретные меры по реализации проекта. Одновременно с этим МООС представил на форуме «План сотрудничества в области экологии и охраны окружа-

ющей среды в рамках инициативы "Пояса и Пути"». Этот план направлен на содействие устойчивому развитию и реализацию вышеупомянутых принципов. В нем подробно описаны 25 конкретных проектов сотрудничества, причем некоторые из них уже инициированы министерством. [6]

Стремление Китая к созданию «Зеленого шелкового пути» стратегически мотивировано. Инициатива направлена на улучшение имиджа проекта «Пояс и путь» и одновременно на борьбу с критикой, касающейся экспорта экологически вредных практик. Этот стратегический шаг совпадает с растущей глобальной тенденцией к защите окружающей среды, позиционируя «Зеленый шелковый путь» как эффективный инструмент для продвижения Повестки дня Организации Объединенных Наций в области устойчивого развития на период до 2030 года [7]. Кроме того, он призван смягчить обеспокоенность западных научных кругов и гражданских обществ по поводу потенциальных экологических последствий масштабного развития инфраструктуры, связанного с инициативой «Пояс и путь».

Документы МООС устанавливают как краткосрочные (3-5 лет), так и среднесрочные (5-10 лет) цели в отношении социально-политических и финансовых мер, гарантирующих соблюдение принципов зеленого развития и экологической ответственности в ходе реализации инициативы «Пояс и путь». Согласно этим документам, одной из основ политики ОПОП является приоритет «зеленого» развития, а экологические гарантии выступают в качестве вспомогательного механизма. Такой подход делает акцент на расширении торговли экологически чистыми товарами и услугами. В основе этой стратегии «зеленого» развития лежит внутренняя политика КНР «Построение экологической цивилизации», которая стала краеугольным камнем программы развития КНР после XIX съезда партии в 2017 году.

Примеры реализации инициативы

Благодаря своему географическому расположению и роли в инициативе «Пояс и путь» страны Центральной Азии стали ключевыми партнерами Китая в реализации «Зеленого шелкового пути». В течение нескольких лет совместные усилия Китая и стран Центральной Азии были сосредоточены на развитии «чистой» энергетики в рамках «Пояса и Пути». Появление китайских компаний и исследовательских институтов, специализирующихся на возобновляемых источниках энергии и технологиях защиты окружающей среды, за последнее десятилетие внесло значительный вклад в интеграцию принципов устойчивого продвижения проектов ОПОП в регионе Центральной Азии.

Комиссия ООН по устойчивому развитию на своей 17-й сессии в 2015 году признала ведущую роль Китая в борьбе с опустыниванием. Используя свой опыт и технологические достижения в области восстановления окружающей среды, Китай развивает сотрудничество с государствами Центральной Азии, в частности с регионом Аральского моря. [8]

Совместные инициативы Китая и стран Аральского моря включают в себя наблюдение за состоянием окружающей среды, выращивание солеустойчивых видов растений и продвижение водосберегающих методов ведения сельского хозяйства. Примечательно, что с 2019 года Китай и Узбекистан проводят комплексные научные исследования в бассейне Аральского моря. Китай и страны региона создали Исследовательскую ассоциацию по мониторингу и управлению экосистемами Центральной Азии под воздействием изменения климата, подписали Урумчинскую декларацию – «Китайско-узбекистанское инновационное сотрудничество: экологическое восстановление региона Аральского моря» и совместно выпустили научную инициативу по озеленению Аральского моря, направленные на улучшение экологии региона и достижение устойчивого развития. Кроме того, китайские ученые также помогли в улучшении состояния засоленных и щелочных земель и управлении ими. Здесь используются солеустойчивые растения, чтобы снизить содержание соли в почве, создавая условия для выращивания других культур. Искусственные леса также высаживаются в песчаной пустыне, образовавшейся после высыхания части Аральского моря. Все эти усилия играют важную роль в решении Аральского кризиса. [9]

Участие Китая в этих экологических проектах имеет стратегическое значение для обеих стран. Оно способствует сближению двусторонних отношений между Китаем и Узбеки-

станом, повышая региональный авторитет Китая и укрепляя политические связи с местным правительством.

В Казахстане исследователи из КНР вывели различные виды растений, провели обучающие программы по технике посадки и ирригации, а также создали демонстрационную зону защитной лесополосы. Институт завершил создание демонстрационной зоны защитного лесного пояса площадью 20 гектаров, разработал комплексную систему оценки состояния искусственных лесов и оценил функции экологических барьеров.

В условиях глобального потепления, лишенные выхода к морю страны Центральной Азии сталкиваются с серьезными экологическими проблемами. Такие вызовы подталкивают Китай и Центральную Азию к более тесному сотрудничеству в решении экологических проблем региона после запуска ОПОП. Еще десять лет назад заинтересованные стороны в Центральной Азии были мало осведомлены об опыте Китая в области сохранения водных ресурсов и защиты окружающей среды. [10] Однако в последние годы обострение последствий изменения климата подчеркнуло необходимость принятия срочных мер по охране окружающей среды. В связи с этим научно-исследовательские институты и государственные учреждения в Центральной Азии все чаще ищут партнерства с Китаем.

В различных регионах Казахстана китайские компании активно участвуют в разработке альтернативных источников энергии, создаются ветряные, гидро- и солнечные электростанции. [11] Эти проекты вносят значительный вклад в переход региона к низкоуглеродной экономике.

В Сианьской декларации, принятой по итогам саммита Китай-Центральная Азия в мае 2023 года, защита окружающей среды обозначена как одна из важнейших областей сотрудничества. Китай и пять стран Центральной Азии договорились сотрудничать в рамках инициатив, способствующих низкоуглеродному развитию, продвижению «зеленых» практик и решению проблемы изменения климата. Стороны подтверждают необходимость согласованных усилий по обеспечению продовольственной безопасности в условиях меняющегося климата, а также отмечают важность ведения сельского хозяйства наиболее экологичными способами, поддерживающими биоразнообразие, с оптимальным использованием водных и земельных ресурсов. [12]

Кроме того, Китай активно реализует конкретные проекты по поддержке региональной экологической безопасности. В 2021 году, используя свою спутниковую навигационную систему BeiDou (кит. *Бэйдоу даохан ситун* 北斗导航系统), Китай в партнерстве с Таджикистаном создал систему мониторинга деформации плотин на озере Сарез. [13] Эта система предоставляет данные о безопасности плотин в режиме реального времени, повышая защиту от потенциальных угроз. Кроме того, Китай разработал и запустил платформу, занимающуюся отслеживанием деформаций, используя систему «Бейдоу» для мониторинга устойчивости склонов в Кыргызстане и наблюдения за лавинами в Таджикистане.

Китай неизменно занимает лидирующие позиции в мире по установленной мощности возобновляемых источников энергии, в частности, гидроэнергетика, ветроэнергетика, фотоэлектрическая и атомная энергетика, причем на возобновляемые источники приходится более 50% общего объема производства энергии. [14]

Кыргызстан активно стремится к переходу на низкоуглеродную энергетику и считает Китай ключевым партнером в модернизации своей энергетической инфраструктуры. Примером такого партнерства стало недавнее инвестиционное соглашение между BYD, китайским производителем автомобилей на новых источниках энергии, и UzAuto, национальным автопроизводителем Узбекистана.

Это сотрудничество уже принесло ощутимые результаты: в июне 2023 года начнется серийное производство на узбекском заводе автомобилей марки BYD. Более того, BYD и правительство Узбекистана выразили намерение расширить сотрудничество в сфере «зеленого» транспорта. [15] Начало серийного производства на узбекском заводе BYD означает значительный шаг к внедрению экологичного транспорта в регионе. Эта инициатива стала очередным подтверждением приверженности Китая развитию своей «зеленой» программы.

Интерес Китая к экологической устойчивости выходит за рамки коммерческих предприятий. В начале 2024 года делегация китайских экспертов по охране окружающей среды посетила Туркменистан, где провела дискуссии с местными учеными по вопросам устойчивого развития. [16]

На восьмой выставке «Китай-Евразия» в июне 2024 года был представлен ряд технологий «зеленой» энергетики, адаптированных к условиям Центральной Азии. Ведущий китайский производитель ветряных турбин GoldwindScience&Technology заявил о намерении создать производственные мощности в Казахстане и Узбекистане, ссылаясь на стратегическую важность региона и географическое сходство с провинцией Синьцзян. [17] Успешная интеграция возобновляемых источников энергии в энергосистему Синьцзяна может послужить примером для соседних стран Центральной Азии, стремящихся к устойчивому развитию энергетики.

Подводя итог, можно сделать вывод, что инициатива «Зеленый пояс и путь» играет немаловажную роль во внешнеполитическом векторе КНР. Реализация этого амбициозного проекта требует огромных усилий и вложений. В последние годы Китай уделяет все больше внимания региональному сотрудничеству в области экологии и охраны окружающей среды. В связи с развитием концепции низкоуглеродной экономики и растущей политизацией вопросов изменения климата «зеленое» развитие стало одним из важных направлений экономической трансформации всех акторов на мировой арене. Строительство Зеленого шелкового пути — это не только концепция экологического развития Китая, но и возможность достижения глобального устойчивого развития, если к этому проекту присоединятся другие страны. Хотелось бы добавить, что укрепление двустороннего сотрудничества в плане строительства «Зеленого шелкового пути» не только способствует обеспечению всестороннего партнерства и стратегического взаимодействия между государствами, но и вносит вклад в совместную разработку решения глобальных экологических проблем. На сегодняшний день мы видим, что Китай медленно, но верно движется в сторону реализации инновационного проекта, тем самым, развивая и углубляя интеграцию в регионе.

Литература:

1. Ли С. Стратегия энергетической безопасности Китая в Центральной Азии / С. Ли, В. Чэнсин // Сравнительная политика. – 2013. – №2. – С. 50-59.
2. Сафронова Е.И. Стратегия «Один пояс – один путь» как носитель мягкой силы Китая / Е. И. Сафронова // Новый Шелковый путь и его значение для России. – 2016. – С. 84 – 108.
3. Чжан Сяо. «Один пояс – один путь»: взаимовыгодное развитие и совместное процветание Китая и Казахстана // «Қазақ газеттері» : [сайт]. — URL: <https://kazpravda.kz/n/odin-poyas-odin-put-vzaimovygodnoe-razvitie-i-sovmestnoe-protsvetanie-kitaya-i-kazahstana/?ysclid=m1mhles7e1905841180> (дата обращения: 27.09.2024)
4. James Griffiths. China's new world order: Xi, Putin and others meet for Belt and Road Forum // CNN : [сайт]. — URL: <https://edition.cnn.com/2017/05/13/asia/china-belt-and-road-forum-xi-putin-erdogan/index.html> (дата обращения: 27.09.2024)
5. МООС, МИД, Минкоммерции и ГКРП КНР. “Руководство по продвижению зеленого Пояса и пути”. 24 апреля 2017 // The Belt and Road Portal : [сайт]. — URL: (<https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/12479.htm>)
6. МООС КНР. "План сотрудничества в области экологии и охраны окружающей среды в рамках инициативы Шелкового Пути. Май 2017 // The Belt and Road Portal : [сайт]. — URL: (<https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/13392.htm>.)
7. “The 17 Goals”. Sustainable Development Goals // UN : [сайт]. — URL: <https://sdgs.un.org/goals/> (дата обращения: 28.09.2024)
8. United Nations (2017) Resolution adopted by the General Assembly on 6 July 2017 // UN : [сайт]. — URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_71_313.pdf / (дата обращения: 28.09.2024)

9. Ученые из Узбекистана и Китая начали совместное изучение осушенного дна Аральского моря // Министерство экологии, окружающей среды и изменения климата Республики Узбекистан : [сайт]. — URL: <https://gov.uz/ru/eco/news/view/19609> / (дата обращения: 28.09.2024)
10. Zhao Yusha, Lin Xiaoyi and Bai Yunyi. BRI's emphasis on environmentally friendly practices has benefited Central Asia countries // Global Times: [сайт]. — URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202309/1297793.shtml> / (дата обращения: 28.09.2024)
11. Катерина Клеменкова, Тимур Батыршин. Китай построил под Алматы ветропарк, который обеспечит энергией 60 тысяч домов. Но дешёвой она не будет // Informburo.kz.: [сайт]. — URL: <https://informburo.kz/fotoreportazh/kitaj-postroil-pod-almaty-vetropark-kotoryj-obespechit-energiej-60-tysyach-domov-no-deshyovoj-ona-ne-budet> / (дата обращения: 28.09.2024)
12. Полный текст Сианьской декларации саммита «Китай – Центральная Азия» // Russian.News.Cn: [сайт]. — URL: <https://russian.news.cn/20230519/ee695839ae1746f2817abcdae02d3f87/c.html> / (дата обращения: 25.09.2024)
13. Угрозу прорыва плотины на Сарезе начали отслеживать китайские спутники // Sputnik : [сайт]. — URL: <https://tj.sputniknews.ru/20211024/sarez-lake-plotina-ugroza-proryv-sistema-1043061758.html> / (дата обращения: 28.09.2024)
14. Энергетическое сотрудничество Китая и Центральной Азии становится все более «зеленым» // Russian.News.Cn: [сайт]. — URL: <https://russian.news.cn/20240628/b8d23a93045342c586dae6d75460db41/c.html> / (дата обращения: 28.09.2024)
15. МИПТ и BYD подписали инвестиционное соглашение // UzDaily: [сайт]. — URL: <https://uzdaily.uz/ru/post/80348/> / (дата обращения: 28.09.2024)
16. Китайские учёные посетили туркменский посёлок Бокурдак в Каракумах // News Central Asia: [сайт]. — URL: <https://www.newscentralasia.net/2024/01/08/kitayskiye-uchonyuye-posetili-turkmenskiy-poselok-bokurdak-v-karakumakh/> / (дата обращения: 28.09.2024)
17. ЭКСПО «Китай-Евразия»/ Энергетическое сотрудничество Китая и Центральной Азии становится все более «зеленым» // Russian.News.Cn: [сайт]. — URL: <https://russian.news.cn/20240629/07f8450cb8db485091d68f4eacfd30/c.html> / (дата обращения: 28.09.2024)

Климбовская Екатерина, студент магистратуры
Кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований
Казанский (Приволжский) федеральный университет
klim13_00@mail.ru

Мухаметзянов Рустем Равилевич, к. ист. наук, доцент
Кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований
Казанский (Приволжский) федеральный университет

ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ВЬЕТНАМА В ПЕРИОД XV-XIX ВЕКОВ

Аннотация. В статье исследуется влияние конфуцианства на Вьетнам в период с XV по начало XIX века, через анализ роль конфуцианских мыслителей в политической и культурной жизни страны. Рассматривается вклад конфуцианцев в развитие образования, литературы и философии, а также влияние конфуцианских идей на социальные и исторические процессы того времени.

Ключевые слова и фразы. Конфуцианство, ученые-конфуцианцы, Нгуен Чай, Нгуен Бинь Кхьем, Фунг Кхак Кхоана, Нго Тхой Нхьем, Тэйшонское восстание, династия Поздние Ле, династия Нгуен.

Klimbovskaya Ekaterina, Master's Student
Department of Chinese Studies and Asia-Pacific Studies
Kazan (Volga region) Federal University
klim13_00@mail.ru

Muhametzyanov Rustem Ravilyevich,
Ph.D. of History Sciences, Assistant Professor
Department of Chinese Studies and Asia-Pacific Studies
Kazan (Volga region) Federal University

THE INFLUENCE OF CONFUCIANISM ON THE FORMATION OF THE INTELLECTUAL ELITE OF VIETNAM IN THE XV-XIX CENTURIES

Abstract. The article examines the influence of Confucianism on Vietnam in the period from the XV to the beginning of the XIX century, through the analysis of the role of Confucian thinkers in the political and cultural life of the country. The article examines the contribution of Confucians to the development of education, literature and philosophy, as well as the influence of Confucian ideas on the social and historical processes of that time.

Keywords and Phrases. Confucianism, Confucian scholars, Nguyen Trai, Nguyen Binh Khiem, Ngo Thoi Nhiem, Tay Son Rebellion, Later Le dynasty, Nguyễn dynasty.

С XV до начала XIX века активное проникновение конфуцианства посредством политики и мер правящего класса создало условия для формирования многочисленного сословия конфуцианских ученых в обществе. Это был класс людей, игравших важнейшую роль и обладавших наибольшим авторитетом в обществе, заложивших основу феодального строя. Они были людьми, глубже всех проникшимися идеями конфуцианства, всегда стремившимися учиться и совершенствоваться в соответствии с нравственными принципами мудрецов, чтобы стать настоящими благородными мужчинами и внести свой вклад в служение государству и стране.

Большинство из них были не только чиновниками, но также писателями, поэтами, учителями, врачами, учеными, мыслителями, историками, общественными деятелями и дипло-

матами. Они внесли значительный вклад в культуру, образование и в развитие национальной идеологии. После себя они оставили литературные произведения и научные труды, имеющие огромную ценность для народа.

Среди тех, кто находился под влиянием конфуцианства в тот период, Нгуен Чай (1380-1442 гг.) считается выдающимся мыслителем ранней династии Ле, талантливым политиком, военным и дипломатом, сыгравшим значительную роль в истории сопротивления страны иностранным захватчикам. Он рос в семье ученых-конфуцианцев, благодаря чему приобрел обширные знания, перенял высокие моральные и нравственные качества от отца, деда и многих других конфуцианских ученых из их окружения. Кроме конфуцианства, он также изучал буддизм, учения Лао Цзы и Чжуан Цзы, а также различные книги от древности до современности, содержащие ценные знания в следующих областях: военной науки, медицины, истории, географии, обычаев и архитектуры. Благодаря своим способностям, в возрасте 20 лет Нгуен Чай сдал экзамен на докторскую степень и был принят на службу при дворе династии Хо (1400-1407 гг.). Когда войска китайской династии Мин вторглись во Вьетнам, Нгуен Чай быстро прибыл в Ламшон (первый опорный пункт освободительного движения), чтобы бороться вместе с Ле Лоем (политический и военный деятель, возглавивший сопротивление в борьбе с китайскими захватчиками, а также основавший династию Ле и правивший Дайвьетом в период 1428-1433 гг.), став одним из самых выдающихся стратегов повстанческой армии Ламшона [1, с. 330].

Мысли Нгуен Чая нашли отражения в таких работах, как: «Сборник приказов военного командования», «Великий указ о мире с У», «Сборник стихов Ук Чая» (литературный псевдоним), «Географический справочник», «Исторические хроники Ламшона», «Унаследованные рукописей Изумрудного зала», «Свод законов», «Великая церемония», «Поэма о горе Чинь Ли», «Старая история о господине Банг Хо», приказы, указы и заявления – были написаны, когда он был чиновником. В этих трудах можно увидеть, что Нгуен Чай выражал свои идеи и мысли, а не слепо перенимал идеи конфуцианства – концепции о Вселенной, о Небе и Земле, о политике и обществе, о морали и гуманизме. Особое внимание им уделялось гуманизму - уникальной философии человеческой жизни, которая в его работах ярко демонстрирует общечеловеческие ценности и патриотизм вьетнамского народа [2, с. 31].

Современниками Нгуена Чая были выдающиеся ученые-конфуцианцы, такие как: Ли Ты Тан, Чан Тхе Фап, Нгуен Монг Туан, Фан Фу Тьен, Нго Си Лиен, Лыонг Тхе Винь, Тхан Нян Чунг, Ву Куинь, Кьеу Фу, Нгуен Дик Там, Буи Сыонг Чак, Ле Тунг – Зыонг Банг Бан, Лыонг Дак Банг, Ле Най и другие. Все они трудились при династии Ле и оставили богатое и уникальное наследие. Среди их трудов стоит отметить такие важные работы, как сборник вьетнамских народных сказаний и легенд, составленный в конце правления династии Тхань – «Сборник странных рассказов из Линь Нам» Чан Тхе Фапа, «Полная история Дай Вьета» (завершена в 1479 году) Нго Си Лиена, «Полный обзор истории Дайвьета» Ву Куиня, «Полный обзор истории Вьетнама» Зыонг Банг Бана, «Полная хроника истории Вьетнама» Ле Ная – являются авторитетными историческими трудами, которые считаются важными источниками для историков [3, с. 157].

С конца XV века стали проявляться первые признаки ослабления династии Поздних Ле (1428-1527 гг.), противоречия становились всё более острыми, что привело к конфликту между феодальными группировками и активной социальной борьбе. Падение династии Поздних Ле и возникновение династии Мак (1527-1592 гг.) привели к периоду гражданской войны и хаоса, страна была разделена, и народ терпел лишения. В столь нестабильной социальной обстановке конфуцианские учёные и мыслители продемонстрировали свои таланты, особенности мышления и различные подходы к вызовам времени.

Среди мыслителей этого периода следует упомянуть Нгуен Бинь Кхьема (1491 – 1585 гг.) – выдающегося конфуцианского ученого, прославленного интеллектуала и великого культурного деятеля нации, придерживавшегося позиции «Проявляй стойкость, мудрость и искреннюю любовь к родине и своему народу» [4, с. 302]. Нгуен Бинь Кхьем служил чиновником при династии Мак в общей сложности семь лет, занимая должность министра, а также

получив титул герцога, он пользовался большим уважением, даже когда вышел на пенсию и вернулся в свой родной город. Он открыл школу, где обучил целое поколение выдающихся учеников, таких как Лыонг Хыу Кхань, Фунг Кхак Кхоан, Нгуен Куен, Нгуен Зы.

Произведения Нгуен Бинь Кхьема включают как прозу, так и стихи на китайском и на вьетнамском языке (ты-ном – система письма на основе китайской иероглифики). Что касается поэзии, то он создал более тысячи стихотворений на китайском языке и более 150-ти стихотворений на вьетнамском, которые вошли в «Сборник стихов на родном языке Бак Вана (псевдоним)» и «Сборник стихов Бак Вана» на китайском языке. Эти сборники стали началом новой литературной традиции, наполненной философскими размышлениями, рациональными идеями и описанием реальной жизни. Они показали общество через призму личной и повседневной жизни, внося значительный вклад в развитие и совершенствование вьетнамской национальной литературы. По средствам поэтического языка Нгуен Бинь Кхьем выражал множество идей о природе, обществе, политике и событиях своего времени. «Он умело сочетал восприятие и размышление, стремясь установить уникальный мост между академическим знанием и массовым пониманием». С точки зрения идеологии, в его работах прослеживаются пересечение и переплетение конфуцианских, буддийских и даосских учений, но наибольшее влияние имеет конфуцианство, особенно неоконфуцианство эпохи Сун. Он один из немногих, кто систематично и глубоко занимался исследованием философии этого учения [5, с. 124].

Среди учеников Нгуен Бинь Кхьема нельзя не упомянуть Фунг Кхак Кхоана (1528 - 1613 гг.). Он занимал высокие должности при династии Ле и внес значительный вклад в развитие сельского хозяйства, ремесел, а также занимался культурной деятельностью в различных регионах. Среди его работ: «Практическое руководство по сельскому хозяйству», «Путешествие в Персиковый источник», «Песнь о жизни в лесах и реках», «Сборник стихов о стремлении», «Сборник стихов для обучения детей» (включают произведения о погоде, климате, растениях, насекомых и т.д.), «Сборник стихов о поездке с дипломатической миссией через пограничный пункт Май Линь в Китай», «Стихи Фунга, заместителя верховного министра и первого учёного», «Сборник стихов Фунга». Если в работах у Нгуен Бинь Кхьема конфуцианство сочеталось с учением Лао Цзы и Чжуан Цзы, у Нгуен Зы – с даосизмом, то у Фунг Кхак Кхоана конфуцианство предстает практически в чистом виде.

Если у Нгуен Бинь Кхьема философия выражает размышления о жизни, то у Фунг Кхак Кхоана она выражалась в вере в стойкость нации и способности человека превратить хаос в порядок, спасти страну от бедствий и объединиться перед лицом опасности. Его произведения пронизаны образом искренней, стойкой личности, неустанно стремящейся к воплощению идеала «служить правителю и заботиться о народе», что было высшей целью ученого в смутные времена [6, с. 34].

Спустя более чем два столетия после эпохи Нгуен Бинь Кхьема и Фунг Кхак Кхоана появился выдающийся мыслитель, культурный деятель, великий историк и ученый Ле Куи Дон (1726 - 1784 гг.). Он был сыном министра юстиции при дворе Ле-Чинь (князя Чинь контролировали часть территории страны во время правления династии Ле). Ещё в детстве отмечали его талант и ум, в два года он знал некоторые иероглифы, в пять лет он изучал «Книгу песен» и мог читать по десять строк сразу. В возрасте 12 лет он изучил все классические тексты, исторические хроники и книги философов разных школ, не было книги, которую бы он не понял до конца. «Его стиль письма был изящным и глубоким, он завершал любое произведение, едва взявшись за перо» [6, с.379].

Благодаря своим выдающимся способностям, с 16 лет Ле Куи Дон успешно сдавал экзамены на пути к чиновничьей карьере, быстро продвигаясь по службе и внося значительный вклад в работу феодального двора Ле-Чинь в Тханглонге, являвшимся на тот момент столицей. Он неоднократно ездил с дипломатическими миссиями в Китай и Корею, часто обсуждал научные вопросы с посланниками и производил положительное впечатление, ведя беседы об истории, философии и политике. В Китае Ле Куи Дон имел возможность ознакомиться и прочитать множество новых книг, включая работы западных авторов. Он с интересом от-

носился к научному прогрессу, изучал и анализировал открытия и теории в области астрономии, географии, календарных систем и естественных наук Европы. Куи Дон считал, что эти знания были чрезвычайно глубокими и новаторскими, и во многих вопросах конфуцианские ученые ещё не смогли прийти до подобных выводов и выразить их.

После себя он оставил труды в таких областях как: поэзия и проза, география, история, философия, политика и культура. Насчитывается более 50 томов с сотнями книг. Хотя многие из его произведений были утеряны, среди сохранившихся можно выделить такие выдающиеся работы, как: «Полная история Дайвьета», состоящая из 30 томов; «Исследование книг», состоящее из 4 томов; «Записи о святых и мудрецах», состоящие из 12 томов; «Полное собрание записей о послых с севера», записанное в прозе; «Полное собрание поэзии Вьетнама», состоящее из 20 томов (сохранилось только 15 томов); «Записи о политике пограничных областей»; «Записки об увиденном»; краткий обзор канона «Чунь-цю» («Весны и осени»); «Учение о ритуалах».

Кроме того, существует множество произведений в прозе, стихах, поэмах, трактатах и песнях, собранных в таких книгах, как: «Комментарии к сочинению о добродетели», состоящие из 2 томов; «Семейные ритуалы Ле Куи Дона»; «Биографии заслуженных чиновников династии Ле»; «Сборник произведений на национальном языке», «Сборник стихов на языке тьы-ном».

По словам Нгуен Хак Туан, если Нгуен Бинь Кхьем использовал идеи и философию конфуцианства в основном как объект исследования, и поэтому «его мышление носит характер философа», то Ле Куи Дон «использовал конфуцианские знания как средство для научной деятельности в любой области, в которой он мог работать» [3, с.129].

В начале XVIII века, борьба между двумя правящими группировками – императорским двором Ле и князем Чинь на Севере и князем Нгуен на Юге – привела к разделению страны и угнетению народа, завершившихся победой крестьянского движения Тэйшона. Повстанческая армия Тэйшона уничтожила пятьдесят тысяч сиамских солдат на юге, двести тысяч маньчжурских войск на севере, ликвидировала реакционные феодальные группировки и на первых порах заложила основы для объединения страны. Для достижения этой значительной победы ключевую роль сыграло выдающееся руководство героя Нгуен Хуэ, а также существенная помощь со стороны конфуцианской интеллигенции.

Конфуцианские ученые, способствовавшие победе Тэйшонской армии, отличались не только талантом, но и смелостью. Они преодолели консервативные ограничения господствующей в обществе конфуцианской идеологии, проявив мудрость в понимании происходящего и действуя в духе вьетнамского патриотизма.

Выдающимся конфуцианским ученым того времени был Нго Тхой Нхьем (1746-1803гг.). Родившийся в семье учёных, впитавший прогрессивные идеи конфуцианства и глубоко разбиравшийся в буддизме и даосизме, он своими глазами видел страдания народа, вызванные реакционной политикой императора Ле и князя Чинь, а также в условиях постоянных войн между феодальными группировками Чинь и Нгуен. Под влиянием этих обстоятельств у Нго Тхой Нхьем рано возникло стремление к активным действиям и желание внести свой вклад в установление мира для народа и обеспечение устойчивого развития страны и нации.

Благодаря своему таланту и решимости, Нго Тхой Нхьем быстро сдал экзамены и был назначен князем Чинем на важные должности, начиная с поста министра юстиции, цензора департамента по делам министерства финансов, а затем занял должность инспектора округа Шоннам. Впоследствии он был назначен на пост помощника губернатора провинции Киньбак – одной из четырех ключевых провинций, окружающих столицу Тханглонг.

Он стремился сдать экзамены и стать чиновником, чтобы использовать свои силы, таланты и ум для помощи народу и стране. Однако его предложения и прошения, поданные князю Чиню, не были поддержаны феодальным государством того времени, и его усердные старания остались забытыми. В период Тэйшонского восстания Нго Тхой Нхьем оказывал поддержку повстанческой армии, внося свой вклад в защиту и процветание страны.

Через свои политические и поэтические произведения, наполненные глубокими чувствами к людям и родной стране, мы можем увидеть глубокие изменения в обществе, кризис в политической и этической теории конфуцианства на фоне хаоса того времени, тенденцию к гармонии трех учений с преобладанием конфуцианства, а также выдающиеся таланты, качества и искреннюю преданность делу страны и народа Нго Тхой Нхьем [1, с. 393].

Помимо таких выдающихся конфуцианцев, как Нгуен Бинь Кхьем, Фунг Кхак Кхоан, Ле Куи Дон и Нго Тхой Нхьем, история вьетнамской философии с XV по XVIII век была бы неполной без таких выдающихся ученых-конфуцианцев, как: Зяп Хай, Хоанг Си Кхай, Дао Зиу Ты, Фам Конг Чы, Ле Ху, Нгуен Кы Чинь, Ле Хыи Чак, Нгуен Тхиеп, Нго Тхи Си, Нгуен За Тхиеу, Нгуен Хиу Ты, Нгуен Хиу Лыонг, Во Чыонг Тоан, Буй Хиу Бик, Фап Хиу Ик. Они обладали глубокими знаниями, были выдающимися литераторами и поэтами, внесшими значительный вклад в политическую и социальную жизнь общества. Помимо этого, они занимались составлением исторических хроник и обучением интеллектуалов для своей страны [1, с. 440].

Помимо группы ученых-конфуцианцев, глубоко понимавших и систематически применявших идеи конфуцианства в управлении страной, важную роль играли и правители различных династий, от династии Поздних Ле до династии Нгуен, среди которых следует отметить короля Ле Тхань Тонга (1460-1497 гг.) и Нгуен Тхань То (1820-1840 гг.).

Ле Тхань Тонг был мудрым и проницательным правителем, талантливым в литературе и боевых искусствах, правившим страной и защищавшим народ. Он сделал многое для подавления вторжений со стороны Чинниня (небольшого тайского княжества) и расширения территорий, а также для завоевания Чампы (государство, существовавшее на территории центрального и южного Вьетнама) и расширения земель на юге. Кроме того, он был талантливым поэтом, руководящим поэтическим объединением и инициатором принятия Устава Государственной Династии. Он является автором множества сборников стихов на китайском языке и сотен стихов на языке тьы-ном Будучи приверженцем конфуцианства, он считал, что «всё происходит из конфуцианских идей» [7, с.630].

Ле Тхань Тонг выступал за использование конфуцианства для объединения идеологии по всей стране, придавая конфуцианству уникальное положение и внедряя его в государственные институты. Идеологическое содержание конфуцианства, особенно конфуцианства эпохи Сун, касающиеся концепций «Небесного мандата», «трех основополагающих принципов и пяти постоянных добродетелей», а также «пяти моральных принципов» были адаптированы Ле Тхань Тонгом и применены в его политической и культурной деятельности. Проводимые им реформы соответствовали этим концепциям, улучшая жизнь народа и содействуя созданию сильной и процветающей нации.

Для обеспечения стабильности и мира в стране император Нгуен Тхань То опирался на основные политические и этические принципы конфуцианства, умело сочетая их с политическим опытом страны, адаптируя их к специфическим условиям Вьетнама в начале XIX века. Благодаря этому он смог решить проблемы, которые его предшественнику, императору Нгуен Тхе То, не удалось разрешить, а именно: установление единой административной системы, восстановление эффективной сельскохозяйственной экономики, укрепление лояльности народа к новому правительству, проведение решительной дипломатической политики с Западом. Нгуен Тхань То активно занимался административными вопросами, строго контролируя назначения чиновников, а также уделял внимание и военным делам, лично наблюдая за подготовкой армии. Будучи знатоком конфуцианской философии и преданным последователем учений Конфуция и Мэн Цзы, Тхань То придавал большое значение образованию и экзаменам, отбору талантов и поддержке написания книг, особенно исторических и географических трудов.

Сам император был также увлеченным поэтом и написал множество произведений, содержащих его мысли о государственных делах, административных реформах, экономике и сельском хозяйстве, а также о жизни в деревнях. В его произведениях можно увидеть, как конфуцианство повлияло на его взгляды на концепцию «Небесного мандата», политические

и социальные вопросы, а также на моральные аспекты человеческой жизни. Но, что более важно, его мысли также отражают глубокую любовь и заботу о народе, стремление обеспечить ему мирную и достойную жизнь.

Таким образом, можно сказать, что история вьетнамской мысли чрезвычайно богата и уникальна благодаря влиянию ученых-конфуцианцев, как справедливо отметил Фан Хуи Чу: «В процессе развития нации, вьетнамцы объединяли в себе все лучшие качества. В это время появлялись мудрые и выдающиеся правители; известные выдающиеся министры и благородные чиновники. Веками отмечались выдающиеся люди: некоторые оставили след в истории, другие добились славы с помощью своих подвигов, кто-то прославился в литературе, кто-то проявил стойкость в трудные времена. И за свои достижения и заслуги все они заслуживают упоминания и похвалы» [6, с.11-12].

Именно учёные-конфуцианцы своими мыслями и действиями продемонстрировали различные процессы восприятия конфуцианства вьетнамцами на протяжении разных исторических периодов. Это является как проявлением, так и результатом процесса адаптации и преобразования конфуцианства из китайской традиции во вьетнамскую.

Литература:

1. Đại Việt sử ký toàn thư. – Т. 2, 1945.
2. Phan Đại Doãn (chủ biên). – Một số vấn đề về Nho giáo Việt Nam.
3. Nguyễn Khắc Thuần. – Đại cương lịch sử văn hóa Việt Nam. – Т. 3.
4. Trần Trọng Kim. – Việt Nam sử lược.
5. Nguyễn Khắc Thuần. – Đại cương lịch sử văn hóa Việt Nam. – Т. 3.
6. Phan Huy Chú. – Lịch triều hiến chương loại chí. – Tập II, Nhân vật chí.
7. Huỳnh Công Bá. – Lịch sử Việt Nam cổ trung đại. – Huế: Nxb. Thuận Hóa, 2011.

Котков Кирилл Анатольевич

руководитель Центра изучения стран Дальнего Востока СПб
kkotkoff@yandex.ru

ИСЧЕЗНУВШИЕ «МОНГОЛЬСКИЕ» СТОЛИЦЫ КИТАЯ – ПРАВДА И ВЫМЫСЛЫ

Аннотация: считается, что города Шанду, Чжунду, и Инчан были столицами монгольской империи Юань (1271–1368 гг.) и империи Северная Юань (1368–1387 гг.). В то же время археологические раскопки не подтверждают столичного статуса данных мест. Никаких специфически монгольских культурных следов при раскопках Шанду, Чжунду, и Инчанского городища не обнаружено – материальная культура по результатам раскопок носит ярко выраженный китайский характер. Месторасположение и укрепления указанных городищ свидетельствуют о том, что г. Шанду (Кайпин) являлся крепостью и одновременно большим военным лагерем, Чжунду (настоящее название – Байчэнцзы, русск. Белый городок) – предмостным укреплением к г. Чжанцзякоу (Калган), а Инчанское городище – крепостью, построенной для контроля кочевий в районе озера Далай-нур. Скорее всего, Шандайинское и Инчанское городища были построены китайцами не ранее XV–XVI вв. и заброшены по причине неудобной логистики.

Ключевые слова: монголы, китайцы, династия Юань, Шанду, Чжунду, Ин Чанг.

Kirill Anatolyevich Kotkoff,

the head of the Center for the Studies of the Far East
St.-Petersburg
kkotkoff@yandex.ru

Abstract: it is believed, that Shangdu, Zhongdu and Yingchang were the capitals of the Yuan Empire (1271 - 1368), and the Northern Yuan (1368–1387). However, no any specific mongolian cultural presence was discovered during excavations in Shangdu, Zhongdu and Yingchang – the material culture was the Chinese one. The geographical location and fortifications confirm that Shangdu was a fortress and a big military camp, while Zhongdu (the real name is Baichengzi) was a tête-de-pont of Zhangjiakou (Kalgan) town, while the Yingchang fortress was founded to control nomads near the Dalai-nuur lake. Highly likely, these ancient fortresses were founded by the Chinese no earlier than the 15th -16th c. and abandoned due to the inconvenient logistics.

Key words: the Mongols, the Chinese, the Yuan dynasty, Shangdu, Zhongdu, Yingchang.

Шандайинское городище:

Согласно китайским историческим хроникам, в частности «Истории династии Юань» (кит. 元史 Юань Ши), монгольский хан Хубилай (якобы 1260–1294 гг.) основал во Внутренней Монголии летнюю столицу империи. Считается, что ещё при основании в 1256 г. город получил название Кайпин (кит. 開平, букв. «Установление покоя»). В 1263 г. он был переименован в Шанду (кит. 上都, см. ниже). К 1293 г. город почти опустел, так как жители переехали в Китай.

Когда в 1368 г. монгольскую династию Юань (якобы 1271–1368 гг.) сменила исконно китайская династия Мин (1368–1644 гг.), её первые императоры пытались восстановить город, незадолго до этого разрушенный в результате войны. Была построена крепость, также названная Кайпин, являвшаяся базой для походов китайских войск в монгольские степи, а в ней размещён гарнизон и некоторое количество поселенцев. На наличие последних указывает открытие археологами кладбища в окрестностях городища. Интересно, что в некоторых

могилах были обнаружены останки людей, относящихся к европеоидной расе. После 1435 г. Кайпин был окончательно заброшен и прекратил своё существование.

В вышеизложенной официальной версии истории города обращает на себя внимание то, что при основании он получил китайское, а вовсе не монгольское название. При этом считается, что город основал монгольский хан Хубилай, окончательно завоевавший Китай в 1279 г. Китайское название Кайпин, как уже упоминалось, означает «Установление покоя», и указывает на установление мира и порядка в монгольских степях. Название «Шанду» также считается китайским.

В книге Марко Поло якобы именно это место называется “Ciandu”. Со временем в Европе стала более известна другая версия названия – “Xanadu”. В конце XVIII в. о легендарной столице писал английский поэт С.Т. Колридж в своей поэме «Кубла-хан», содержание которой основано на книге Марко Поло. В начале XX в. русский поэт Константин Бальмонт перевёл эту поэму на русский язык.

В настоящее время доказано, что «Книга Марко Поло» представляет собой склейку. Одна часть является средневековым источником, возможно, действительно восходящим к XIII–XIV вв., автором которого, вероятно, был венецианский купец родом из словенского городка Пола. Другая часть представляет собой более поздний материал, восходящий к эпохе Великих Географических открытий XVI в. Скорее всего, книга неоднократно редактировалась и пополнялась даже в XVII в. Фактически мы имеем дело с компилятивным трудом многих авторов, чем-то вроде своеобразного аналога «Занимательной физики» Я.И.Перельмана, которая, как известно, редактировалась и дополнялась в более поздних изданиях уже после кончины первого автора. Описания «Страны Катай» и многих других восточных стран настолько туманны, что сегодня уже очень сложно связать их с той или иной страной Востока. Во всяком случае, «Катай» Марко Поло в наиболее древней части источника совершенно не похож на тот Китай, который стал известен европейцам с XVI–XVII вв. Скорее всего, под именем «Катай» у Марко Поло описывается не “China”, а какая-то другая страна, и при этом необязательно восточная, ибо на известный нам Китай она совершенно не похожа, за исключением добавлений, сделанных, как уже говорилось, не ранее XVI в. Описание города “Ciandu” у Марко Поло мало соответствует местности, в которой расположено городище Шанду.

Сегодня руины, назначенные быть «столицей Шанду», показывают туристам в степи Шар-тала (монг. «Жёлтая степь») Шилингольского хошуна Внутренней Монголии. Объект расположен у северного берега излучины реки Шандайин-гол (кит. р. Шаньдяньхэ 閃電河 или Шандухэ 上都河) в 28 км. к северо-западу от г. Долон-нор (кит. Долунь 多倫, устар. название – Лама-мяо 喇嘛廟), и в 275 км. к северу от Пекина.

Исконно монгольское название этого места – Дзун найман сумэ хот, что означает «Город ста восьми кумирен».

К юго-востоку от Шанду, на расстоянии 2,6 км. расположено ещё одно квадратное в плане городище, ориентированное по сторонам света, площадью 749 м: 704 м с остатками земляных валов и без цитадели.

К юго-западу, у современного областного центра Шулуун-хух (монг. Шулуун Хөх, кит. Шанду 上都 или Чжэнланыци 正藍旗) на расстоянии 20 км. от Шанду, на левом берегу р. Шандайин-гол расположено ещё одно квадратное в плане городище, ориентированное с северо-запада на юго-восток, известное местным китайцам как Чэнцзы (кит. 城子, букв. «крепость»), а монголам как Улаан Балгас (букв. «Красный город») площадью 1,100 м : 1,100 м, с остатками земляных валов, стен, и цитадели площадью 288 м : 290 м, расположенной в северо-восточном углу крепости.

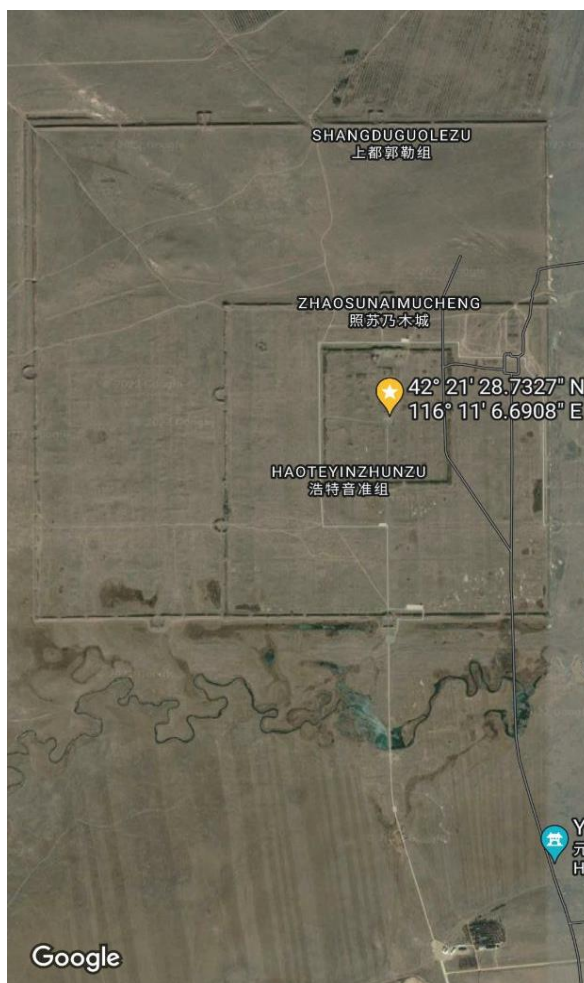
От городища, с 2012 г. внесённого в список объектов ВН ЮНЕСКО, практически ничего не осталось, кроме остатков ворот и оплывших земляных валов. Самые приметные сооружения, которые здесь можно увидеть – это огромная современная стела с надписью «Руины Шанду династии Юань» и такой же современный памятник Чингис-хану и его воинству, в

том виде, как это представляется историкам сегодня. Валы городища, расположенного в 2,6 км. к юго-востоку, сохранились ещё хуже. Сохранность городища Чэнцзы примерно такая же, как и у Шанду.

Раскопки, предпринятые китайскими археологами в Шанду, выявили остатки укреплений в виде земляных валов, остатков глинобитных стен, башен и ворот. Эти укрепления и сегодня заметны, особенно если смотреть сверху. Внешние, квадратные в плане укрепления, чётко ориентированные по сторонам света, имели с каждой стороны 2200 м. длины. Внутри, в юго-восточном углу находился такой же квадратный «внутренний город» с каждой стороной 1400 м длины, а внутри последнего, ровно посередине находилось что-то вроде «кремля» со стороной валов 500 м. Как и большинство китайских крепостей, валы и стены, составлявшие единое целое, были построены методом трамбовки глины или лёсса. Главные ворота имели предмостные укрепления. В плане материальной культуры ничего монгольского найдено не было, зато во множестве были обнаружены осколки китайской керамики, фарфора, черепицы, китайские бронзовые монеты, а также обломки мраморных фигур, рельефов в китайском стиле, и памятная стела с надписью на китайском языке, впрочем, не несущая на себе никакой даты.

Важно заметить, что отождествление названий ворот, укреплений, и фундаментов больших сооружений было осуществлено исключительно по материалам китайских хроник. Никаких материальных доказательств того, что они назывались соответствующими именами, указанными в источниках, при раскопках обнаружено не было.

На спутниковом снимке ниже видно, что укрепления были построены согласно китайским архитектурным канонам и скорее представляли собой крупную крепость и военный лагерь, нежели столицу.

Спутниковый снимок городища Шанду (Кайтин).

Полковник Российского Генерального Штаба Д. В. Путята, побывавший в бассейне р. Шандайин-гол в 1891 г., отмечал, что «положение этих развалин в возвышенной части долины Шанду-гол даёт повод предположить, что они служили не местом спокойной комфортабельной жизни, но, по всей вероятности, имели назначение воинской ставки» (1).

В 1892–1893 гг. выдающийся отечественный учёный А. М. Позднеев подробно исследовал излучину р. Шандайин-гол и дал первое научное описание Шандайинского городища и «Красного города» в своей книге «Монголия и монголы».

В пользу доводов Д.В. Путяты свидетельствует то, что та часть крепости, которая считается местом проживания горожан, занимает менее четверти от общей площади городища. Кроме того, «на территории северной части крепости не обнаружено никаких следов строений, кроме большого вымощенного камнем двора (350 м вдоль оси E–W на 200 м вдоль оси N–S) в центре. Археологи предполагают, что на севере города мог размещаться императорский парк, в котором император при желании мог устанавливать юрты для себя и своих приближённых. Парки такого размера не отмечены ни в одной из известных нам китайских столиц... По всей видимости, Хубилай, несмотря на интерес к китайской культуре и вкус к оседлому комфорту, не представлял себе жизни без возможности кочевать, пусть и по парку, окружённому стенами» (2, с. 102).

Между тем ещё А.М. Позднеев отмечал сложность отождествления тех или иных фундаментов и руин на территории городища с описаниями китайских хроник и с книгой Марко Поло. Так, в своей книге «Монголия и монголы» он прямо писал, что «вообще относительно городского пространства, находящегося за этим наружным валом, можно сказать, что по местам оно покрыто курганами или буграми, но представляют ли эти курганы остатки зданий, а ещё более определить, к какому времени они относятся, решительно невозможно» (3, с. 302).

На самом деле данная незастроенная территория являлась не императорским парком, по которому хан якобы кочевал в юрте в четырёх стенах, а скорее военным плацем, тем более что никаких древесных остатков археологи не нашли.

Расположение Шанду именно как крепости было вполне логично. Находясь на северном берегу р. Шандайин-гол, крепость защищала её излучину, т.е. Долоннорскую степь, которую эта река охватывает как бы полукольцом, от вторжений извне. Точно так же логично выглядит и расположение цитадели в юго-восточном углу крепости, так как именно здесь ближе всего к р. Шандайин-гол, которая могла быть главным источником питьевой воды в случае осады. Одновременно река служила дополнительной защитой главных ворот. Долоннорская степь, охваченная полукольцом излучиной р. Шандайин-гол, вполне пригодна для земледелия, поэтому неудивительно, что её решили защитить от внешних вторжений, построив крепости.

Интересно, что историки понимают, что археологические раскопки на месте Шандайинского городища, а также на месте «Белого городка» и Инчанского городища (см. ниже) не выявили ничего специфически монгольского. «Необходимо специально отметить, что и Шанду, и Даду, и Чжунду построены согласно всем правилам традиционной китайской градостроительной теории – это квадратные в плане города, ориентированные по сторонам света, с прямыми широкими улицами, построенные по предварительно разработанному плану. Фортификации также полностью отвечают китайской традиции. Без всякого сомнения, в этом сыграл роль тот факт, что план двух первых городов разрабатывался китайским учёным Лю Бинчжуном, но, скорее всего, также можно сделать вывод, что монгольские правители не видели необходимости вносить изменения в китайские градостроительные наработки. Город был абсолютно чужд монголу, и поэтому, если его нужно было построить, разумно было поручить это специалисту, т.е. китайцу. Соприкосновений у города и кочевого стойбища очень мало, потому что мало что могло войти в противоречие» (4, с. 112).

В данном случае историки противоречат сами себе, ибо зачем тогда монголы вообще основывали города, если, оказывается, они им были абсолютно чужды!?

Не менее странным представляется вывод историков о том, что «как ни парадоксально, столицы монгольской империи строились преимущественно китайцами, по-китайски и для

китайцев. Монгольские правители, возводя города, показали своё глубокое здравомыслие, широкий кругозор и практичность – огромные столицы были нужны им прежде всего для повышения своего авторитета – как среди иностранцев, так и среди своих оседлых подданных. Хубилай понимал, что, управляя Китаем, надо быть императором, который должен жить в роскошном дворце посреди огромной столицы» (5, с. 112). Любые города строятся не для повышения авторитета, а исключительно по военно-стратегическим и экономическим соображениям.

Историки, понимая несоответствие Каракорума, Шанду, Чжунду и Даду образу «монгольских столиц», для отвлечения внимания вдумчивых читателей вынуждены щедро цитировать Марко Поло и других средневековых авторов, якобы описывавших соответствующие города. Однако, как уже говорилось выше, описания того же Марко Поло, Плано Карпини, Одорика Фриульского и других авторов могут быть приложены к любому крупному средневековому городу, причём необязательно азиатскому.

Теперь обратимся к названию города. Востоковедам-китаистам хорошо известно, что все китайские названия – парные. Так, название современной столицы Китая – Пекин (кит. 北京) переводится как «Северная Столица». Соответственно, у страны имеется и «южная» столица – Нанкин (кит. 南京 букв. «Южная столица»). Нанкин действительно был столицей Китая в 1912–1949 гг., и хотя давно уже не имеет столичного статуса, сохранил своё историческое название.

Название «Шанду» 上都 по-китайски буквально означает «Верхняя столица». Соответственно, где-то должна была находиться «Нижняя столица» (кит. 下都 «Сяду»). Однако её нет! Согласно династийной «Истории династии Юань» (кит. 元史 Юань Ши), якобы составленной в конце XIV в., главная столица страны называлась «Даду» (букв. 大都 «Великая столица») и находилась на месте нынешнего Пекина.

Если рассуждать с точки зрения здоровой логики, то, скорее всего, Шанду/Кайпин был построен один единственный раз. Возможно, это действительно произошло на рубеже XIV–XV вв. Китайцы, к тому времени достигшие окраин монгольских степей, построили крепость и военный лагерь для контроля над новоприобретёнными территориями, под названием Кайпин (кит. 開平, букв. «Установление покоя»). Возможно, там действительно бывали китайские императоры, для которых был построен дворец, поскольку, согласно китайской традиции, правитель, где бы он не находился, может жить только во дворце.

Возможна и другая версия! В 1620–1640-е гг. маньчжуры вели войны с Китаем. Преодолеть оборону т.н. Шанхайгуаньского коридора – наиболее удобного прохода из Маньчжурии в Китай, поначалу оказалось невозможно. Поэтому с 1629 г. по 1643 г. маньчжуры предпринимали вторжения в Китай через территорию Внутренней Монголии. Возникает вопрос, где находилась главная база, где маньчжуры могли сосредотачивать войска, получать пополнения, отдыхать, поскольку операционная линия через монгольские степи получается достаточно длинной и неудобной? Возможно, именно под нужды маньчжурских войск и была построена большая крепость в излучине р. Шандайин-гол. В 1691 г. неподалёку состоялся Долоннорский съезд монгольских князей, где маньчжурский император Канси (1662–1723 гг.) принял их в подданство. В этой связи интересно упоминавшееся выше монгольское название места – Дзун найман сумэ хот, что означает «Город 108-ми храмов». Известно, что духовным лидером монголов, присягнувшим императору, был Богдо-гэгэн – глава ведущей буддийской тибетской церкви гэлуг на территории Монголии. Именно он узаконил вассалитет монголов по отношению к империи Цин с духовной стороны. В свою очередь, особа «жёлтого» маньчжурского императора также считалась священной среди подданных. Скорее всего, под нужды императора, Богдо-гэгэна, а также буддийского духовенства и были построены многочисленные сооружения, впоследствии заброшенные, когда было решено построить новую летнюю резиденцию в Чэндэ (см. ниже).

Отечественный исследователь Монголии А. М. Позднеев в своей книге «Монголия и монголы» прямо пишет об этом следующее – «Местные монголы, по сохранившимся преда-

ниям, знают, что Чжун-найман-сумэ был столицей Хубилая, они указывают даже и место, где стоял его дворец; но опуская главный период изменений в Чжун-найман-сумэ, т.е. минской династии, они с ещё большими подробностями расскажут о том, что здесь жил отряд китайских солдат Канси (выделено авт.), и с наивным удивлением будут уверять слушателя в необыкновенном искусстве этих солдат, построивших в стенах города и из кирпичей его громадные казармы» (6, с. 309).

Происхождение названия «Шанду» установить достаточно просто, если знать монгольскую топонимику. По-монгольски слово «шанд» означает «неглубокий колодец», «копань», «заболоченная ложбина с источниками воды». Данный топоним часто встречается в регионе, например, во Внешней Монголии в пустыне Гоби есть населённый пункт Сайн-шанд, название которого буквально переводится как «хороший неглубокий колодец/копань». От этого же топонима образовано и название извилистой, мелкой, текущей в заболоченных берегах речки Шандайин-гол (кит. Шаньдяньхэ 閃電河, Шандухэ 上都河), на берегу которой расположено городище. Скорее всего, «Шанду» означает вовсе не «Верхняя столица», ибо, как уже выше говорилось, по китайской логике должен возникнуть вопрос – «А где же Нижняя столица?», а является транскрипцией с монгольского названия места (т.е. «шанд»), где находится городище.

История об основании Кайпина/Шанду при одной династии в середине XIII в., а затем её зеркальное повторение уже при другой династии примерно сто с небольшим лет спустя указывает на дубликатность, т.е. на чисто книжный повтор одной и той же истории, раздвоившейся чисто на бумаге.

Кайпин/Шанду прекратил своё существование по причине значительной удалённости от ближайших городов и густонаселённых местностей, которые могли бы являться источником снабжения.

Что же касается некоего города “Ciandu” из книги Марко Поло, то, возможно, соответствующая глава данной книги содержит сведения о местечке Жэхэ (кит. 熱河, маньчж. Халхуун бэ Джайлара Гурун, монг. Халун-гол, современное кит. название – Чэндэ 承德, русск. и европейск. Джегол/Jehol), расположенном в лесостепи у северного подножия гор Яньшань, в долине р. Луаньхэ (транскрипция с монг. Халуун-гол) на исторической границе Внутреннего Китая и Внутренней Монголии в 172 км по прямой к северо-востоку от Пекина. С конца XVII в. до второй половины XIX в. там находилась летняя резиденция маньчжурских императоров последней династии Китая. Там же располагались императорские охотничьи угодья, по-маньчжурски называвшиеся Мурани Аба (кит. Мулань Вэйчан 木蘭圍場).

В Чэндэ сохранились буддийские храмы, построенные в китайском и тибетском стиле, в т.ч. уменьшенная копия Поталы – знаменитого дворца Далай-лам, императорские дворцовые павильоны и самый большой в Китае старинный парк, окружённый стеной общей протяжённостью 10 тыс. м. У Марко Поло место описывается так: «залы и покои золочёные; чудесные и прекрасно вызолочены; а вокруг дворца на шестнадцать миль стена, и много тут фонтанов (источников, прим. авт.), рек и лугов; великий хан держит тут всяких зверей: оленей, ланей и антилоп; ими он кормит своих соколов в клетках. Раз в неделю сам ходит их смотреть. В эту равнину, что обнесена стеной, великий хан ездит часто на коне, с собою везёт леопарда и выпускает его на оленя, лань или на антилопу, а что поймает, то соколам в клетках» (7, с. 95-96). В Чэндэ действительно много источников, рек и лугов, а также есть большой парк, окружённый стеной.

Возможно, именно сведения о Чэндэ легли в основу информации европейских источников о “Ciandu/Xanadu”, а вовсе не то, что сегодня выдаётся за неё сегодня. Интересно, что если прочитать упомянутое название столицы по-английски или по-испански, то оно будет читаться «Чанду», т.е. очень близко к китайскому «Чэндэ». Португальское и французское чтения через звук «ш» (порт. x-, фр. ch-) возобладали по той причине, что в XVII–XVIII вв. именно через португальских и французских миссионеров поступала в Европу основная информация о Китае. Существование летней резиденции именно при последней династии и со-

ответствующие сведения о ней в европейских источниках указывают на то, что «Книга Марко Поло» и ей подобные источники о монголах и о Китае редактировались даже в относительно поздний исторический период.

Белый городок:

С 1998 г. китайские археологи раскопали ещё одну «столицу» империи Юань – Чжунду (кит. 中都, букв. «Срединная столица»). Археологические раскопки начались после того, как местные крестьяне, копая колодец, нашли драконью голову из белого мрамора. Впоследствии в ходе раскопок было найдено ещё девять подобных голов, а также другие изделия из того же камня.

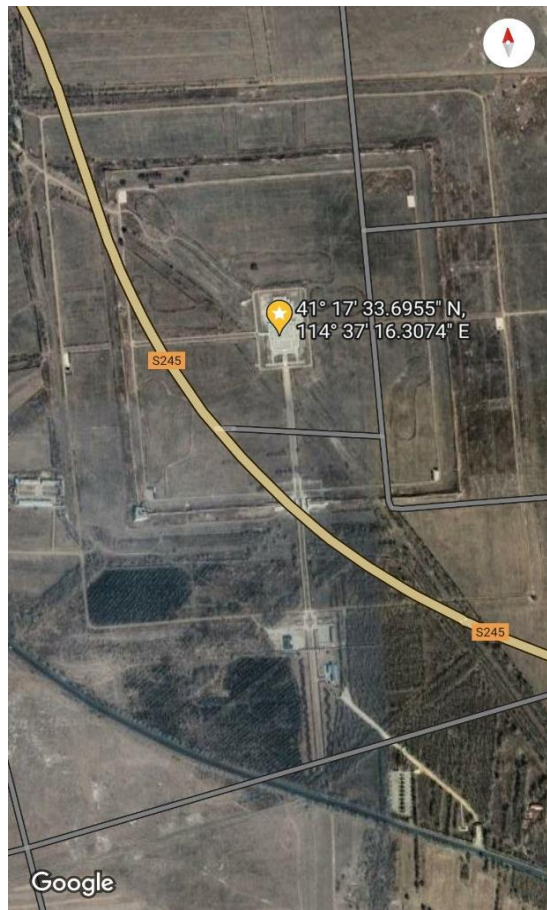
Объект расположен в степи в 17 км к северо-западу от Чжанбэя (кит. 張北) – административного центра одноимённого уезда провинции Хэбэй, на исторически монгольских землях, но в настоящее время не входящих в состав Автономного района Внутренняя Монголия. Место давно известно местным китайским крестьянам как Байчэнцзы (кит. 白城子), а монголам как Цагаан Балгас. Оба названия означают «Белый город». Рядом расположено село с одноимённым китайским названием. Расстояние от городища до расположенного к юго-востоку на Великой Стене г. Чжанцзякоу (кит. 張家口, монг. Хаалга-хот, русск. Калган) составляет 54 км, а до Пекина – 214 км.

Согласно «Истории династии Юань» (кит. 元史 Юань Ши) город был основан в 1307 г. По тем же данным, в 1358 г. город был взят и разрушен войсками «красных повязок» – китайских повстанцев, восставших против правящей династии, и более не восстанавливался.

Город представлял собой квадрат с периметром стен 11 800 м. Последние были построены опять же в китайских традициях – из утрамбованного лёсса. Главные ворота были ориентированы на юг, как и положено согласно концепции китайской геомантии «фэншуй». В отличие от Шанду или Пекина, у ворот отсутствовали предмостные укрепления. В центре, как считают археологи, находился дворцовый комплекс – прямоугольник со сторонами 607 м с севера на юг, и 548 м с запада на восток, общим периметром около 2360 м. Всего на территории обнаружены фундаменты 27 крупных зданий.

В отличие от Шанду (Кайпина) городище, считаемое археологами за «Срединную столицу», сохранилось гораздо лучше. Это означает, что либо данный город был основан позже, либо просуществовал до более поздних времён, нежели Шанду. В степи хорошо заметны валы, остатки стен и башен. В центре городища сегодня расположен заново построенный фундамент дворца из бетона с кирпичной облицовкой, с репликами мраморных голов драконов и такими же новодельными мраморными основаниями колонн. Оригинальный фундамент, открытый при раскопках, фактически утрачен.

На спутниковом снимке хорошо видно, что внутренний город занимает большую часть городища. Расстояние между ним и северным валом составляет 100 м, а между фундаментом южной стены и южным валом – 190 м. Фактически невооружённым глазом видно, что город был окружён двумя обводами стен с незначительным промежутком между ними, и подобно Шанду (Кайпину) представлял собой скорее крепость и военный лагерь.

Спутниковый снимок «Белого городка» (Байчэнцзы).

При раскопках не было найдено ничего специфически монгольского. Мраморные головы драконов, керамика китайского происхождения – всё свидетельствует о китайском характере «столицы», а на самом деле крепости, которая, если внимательно посмотреть на карту, являлась предмостным укреплением к горному проходу Чжанцзякоу, контролировавшему въезд со стороны монгольских степей непосредственно в китайские земли.

В уездном центре Чжанбэй расположен открытый в декабре 2010 г. «Музей Срединной столицы империи Юань». За исключением беломраморных голов водяных драконов (кит. 螭首 чишоу) и образцов китайской керамики, найденных при раскопках, вся остальная экспозиция представляет собой откровенный «Диснейленд»: большой воображаемый макет «Срединной столицы», созданный исходя из субъективных соображений современных историков, такая же современная фигура монгольского воина с конем, восковые манекены, изображающие реконструкцию жизни монгольского хана, современные картины с сюжетами на тему подвигов Чингис-хана и его ближайших наследников, а также их современные портреты.

Считается, что город Чжанцзякоу (кит. 張家口, букв. «Проход семьи Чжан»), известный русским и европейцам как Калган (от монгольского Хаалга-хот, или просто Халга – букв. «Ворота-город»), был основан китайским военным Чжан Чжэнем в 1529 г. (отсюда и название города). Начиная с 1545 г. рядом с крепостью в направлении на восток и на запад по горным хребтам был выстроен сохранившийся и поныне участок Великой Стены, которую местные китайцы до сих пор именуют 張垣/张垣 *чжаньюань*, букв. «Чжанова стенка».

Сразу же возникает вопрос, а почему город и стена были так поздно построены по историческим меркам? Ведь горный проход у Чжанцзякоу уже чисто по географическим условиям имеет важное стратегическое значение – для этого достаточно посмотреть на карту! Если Пекин стал столицей в 1421 г., то горный проход к северо-западу от него должен был быть укреплен в ближайшие годы с момента основания столицы. В 1945 г. советские и монгольские войска под командованием генерала И.А. Плиева, освобождая Внутреннюю Монго-

лию от японцев, дошли именно до Калгана (Чжанцзякоу), держа направление на Бэйпин (совр. Пекин). Если Великую Стену начали строить ещё в III в. до н.э., почему столь важный проход, ведущий из Монголии на Китайскую равнину, не был укреплен в более ранние времена, а только в XVI в.?

Скорее всего, дата основания Чжанцзякоу подлинная. Вероятно, что и монгольская «столица», а вернее говоря, китайская крепость, была построена в те же времена, т.е. в XVI в. Не исключено, что в неё действительно приезжали китайские императоры династии Мин (1368–1644 гг.), инспектируя строительство и укрепляя государственную границу. Возможно, для них там действительно был построен путевой дворец.

Место, где археологи раскопали «столицу», давно уже было известно местным китайским крестьянам как «Белый городок». Соседнее село носит то же название, как уже упоминалось выше. В этой связи интересно вспомнить замечание первого русского путешественника, добравшегося до Китая – томского казака Ивана Петлина, сделанное им в 1618 г. Во-первых, он прямо называет столицу Китая «Тайту» (т.е. 大都 Даду), хотя считается, что в те времена город назывался так же, как и сегодня, т.е. Пекин. Во-вторых, он пишет, что «от Тайты города до Белове города два дни ездю. А город каменной, бел — что снег, потому слывет Бел город» (8). Если ехать на коне, то расстояние между «Белым городком» и Пекином действительно можно покрыть за два дня. Белый цвет необычен для китайской городской архитектуры, поэтому неудивительно, что название города хорошо сохранилось в памяти у местных жителей.

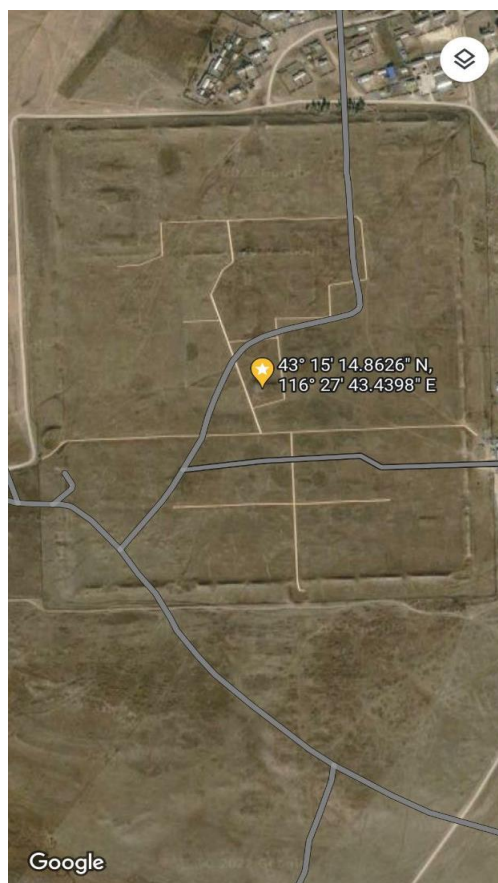
Скорее всего, Белый город был разрушен во времена маньчжурского завоевания Китая между 1627 г. и 1645 г. Завоеватели не стали восстанавливать город, ибо он им был не нужен как предмостное укрепление к Великой Стене. Современные археологи, ориентируясь на поздние письменные источники цинского времени (1644–1912 гг.), ошибочно решили, что перед ними руины «Срединной столицы династии Юань» – города, в котором при раскопках не было обнаружено ничего специфически монгольского.

Инчанское городище:

Гораздо менее известным памятником, относимом к эпохе династии Юань, является Инчанское городище, расположенное у юго-западного берега озера Далай-нур в Кэшиктэнском хошуне Внутренней Монголии, в 64 км к западу от предгорий Большого Хингана, в 102 км к северу от Шанду и в 367 км к северу от Пекина.

Согласно китайской «Истории династии Юань» (кит. 元史 Юань Ши), город был основан в 1271 г. для князя области Лу – современной китайской провинции Шаньдун и получил название Инчан (кит. 應昌, букв. «Следование к процветанию»). В 1369 г. город стал ставкой последнего монгольского императора Юань Тогон-Тэмур (1333–1370 гг.), бежавшего туда из Китая. В 1370 г. и в 1380 г. город был дважды взят китайскими войсками и прекратил своё существование.

Городище представляет собой квадрат, ориентированный по сторонам света, с остатками сильно оплывших стен из утрамбованного лёсса, длина которых составляет 660 м с запада на восток, и 820 м с севера на юг. У городища имелось трое ворот, главные из которых располагались, по китайской традиции, на южной стене. Северная стена ворот не имела. Судя по спутниковым снимкам, ворота имели небольшие предмостные укрепления. В центральной части располагался квадратный «кремль» площадью 205 м x 230 м. На территории городища в конце XIX в. находилось около 30 курганов, представлявших собой развалины каких-то строений. Первое научное описание Инчана было дано отечественным исследователем Монголии А.М. Позднеевым во втором томе книги «Монголия и монголы», изданной в Санкт-Петербурге в 1896 г. Расположенное рядом озеро Далай-нур было впервые научно описано Н.М. Пржевальским в 1871 г.

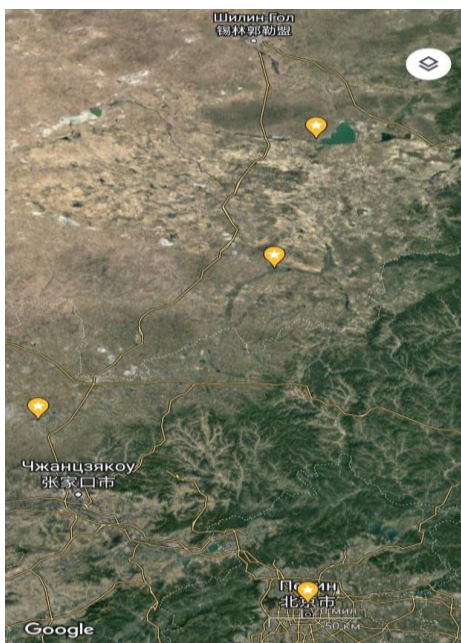
Спутниковый снимок Инчанского городища.

Даже беглое знакомство с Инчанским городищем не оставляет ни малейших сомнений в том, что перед нами китайский, а вовсе не монгольский город. Планировка типична для городов Северного Китая, не говоря уже о находках на территории городища. Ничего специфически монгольского нет. По свидетельству А.М. Позднеева, местные монголы в конце XIX в. называли городище просто «хот», т.е. «город», и понятия не имели о том, кто и когда его построил (9, с. 325–327). И опять же, как и в случае с Шанду и Даду, город почему-то носит китайское, а не монгольское название.

Конечно, учёные могут возразить, что китайский язык тоже широко употреблялся при монголах, однако как тогда объяснить тот факт, что в городищах на территории непосредственно Монголии, таких как Шанду, Чжунду и описываемое место, не обнаружено никаких надписей по-монгольски!? При той же маньчжурской династии Цин все документы на китайском аккуратно дублировались на первый государственный язык – маньчжурский, вернее говоря, дело происходило строго наоборот, поскольку письменный китайский был всё же вторым, хотя и более распространённым языком. Вплоть до начала XX в. главный город Маньчжурии был известен под маньчжурским именем Мукден, а вовсе не под своим китайским именем Шэнцзин. Неужели при монголах было всё иначе, хотя те же историки, ссылаясь на китайские источники, утверждают, что угнетение китайского народа при Юань выразилось гораздо сильнее, чем при маньчжурах!

Учёные считают, что внутренний квадрат стен окружал дворец сначала князя Лу, а затем и последнего монгольского хана. Возможно, это так, хотя этому нет никаких археологических доказательств. Вероятнее всего, квадрат стен в центральной части городища, – это просто цитадель крепости.

Расположение Инчана как именно китайской крепости у побережья самого крупного озера в восточной части Внутренней Монголии было логичным. Контролируя район самого крупного пресноводного озера в регионе, можно было контролировать и монгольские кочевья в расположенных рядом Конгурской и Шилингольской степях.

Месторасположение Инчана (вверху), Шанду (в середине), Белого городка (слева) и Пекина (снизу) на спутниковом снимке (выполнено К.А.К.).

Неподалёку от городища, в пещере на горе Дархан-ула, рядом с одноимённым монастырём, находился каменописный памятник в виде мраморной плиты с надписью религиозного содержания на древнекитайском языке, который А. М. Позднеев посчитал относящимся ко временам династии Юань. Переводчик П. С. Попов перевёл имя императора, указанное на памятнике, как Хубилай. Между тем, в оригинале написано не данное имя (кит. 忽必烈), а 世祖皇帝 *шицзу хуанди*, что дословно означает «поколенный предок государь император» (10, с.325–327). Переводить надо то, что буквально написано на памятнике, а не пересказывать под видом перевода собственные домыслы. Указанное т.н. храмовое имя, если верить китайским источникам, прилагалось ко многим императорам, и не только к Хубилаю. Что же касается упомянутых в надписи девизов правления императоров династии Юань, то, увы, датировать возраст памятника по ним совершенно невозможно, поскольку они не содержат данных, позволяющих привязать их к абсолютной хронологической шкале. Так или иначе, ничего монгольского в данной надписи нет.

Таким образом, перед нами опять руины китайского города, построенного по китайским лекалам и некогда населённого китайцами, а потом, по-видимому, заброшенного в связи с удалённостью от других крупных поселений, что создавало трудности в содержании гарнизона и снабжении его всем необходимым.

Литература:

1. Путята Д.В. Предварительный отчёт об экспедиции в Хинган 1891. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1880-1900/Putjata_D_V/text1.htm
2. Дмитриев С.В. Столицы Монгольской империи как показатель монгольско-китайской культурной интерференции. – URL: https://china.ivran.ru/f/Dmitriev_S.V._Stolicy_Mongolskoj_imperii.pdf
3. Позднеев А.М. Монголия и монголы. Т.II. – СПб, изд. Имп. Академии Наук, 1896. – 302 с.
4. Дмитриев С.В. Столицы Монгольской империи как показатель монгольско-китайской культурной интерференции. – URL: https://china.ivran.ru/f/Dmitriev_S.V._Stolicy_Mongolskoj_imperii.pdf
5. Дмитриев С.В. Столицы Монгольской империи как показатель монгольско-китайской

- культурной интерференции. – URL:
https://china.ivran.ru/f/Dmitriev_S.V._Stolicy_Mongolskoj_imperii.pdf
6. Позднеев А.М. Монголия и монголы : Результаты поездки в Монголию, исполн. в 1892-1893 гг. А. Позднеевым. Т. 1-2. - Санкт-Петербург : Рус. георг. о-во, 1896. - Т. 2: Дневник и маршрут 1893 года. - 1898. - XXX, 517 с.
7. Поло М. "Книга" Марко Поло [Текст] / Пер. старо-фр. текста И. П. Минаева; Ред. и вступ. статья И. П. Магидовича. – М.: Географгиз, 1955. – 376 с.
8. Петлин И. Роспись Китайскому государству и Лобинскому и иным государствам жилым и кочевным, и улусам и великой Оби, и рекам, и дорогам. – URL:
https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Rus_mong_1/21-40/34.phtml?id=13464
9. Позднеев А.М. Монголия и монголы : Результаты поездки в Монголию, исполн. в 1892-1893 гг. А. Позднеевым. Т. 1-2. - Санкт-Петербург : Рус. георг. о-во, 1896. - Т. 2: Дневник и маршрут 1893 года. - 1898. - XXX, 517 с.
10. Позднеев А.М. Монголия и монголы : Результаты поездки в Монголию, исполн. в 1892-1893 гг. А. Позднеевым. Т. 1-2. - Санкт-Петербург : Рус. георг. о-во, 1896. - Т. 2: Дневник и маршрут 1893 года. - 1898. - XXX, 517 с.

Лю Лицю, канд. ист. наук, доцент
Нанкинский университет науки и технологий
liqiu_2018@163.com

Валеев Рамиль Миргасимович, док. ист. наук, профессор
кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований
Казанский (Приволжский) федеральный университет
valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закариевна, канд. пед. наук, доцент
декан факультета иностранных языков и
межкультурной коммуникации,
зав. кафедрой иностранных языков в профессиональной сфере
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова
valroz@inbox.ru

Елихина Юлия Игоревна, канд. ист. наук,
доктор культурологии, доцент, ведущий научный сотрудник,
хранитель монгольской, тибетской и хотанской коллекций
Отдел Востока, Государственный Эрмитаж
кафедра монголоведения и тибетологии
Санкт-Петербургский государственный университет
julia-elikhina@yandex.ru

Се Фэнлин, канд. ист. наук, доцент
Северный университет, Тайюаньский
технологический университет
fenlin.se@mail.ru

КАЗАНСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: КАФЕДРА КИТАЙСКОЙ И МАНЬЧЖУРСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (К 300-ЛЕТИЮ РАН, 220-ЛЕТИЮ КФУ И 180-ЛЕТИЮ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КАФЕДРЫ)¹

Аннотация. Статья посвящена краткому обзору формирования и развития китаеведения, маньчжуроведения и буддологии в императорском Казанском университете в первой половине XIX в. В основе институционального и исследовательского развития данных университетских дисциплин лежала деятельность кафедры китайской и маньчжурской словесности в 1837–1855 гг., связанная с изучением китайской цивилизации и в целом языков и памятников духовной культуры народов Центральной и Восточной Азии.

Ключевые слова и фразы: Россия, Китай, российское китаеведение, российско-китайские отношения, научный и культурный обмен.

Liqiu Liu

Candidate of Historical Sciences, Assoc. Prof.
Nanjing University of Science and Technology (China)
liqiu_2018@163.com

Ramil M. Valeev

Doctor of Sciences (History), Professor
Department of Sinology and Asian-Pacific Studies
Kazan (Volga Region) Federal University
Ramil.Valeev@kpfu.ru

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ и Кабинета Министров Республики Татарстан (проект № 23-28-10046) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Roza Z. Valeeva

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Dean, Faculty of Linguistics and International Communication
Kazan Innovative University
valroz@inbox.ru

Julia I. Elikhina

Candidate of Historical Sciences, Assoc. Prof., Dr. habil.
Curator of Tibetan, Mongolian and Khotanese collections
The State Hermitage Museum
Department of Mongolian Studies and Tibetology
St. Petersburg State University
julia-elikhina@yandex.ru

Fenglin Xie

Candidate of Historical Sciences, Assoc. Prof.
The North University of China,
Taiyuan University of Technology (China)
fenlin.se@mail.ru

KAZAN UNIVERSITY CHINESE STUDIES IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY: THE DEPARTMENT OF CHINESE AND MANCHURIAN LITERATURE (TO THE 300TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, THE 220TH ANNIVERSARY OF KAZAN FEDERAL UNIVERSITY AND THE 180TH ANNIVERSARY OF THE REORGANISATION OF THE DEPARTMENT)

Abstract. The article is devoted to a brief review of the formation and development of Chinese Studies, Manchu Studies and Buddhism at the Imperial Kazan University in the first half of the 19 century. The institutional and research development of these university disciplines was based on the activities of the Department of Chinese and Manchu Literature in 1837–1855, associated with the study of Chinese civilisation and, in general, languages and monuments of spiritual culture of the peoples of Central and East Asia.

Key words and phrases: Russia, China, Russian Chinese studies, Russian-Chinese relations, scientific and cultural exchange.

Введение. Институциональное и исследовательское формирование и развитие университетского китаеведения, маньчжуроведения и буддологии в Казани до 1855 г., в основе которых было изучение китайской цивилизации и в целом языков и памятников материальной и духовной культуры народов Центральной Азии, связано с деятельностью известных ученых и участников Пекинской духовной миссии: архимандрита Даниила (1798–1871, Пекин, 1821–1830), И. П. Войцеховского (1793–1850, Пекин, 1819–1831) и воспитанника восточного разряда, а также члена миссии в 1840–1850 гг. В. П. Васильева (1818–1900). Языковедческие, литературоведческие и историко-этнографические работы ученых, как опубликованные, так и оставшиеся в рукописях, внесли неоценимый вклад в изучение истории и культуры народов китайской цивилизации [1–13].

Университетская кафедра китайской словесности (образована в 1837 г.), преобразованная в 1844 г. в кафедру китайско-маньчжурской словесности, и академические исследования казанских востоковедов олицетворяли истоки и развитие университетской традиции изучения в России и Европе Китая и дальневосточных цивилизаций и государств [1–2, 19–24].

I. Разряд восточной словесности императорского Казанского университета и кафедра китайской и маньчжурской словесности

Казанское востоковедение претерпело крупные учебные и научно-организационные изменения, особенно на первом этапе институционального развития, т. е. в первой половине XIX в. В результате масштабных правительственных и внутриуниверситетских мероприятий

к середине XIX в. разряд восточной словесности стал очагом университетского востоковедения в России и Европе. Востоковедение в университете, в том числе китаеведение, маньчжуроведение и буддология приобретают официальный дисциплинарный статус благодаря первому уставу императорского Казанского университета, который определил на отделении словесных наук штатную должность профессора восточных языков.

Востоковедение (с 1807 г.), а также китаеведческая кафедра (с 1837 г.) в императорском Казанском университете приобретают самостоятельный дисциплинарный статус и становятся значимой областью научного знания и академического просветительства. В середине XIX в. выделяются предметная, методологическая и методическая, а также институциональная обособленность востоковедного направления от других гуманитарных наук в российских университетах. Формируются устойчивое профессиональное компетентное сообщество ориенталистов и коммуникативная среда обучения, воспитания и профессионального общения.

Развиваются характерная и устойчивая взаимосвязь между региональными направлениями и дисциплинами (тюркология, арабистика, синология и др.), особые образовательные и исследовательские институты (разряд восточной словесности, кафедра восточной словесности и т. д.), социальный тип преподавателей и ученых-востоковедов. Университетская ориенталистика формируется как определенный образовательный, исследовательский, просветительский и в целом как историко-научный и социальный феномен. В основе университетской ориенталистики вводятся комплексные программы и дисциплины, издаются учебно-методическая и научная литература, создаются общества, организуются научные экспедиции и путешествия, связанные с Азией/Востоком. В первой половине XIX в. Казань и особенно университет становятся одним из центров по организации изучения восточных языков и в целом Востока в России и Европе. Один из основоположников казанского университетского востоковедения – О. М. Ковалевский – в «Кратком обозрении хода и успехов преподавания азиатских языков при Казанском университете» отмечал, что Казань «в последнее десятилетие... после столицы приобрела известность как рассадник азиатской учености» [29, л. 34]. В этих университетских событиях и тенденциях заметны роль и вклад синологической научной, просветительской и гуманистической традиций и педагогических и исследовательских новаций.

Развитие институциональной модели университетского востоковедения, китаеведения, маньчжуроведения и буддологии в университете и в целом в Казани было связано с направлением исследования письменных памятников как историко-культурных источников: поиск, издание и перевод оригинальных текстов; изучение и публикация отдельных памятников и извлечений из разных исторических и литературных источников; описание и каталогизация рукописей и книг и в целом источниковедческая систематизация рукописной и книжной коллекции народов Востока, в том числе Центральной и Восточной Азии.

Генезис российского университетского востоковедения в первой половине XIX в., в том числе в Казанском университете, основывался на институциональной модели разряда восточной словесности и социально-культурного устройства «древа познания» Востока, где свое органичное место заняло китаеведение.

Отмеченные дальневосточные направления и дисциплины заняли достойное место в наиболее плодотворном этапе развития модели разряда восточной словесности и казанского университетского востоковедения в 1820 – 1850-е гг., особенно связанные с деятельностью в Казанском учебном округе М. Н. Мусина-Пушкина и «великого строителя», ректора университета (1827–1845 гг.) Н. И. Лобачевского (1792–1856).

В декабре 1827 г. попечитель учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин, обосновывая новое разделение и «умножение» востоковедческих кафедр в университете, представленное в Министерство народного просвещения, считал эти перемены «первым началом учреждения при университете Восточного института, столь полезного для образования молодых людей, могущих быть: употребленными в постоянных торговых и политических сношениях России с государствами восточными и отправленными путешествовать на Восток для узнания нравов, обычаев, законов и проч. Народов, там обитающих и России столь мало известных» [33,

л. 5 об.].

Основной разряда восточной словесности Казанского университета в 1807–1854 гг. стали институциональные организации: восточной словесности (1807), арабо-персидская (1828), турецко-татарская (1828), монгольская (1833), китайская (1837), санскритская (1842), армянская (1842) и калмыцкая (1846) кафедры. К рубежу образования в Казанском университете кафедры китайской словесности в 1837 г. в российских университетских центрах не существовало китаеведческое направление за исключением Санкт-Петербургской Академии наук.

11 мая 1837 г., впервые в России, была открыта кафедра китайского языка, в 1844 г. преобразованная в китайско-маньчжурскую кафедру. Первым профессором китайского языка в Казанском университете стал архимандрит Даниил (Д. П. Сивиллов, 1798–1871), который преподавал в 1837–1844 гг. Преемником архимандрита Даниила в Казанском университете стал И. П. Войцеховский (1793–1850), заложивший основы научного маньчжуроведения в Казани в 1844–1850 гг. В 1851–1855 гг. кафедру возглавлял В. П. Васильев (1818–1900)¹.

Позволим только отметить, что основными центрами европейской синологии в XVIII–XIX вв. были Франция, Англия, Германия. В остальных государствах Западной Европы синологические исследования если и присутствовали, то в гораздо меньших масштабах, нежели в вышеуказанных странах.

Преподавание китайского языка и изучение Китая в Европе осуществлялись в рамках одной из взаимосвязанных парадигм и социальной модели западного синоведа: миссионерская синология, практическая синология и академическая синология. Во Франции подготовкой китаеведов-практиков занималась Школа изучения живых восточных языков (*École spéciale des langues orientales*). В XIX в. в Англии в университетах учреждались должности «профессора синологии», в основном преподавание в них ограничивалось практическими навыками разговорного китайского языка. Обучение китайскому языку для нужд торговли и дипломатии было организовано в качестве специальных двухлетних курсов при Кингс-колледже (King's College) Лондонского университета и Лондонской торговой палате, а также в специальных коммерческих учебных заведениях (Колледж лондонского Сити) и др. Например, идея о преподавании китайского языка в Оксфордском университете впервые возникла только в 1875 г. в кругах английской интеллигенции, связанной с Китаем. Вскоре был сформирован Комитет, занявшийся сбором средств на открытие должности профессора. Председателем этого комитета был Розерфорд Алкок (Sir Rutherford Alcock) (1809–1897), занимавший впоследствии должность чрезвычайного посланника и полномочного министра в Китае и посла в Японии. Джеймс Легг (James Legge) (1815–1897) стал первым профессором китайского языка в Оксфордском университете (1876–1897 гг.).

Наряду с основными профессорами-китаеведами разряда восточной словесности вели занятия лекторы, адъюнкты и преподаватели китайского языка – А. Сосницкий (китайский язык, 1840–1843 гг.), С. Рушко (китайский язык, с 1843 г.), И. Абдекаримов (китайский язык, 1853–1855 гг.).

Накануне закрытия разряда восточной словесности, а также кафедры китайско-маньчжурского языка в Казанском университете в 1854 г. исправляющий должность экстраординарного профессора В. П. Васильев, рекомендуя И. Абдекаримова (1800–1865) (в 1856–1865 гг. преподавал на восточном факультете Санкт-Петербургского университета), писал: «Практическое преподавание китайского языка, безвозмездно предпринятое в Университете с прошлого года надзирателем Первой Казанской Гимназии Абдулькэримовым, несомненно по своей пользе; при том же так как в нынешнем году поступили из Первой Казанской Гимназии в студенты китайско-маньчжурского разряда молодые люди, учившиеся разговорному

¹ В архивах Казани и Санкт-Петербурга хранятся оригинальные фонды и материалы. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 5. «Дела об учреждении в ун-те кафедры китайского языка, приобретении китайских книг и рукописей, назначении архимандрита Даниила проф. китайского яз., увольнении его и назначении на его место И. П. Войцеховского. 5 марта 1837 – 17 ноября 1844 г.» 70 лл.; ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4599. «Об учреждении при Казанском университете кафедры китайского языка. 1 марта 1837 г.» 32 лл.; ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5451. «Об утверждении при Казанском университете кафедры маньчжурского языка. 28 марта 1843 г.» 2 лл. и др.

китайскому языку, то было бы очень жаль; если бы они не могли более усовершенствоваться и забыли уже приобретенное, – вообще случай приобрести практические познания в китайском языке от природного китайца есть едва ли не единственный в Европе» [25, л. 84].

Согласно «Правилу для действительных студентов и кандидатов, занимающихся восточными языками» (1840 г.), студенты-китаеведы должны были: посещать лекции профессоров и адъюнктов восточного разряда; упражняться в разговорном языке; ежемесячно представлять сочинения, состоящие из извлечений «важнейших произведений восточной литературы», из «изъяснений труднейших писателей, рассматривая их в историческом, географическом, литературном и критико-филологическом отношениях», переводов «лучших мест из восточных авторов» на русский язык и «в упражнениях переводами с русского на языки восточные»; заниматься преподаванием восточных языков в Первой Казанской гимназии и т. д.

Синологическое направление Казанского университета первой половины XIX в. стало свидетельством качественного рубежа в изучении географии, истории и культуры Китая в Академии наук и российских университетах, особенно ярко проявившееся в миссии Азиатского музея, Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, Восточного института во Владивостоке во второй половине XIX в. – первые десятилетия XX в. [17, 18].

II. Историко-культурные исследования Китая в Казанском университете: обзор направлений

Значимой университетской традицией в Казани становится открытие и осмысление китайского географического и историко-культурного пространства. Этот исследовательский процесс значительно обогатил научные и просветительские знания в истории российского и европейского китаеведения, накопление и систематизация материалов в этой области имели общие и характерные особенности. Так же, как и в других региональных дисциплинах отечественного востоковедения заметно размывание традиции российского и европейского религиозно-миссионерского изучения китайской цивилизации.

Китаеведение в Казанском университете было органично связано с монголоведением, маньчжуроведением, буддологией, тибетологией и санскритологией. Эти дисциплины ориентировались на изучение языков, этнографии, истории и культуры народов Центральной, Восточной и Южной Азии.

Исследования и труды востоковедов университета – О. М. Ковалевского (1800–1878), А. В. Попова (1808–1865), архимандрита Даниила (1798–1871), И. П. Войцеховского (1793–1850), В. П. Васильева (1818–1900), П. Я. Петрова (1814–1875), Ф. Ф. Боллензена (род. ок. 1813 г.) и др., – а также преподавание и изучение языков, истории, этнографии и культурного наследия народов Монголии, Калмыкии, Бурятии, Китая и Индии получили систематический и интенсивный характер.

В их учебной и научной деятельности наиболее заметны изучение и преподавание языков, сбор материалов по географии и страноведению, знакомство и текстологическое исследование рукописей и сочинений, контакты с живыми носителями языков, путешествия в регионы и государства Центральной и Восточной Азии, составление грамматик, словарей и хрестоматий. Эти основные направления исследований определялись не только практическими интересами Российской империи, но и научными целями.

В апреле 1835 г. в связи с определением в Первую Казанскую гимназию пяти молодых бурят, в том числе ламы Г. Никитуева, отмечалось, что «Россия приобретет ту славу, что ученые ее первые в Европе начнут разрабатывать богатую, но еще неприступную для изысканий сокровищницу языка Тибетского» [22, л. 3 об.].

Эти научные дисциплины углубили пространство университетского востоковедения 30–50-х гг. XIX в. в России, в первую очередь связанного в 1807–1820 гг. с языками и письменными памятниками арабо-мусульманского Востока.

После переезда в Санкт-Петербург в 1857 г. выпускник Казанского университета и профессор-китаевед столичного университета В. П. Васильев, выделяя значимость собранных рукописей и книг, а также роли библиотечных фондов, писал: «Библиотека Санкт-Петербургского университета может считать свое существование еще только месяцами. Она

привезена вся в целости недавно из Казани, по случаю... открытия в Санкт-Петербургском [университете] расширенного преподавания восточных языков, между которыми нашли место китайский, маньчжурский и монгольский. Следовательно, история нашей библиотеки, за исключением шкафов, вся принадлежит Казани» [8, с. 322].

В 1835 г. университет приобрел коллекцию О. М. Ковалевского. Данное собрание, состоящее из 1272 наименований, включало в себя китайские, маньчжурские, монгольские сочинения и этнографическую коллекцию (костюмы лам, буддийские божества, монеты, картины и др.) [18, 21, л. 6–17, 3, 19]. Основу книжной коллекции составляли монгольские, маньчжурские и китайские календари, китайский перевод «Нового завета» Моррисона, китайский библиографический каталог, грамматики, разнообразные рукописи и ксилографы на официальных языках Цинской империи и т. д.

Языковедческие, литературоведческие и историко-этнографические работы ученых-китаеведов в казанский период творчества, как опубликованные, так и оставшиеся в рукописях, внесли существенный вклад в изучение истории и культуры народов Китая, Центральной и Восточной Азии¹.

Университетское китаеведение в Казани первой половины XIX в. – яркое свидетельство того, что в российском государстве и обществе огромный интерес вызывал Китай, сыгравший огромную роль в развитии российско-китайских связей. В формировании китаеведения в Казанском университете в этот период большое значение имела Пекинская духовная миссия, куда впервые стали отправляться представители университетских центров. В истории российского университетского востоковедения и китаеведения первой половины XIX в. важное место занимают научные путешествия в Китай и участие в составе Пекинской духовной миссии монголоведа О. М. Ковалевского и китаеведа В. П. Васильева.

В начале 1837 г. на должность ординарного профессора китайского языка учреждаемой кафедры разряда восточной словесности был приглашен архимандрит Московского Златоустовского монастыря Даниил, прослуживший в университете до 1844 г. [23, 34]. Именно эти годы стали начальным этапом постановки преподавания китайского, маньчжурского и основ тибетского языков в гимназии и университете. Постепенно формируется фонд рукописей и книг в библиотеке университета, создаются программы и учебные пособия, осуществляется ряд переводов литературных китайских текстов и т. д. В 1837 г. архимандрит Даниил написал и направил в университет подробный «Конспект для преподавания китайского языка» [23, л. 17–25]. Он предложил библиотеке университета свою «китайскую библиотеку», состоящую из 156 названий классических, учебных, философских, литературных, исторических, религиозных и других книг, словарей и ландкарт. Особый интерес вызвал подготовленный к октябрю 1841 г. профессором китайского языка архимандритом Даниилом «перевод с китайского языка на русский Философии Конфуция в трех книгах» [12, 13, 14].

В феврале 1844 г. в связи с прошением архимандрита Даниила об увольнении «для поступления по другим должностям духовного ведомства» на должность профессора китайского и маньчжурского языков приглашается И. П. Войцеховский, прежде служивший в Азиатском департаменте МИДа и штатным лекарем в Петербургской духовной академии. В апреле 1844 г. И. П. Войцеховский утверждается профессором китайского языка с поручением преподавания маньчжурского языка. В августе 1844 г. он прибыл в Казанский университет, где преподавал до своей смерти в 1850 г. За этот период ему удалось написать только несколько

¹ См.: Даниил (Сивиллов). Перевод с китайского языка из книги под заглавием «Драгоценное зеркало для просвещенного ума» // УЗКУ. – 1837. – Кн. II–III; *Его же*. Всеобщая история Китая // УЗКУ. – 1837. – Кн. IV; 1838. – Кн. II и IV; ОРРК НБ КГУ. – № 4478. Даниил Сивиллов. Лао-цзы. Философия. Перевод иеромонаха Даниила. Рукопись. 19 в. 36 п/л.; Там же. – № 4485. Даниил Сивиллов. Любомудрие Конфуция. Черновая тетрадь переводов о. Даниила. 19 в. Тет. 8+4+5 лл.; Васильев В. П. О китайской траве Му-суй // Казанские губернские ведомости. – 1851. – № 50; *Его же*. Китайская трава Му-суй // Библиотека для чтения. – 1852. – Т. 113; *Его же*. Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях // ЖМНП. – 1852. – Ч. 73; *Его же*. О существовании огнедышащей горы в Маньчжурии // Вестник Географического общества. – 1855. – Ч. 15. – отдел «Смесь» и др.

учебно-методических программ и пособий, которые использовались в преподавании китайского и маньчжурского языков в гимназии и университете. В Казани И. П. Войцеховский закончил составление «Китайско-маньчжурско-русского словаря» [16, с. 124, 274]. Ученый относится к числу первых представителей отечественного и европейского научного маньчжуроведения. Он положил начало университетской школе маньчжурской филологии и языковедения в России. Также он сыграл ключевую роль в комплектовании библиотеки университета китайскими медицинскими книжными собраниями.

Особо выделяется казанский период учебы на разряде восточной словесности и научно-педагогической деятельности В. П. Васильева (1834–1855 гг.), ставший переломным рубежом в истории отечественной монголистики, китаеведения, буддологии и тибетологии [1].

Оригинальным направлением казанского университетского китаеведения стала подготовка и отправление студентов Казанского университета в Китай в составе духовной миссии, представлявшей на тот момент одну из немногих официальных возможностей посетить Среднюю империю. С XVII в. миссия являлась единственным центром для подготовки в России знатоков китайского и маньчжурского языков. В задачи членов Пекинской духовной миссии входило изучение маньчжурского, китайского и монгольского языков, а также истории, культуры и религии народов Цинской империи.

В связи с предполагаемым открытием при Казанском университете кафедры тибетского языка было принято решение направить в Пекин в составе духовной миссии В. П. Васильева, выдержавшего испытание на степень магистра [1; 24, л. 14].

С отъездом В. П. Васильева из Казани 20 января 1840 г. в составе XII духовной миссии в научное путешествие в Китай открывалась новая страница в жизни молодого ученого, где, по его словам, родились «многие его мысли и взгляды». Уникальная образовательная и научная командировка В. П. Васильева в Пекин (с января 1840 г. по сентябрь 1850 г.), продолжавшая традиции научных путешествий в истории российского востоковедения и китаеведения XIX в., сыграла исключительную роль в его научной судьбе.

Научное путешествие В. П. Васильева – переломный этап в истории отечественной и европейской синологии XIX в. В истории Российской духовной миссии в Пекине (1715–1864 гг.) впервые к ней был специально прикомандирован выпускник российского университета и магистр восточной словесности.

По поручению Совета университета профессором О. М. Ковалевским в июне 1839 г. была составлена программа для студента Казанского университета, направляемого в Пекин [30, л. 6–10]. «Руководительное наставление» О. М. Ковалевского об основных направлениях занятий В. П. Васильева в Пекине стало оригинальной университетской образовательной и научной программой комплексной подготовки востоковеда-синолога, тибетолога, буддолога и маньчжуроведа. В программе занятий основное внимание обращалось на изучение тибетского и санскритского языков, «истории Тибета, его литературы и древностей», сбор сведений о Китае, Индии и Монголии, приобретение книг и рукописей и др.

«Краткий отчет во время десятилетнего пребывания в Пекине магистра Васильева», сохранившийся в Государственном архиве Республики Татарстан, помогает лучше понять предмет и цели его научных и учебных занятий. «Изучая историю и культуру восточных стран», – писал Васильев, – «я никогда не почитал занятий собственно китайским языком делом для меня второстепенным» [29, л. 60].

Трудно переоценить значение десятилетия напряженной работы В. П. Васильева по сбору и изучению материалов по истории буддизма в Тибете и сопредельных с ним странах, настойчивых поисков и обработки данных китайских источников, раскрывающих сложные взаимосвязи китайской империи с соседними народами и племенами, скрупулезной работы над созданием исторических карт Китая со времен глубокой древности до позднего Средневековья. Исследования Китая и стран Юго-Восточной Азии, начатые им во время пребывания в составе Духовной миссии, получили свое развитие в периоды научно-педагогической работы в Казанском (1851–1855 гг.) и Санкт-Петербургском университетах (1855–1900 гг.) [4,5,6,7,8,9,10,15].

К середине XIX в. институциональные формы и исследовательские направления академического и университетского Китаеведения сформировали систему образования и науки о Китае как комплексную дисциплину, и отечественные востоковеды-китаеведы стали «учеными-универсалами, сочетающими в себе языковеда, литературоведа, этнографа, историка» [40, с.5].

Первая половина – середина XIX в. стала периодом, когда китаеведение выделилось в самостоятельное направление в российском востоковедении. Это произошло благодаря формированию и развитию специальных методов, таких как знание языков народов Цинской империи, сбор и изучение рукописей и книг, переводы классических памятников, грамматические и лексикографические исследования, сравнительное языкознание, научные путешествия в Китай, комплекс географических, исторических и этнографических методик, создание каталогов рукописей и книг и т.д. [1,2,3]

Литература

1. Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань – Пекин – Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Р.М. Валеев, Х. Валравенс, В.Г. Дацышен, О.П. Еланцева, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Лю Лицю, Д.Е. Мартынов, Д.И. Маяцкий, Т.А. Пан, В.Л. Успенский; сост. Т.А. Пан; отв. ред. Р.М. Валеев и И.В. Кульганек. – СПб.; Казань, 2021.
2. Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. – М., 1977.
3. Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р.М. Валеев, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Д.Е. Мартынов, О.Н. Полянская; отв. и науч. ред. Р.М. Валеев и И.В. Кульганек. – СПб.; Казань: Петербургское востоковедение, 2020.
4. Васильев В.П. Китайская трава Му-суй // Библиотека для чтения. – 1852. – Т. 113.
5. Васильев В.П. Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях // Журнал Министерства народного просвещения. – 1852. – Ч. 73.
6. Васильев В.П. О существовании огнедышащей горы в Маньчжурии // Вестник Географического общества. – 1855. – Ч. 15.
7. Васильев В.П. Буддизм. Его догматы, история и литература. – СПб., 1857. – Ч. 1.
8. Васильев В.П. Записки о восточных книгах в С.-Петербургском университете В. П. Васильева // Русский вестник. – 1857. – Т. 9. – Кн. 2; Русский вестник. – 1857. – Т. 11.
9. Васильев В.П. Современное положение Азии – китайский прогресс. – СПб., 1883.
10. Горбачева З.И., Петров Н.А., Смыкалов Г.Ф., Панкратов Б.И. Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев // Очерки по истории русского востоковедения. – 1956. – Сб. 2. – С. 232–340.
11. Даниил (Сивиллов). Перевод с китайского языка из книги под заглавием «Драгоценное зеркало для просвещенного ума» // Ученые записки Казанского университета. – 1837. – Кн. II–III.
12. Даниил (Сивиллов). Всеобщая история Китая // Ученые записки Казанского университета. – 1837. – Кн. IV; 1838. – Кн. II и IV.
13. Даниил Сивиллов. Лао-цзы. Философия. Перевод иеромонаха Даниила. Рукопись. 19 в. // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета. – № 4478.
14. Даниил Сивиллов. Любомудрие Конфуция. Черновая тетрадь переводов о. Даниила. 19 в. // ОРРК НБ КГУ. – № 4485.
15. История и культура Китая (сборник памяти академика В. П. Васильева). – М., 1974.
16. История отечественного востоковедения до середины XIX в. – М., 1990.
17. История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. – М., 1997.
18. Ковалевский О.М. О знакомстве европейцев с Азией. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Казанского университета, 8-й день августа 1837 г. ординарным профессором Осипом Ковалевским. – Казань, 1837.

19. Монголовед О.М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). – Казань, 2004.
20. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237.
21. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4251. Л. 6–17.
22. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 3 об.
23. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4599.
24. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814.
25. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5451.
26. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 726.
27. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266.
28. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267.
29. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283.
30. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8453.
31. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5357. Л. 34.
32. Ramil M. Valeev, Irina V. Kulganek, Jerzy Tulisov. Professor O. M. Kowalewski – Mongolian studies scholar, traveller and enlightener: his biographical landmarks // Acta Orientalia Vilnensia. – V. 10. – 1–2(2009). – Vilnius, 2011. – P. 29–56.
33. Россия – Монголия – Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского 1830–1831 гг. / Подготовка к изданию, предисловие, глоссарий, комментарий, указатели Р. М. Валеев, И. В. Кульганек. – Казань, 2005.
34. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 42. Д. 5.
35. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 41. Д. 86.
36. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 42. Д. 90.
37. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. – М., 1977.
38. Фойгт К.К. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 год. – Казань, 1852.
39. Монголоор дайран Оросоос Хятад уруу хийгээд эргэн аялсан нь: монголч эрдэмтэн О. М. Ковалевскийн 1830–1831 онуудад аялсан аяллын өдрийн тэмдэглэл / Хэвлэлд бэлтгэсэн, тайлбар, нэрийн хэлхээс зэргийг гүйцэтгэсэн: Р.М. Валеев, И.В. Кульганек; Өмнөх үг: Р.М. Валеев, И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков; Хариуцлагатай редактор С. Чулуун. – Улаанбаатар, 2020.
40. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России [Текст] : Дооктябрьский период / АН СССР. Ин-т востоковедения. - Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. - 272 с.

Лю Сяоюй, аспирант
Кафедра отечественной истории и архивоведения
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Dearfriend93@icloud.com

ПРОЦЕСС ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ В КИТАЙСКИХ ВУЗАХ В XXI ВЕКЕ

Аннотация: Войдя в XXI век, с улучшением российско-китайских отношений в вузах Китая наблюдается рост интереса к изучению российского китаеведения. За эти более чем 20 лет изучения в этой области прошли путь от базового этапа до стадии углубления, расширения и сотрудничества. В ходе этого процесса вузы создали множество научных учреждений и провели большое количество научных конференций, предоставив китайским ученым и исследователям более широкие платформ для научной работы. Кроме того, из истории развития изучений российского китаеведения в китайских вузах можно выделить такие характеристики, как сосредоточенность, неравномерность и многообразие. Эти особенности указывают на то, что в будущем китайским вузам следует продолжать поддерживать механизмы сотрудничества с российскими исследовательскими учреждениями и дальше продвигать исследования в этой области в межкультурном контексте.

Ключевые слова: Российское китаеведение, китайские вуза, в XXI веке.

Liu Xiaoyu, graduate student
Department of Russian History and Archival Science
Kazan (Volga Region) Federal University
Dearfriend93@icloud.com

THE PROCESS OF STUDYING RUSSIAN SINOLOGY IN CHINESE UNIVERSITIES IN THE 21ST CENTURY

Abstract: Entering the 21st century, with the improvement of Russian-Chinese relations, Chinese universities have seen a growing interest in studying Russian Sinology. Over these more than 20 years, studies in this field have gone from the basic stage to the stage of deepening, expanding and cooperating. In the process, universities have established many research institutions and held a large number of academic conferences, providing Chinese scholars and researchers with broader platforms for research. In addition, the historical development of Russian Sinology in Chinese universities has the characteristics of concentration, unevenness and diversity. These features indicate that in the future, Chinese universities should continue to maintain cooperation mechanisms with Russian research institutions and further promote research in this field in a cross-cultural context.

Keywords: Russian Sinology, Chinese universities, in the 21st century.

Российское китаеведение является важной частью западного китаеведения и мирового китаеведения, поэтому изучение российского китаеведения имеет первостепенное значение. Исследования Китая в области российского китаеведения начались относительно поздно, начиная с середины XX века. Особенно важно отметить, что изучения китаеведения в китайских вузах впервые привлекли внимание общественности в 1985 году, когда Пекинский университет основал Институт сравнительного литературоведения и ввел магистерские программы по китаеведению. Таким образом, «китаеведение стало частью учебных программ китайских вузов, что стало важным событием в развитии зарубежных изучений китаеведения» [3, с. 17]. Кроме того, в 1996 году в Пекинском университете иностранных языков был создан Центр изучений зарубежного китаеведения. Основание таких учреждений создало парадигму для проведения изучений российского китаеведения в китайских вузах в XXI веке.

После наступления XXI века российское китаеведение получило беспрецедентное внимание, а ей исследования начали получать поддержку как со стороны государства, так и со стороны вузов, превратившись в важную область изучений зарубежного китаеведения в Китае.

1. Базовый этап

Вступая в XXI век, с улучшением дружественных отношений между двумя странами, отношения между Китаем и Россией вступили в новую эпоху. Особенно в 2001 году Китай и Россия подписали важный и значимый «Российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве». В статье 16 этого договора говорится: «Стороны будут активно содействовать развитию обменов и сотрудничества в областях культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и правовой сферы» [2, с. 390]. Подписание этого договора открыло новую главу для изучения российского китаеведения в Китае и предоставило удобные условия для научных исследований и обменов. На этом фоне исследование российского китаеведения в китайских вузах вошло в начальную стадию. На этом этапе возникли некоторые специализированные исследовательские учреждения в вузах, посвященные изучению российского китаеведения. Во-первых, в июне 2001 года в Пекинском университете был основан Центр российских исследований. Этот центр занимается не только исследованиями экономики и культурной истории России, но также включает в себя и аспекты российского китаеведения. Затем, под направляющим курсом государства и при поддержке государственных учреждений, в 2009 году Пекинский университет основал Международную базу подготовки китаеведов. Эта база стала местом для двустороннего академического обмена между китайскими и зарубежными китаеведами, что способствовало дальнейшему расширению исследовательского горизонта. Кроме того, для более эффективного проведения изучений в области российского китаеведения эта база сотрудничает с Институтом восточных рукописей РАН. Сотрудничество между двумя сторонами предоставляет важный импульс для изучений российского китаеведения в Китае.

В 2004 году в Академии общественных наук КНР был создан «Международный центр изучений китаеведения». Уникальными достижениями этой организации стало создание баз данных по китаеведению, включающих данные из таких стран, как Россия, Франция, США и Япония, такие как «База данных зарубежных китаеведческих ученых», «База данных зарубежных китаеведческих научных журналов» и «База данных зарубежных исследовательских учреждений по китаеведению» [1, с. 43] и так далее. Создание этих баз данных предоставило российским исследователям китаистики в Китае удобства для академических изучений. Позже, в 2007 году, в Университете народного Китая был открыт Центр изучений китаеведения. В том же году Университет народного Китая провел первую Всемирную конференцию китаеведения на тему «Диалог цивилизаций и гармоничный мир». Эта конференция проводится каждые два года и уже прошла восемь раз. Эти конференции пригласили китаеведов и исследователей из Китая и других стран для академического обмена, демонстрируя последние достижения в области зарубежного китаеведения широкой аудитории. Согласно статистике, в конференциях приняли участие 14 российских ученых, среди которых были Б.Л. Рифтин, И. Ф. Попова, А.А. Родионов и другие. Можно отметить, что по количеству участников академический обмен между китайскими и российскими учеными постепенно становится нормой. Кроме того, в 2012 году в Пекинском объединенном университете был основан Центр зарубежного китаеведения. Этот центр сосредоточен на изучении Коммунистической партии Китая за границей и представляет изучения о китайской центральной партии, проведенные в таких странах, как США, Франция и Россия.

На этом этапе изучения российского китаеведения в китайских вузах отличались постепенностью и концентрацией. Создание множества исследовательских учреждений предоставило ученым помощь и поддержку, что способствовало более эффективному изучению российского китаеведения. Кроме того, создание этих учреждений играет важную роль в гуманитарном обмене между Китаем и Россией, создавая стабильную академическую базу для ученых обеих сторон, занимающихся изучениями в области российского китаеведения.

2. Этап углубления, расширения и сотрудничества

В 2013 году, в рамках инициативы «Один пояс, один путь», китайские вузы совместно с Россией провели научные конференции, которые способствовали развитию изучений российского китаеведения в Китае. Эти мероприятия способствовали глубокому обмену и сотрудничеству между китайскими и российскими учеными, а также продемонстрировали общественности динамику академических изучений в области российского китаеведения в Китае. Таким образом, с 2013 года изучения российского китаеведения в китайских вузах вошли в этап углубления, расширения и сотрудничества.

На этом этапе китайские вузы сотрудничают с российскими академическими учреждениями, совместно проводя научные конференции и содействуя переводу и демонстрации результатов изучений в области российского китаеведения. Особенно после 70-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Россией изучения по российскому китаеведению в китайских вузах процветают. Множество китайских вузов проводят научные конференции, посвященные российской китаистике. Среди них можно выделить первую международную конференцию по «Языкознанию русского языка и китаистике», организованную Университетом внешней экономики и торговли совместно с институтом Конфуции при Российском государственном гуманитарном университете, «международную научную конференцию по российскому китаеведению», проведенную Хэйлуцзянским университетом, а также конференцию по «Китайско-российскому гуманитарному сотрудничеству и обмену в области китаеведения», совместно организованную Нанкайским университетом и Российской академией наук и так далее. С точки зрения места проведения, научные конференции, организованные китайскими вузами на данном этапе, показывают неравномерность и преобладание мероприятий на востоке страны по сравнению с западом, что соответствует региональному распределению ресурсов в современном высшем образовании Китая. Восточные регионы обладают богатыми ресурсами и географическими преимуществами, что предоставляет исследователям больше возможностей для получения ресурсов и финансовой поддержки. Поэтому в восточных регионах более удобно и разнообразно проводить академические мероприятия. Кроме того, эти конференции имеют важное академическое значение для изучения российского китаеведения в Китае. Они помогают ученым и исследователям из китайских вузов глубже понять историю развития российского китаеведения и способствуют устойчивому развитию изучений в этой области. В то же время эти мероприятия также демонстрируют, что изучения российского китаеведения в китайских вузах вошли в этап частых контактов и сотрудничества, предоставляя более широкую платформу для изучения этой темы.

Кроме того, на этом этапе ученые и исследователи активно подали заявки на проекты Государственного фонда социальных наук. По неполным данным, эти ученые из вузов инициировали более 20 проектов, связанных с российским китаеведением, охватывающих такие дисциплины, как лингвистика, история, китайская литература и этнология. По сравнению с периодом до 2013 года, количество проектов Государственного фонда в этой области значительно возросло, что также свидетельствует о значительном росте научного интереса исследователей к области российского китаеведения. Согласно заявкам на проекты, научный интерес ученых и исследователей в основном сосредоточен на китайской литературе и истории. Кроме того, разнообразие дисциплин, охватываемых этими проектами, показывает, что междисциплинарные исследования становятся неизбежной тенденцией в области российского китаеведения в Китае. Таким образом, этот этап можно охарактеризовать как период расширения и углубления изучений российского китаеведения в китайских вузах.

Как сказал Чжан Сипин: «Любое развитие дисциплины требует научной платформы» [4, с. 61]. На начальном этапе поэтому китайские вузы создали множество научных платформ для исследователей, что способствовало развитию этой научной области. Кроме того, вузы в разные исторические периоды выполняют различные миссии и играют разные роли. В общем и целом, процесс изучений российского китаеведения в китайских вузах характеризуется постоянным развитием и прогрессом. Кроме того, из истории развития изучений российского китаеведения в китайских вузах можно выделить три основных характеристики. Во-первых,

с точки зрения регионов, где проводятся исследования, можно отметить их сосредоточенность и неравномерность. Во-вторых, по содержанию исследований, они обладают междисциплинарным и разнообразным характером. В-третьих, с точки зрения сотрудничества между вузами и институтами можно сказать, что оно имеет характеристики разнообразных перспектив. Эти особенности способствовали развитию изучений российского китаеведения в Китае, что позволило Китаю лучше интегрироваться в мировое научное сообщество, занимающееся изучением китаеведения. Кроме того, в будущем китайским вузам следует продолжать поддерживать механизмы сотрудничества с российскими исследовательскими учреждениями и далее продвигать изучения в этой области в межкультурном формате.

Литература:

1. Е Цзюаньли. (叶娟丽) Зарубежное новое китаеведение с точки зрения отечественной политологии. (国内政治学视野中的海外新汉学) // Вестник Сямэньского университета. – Сер. Философия и общественные науки. – 2018. – №6. – С. 39–59.
2. Сборник важных документов к 60-летию установления дипломатических отношений между Китаем и Россией. (中俄建交 60 周年重要文献汇编) // Пекин: издательство Мировое знание. - 2010.
3. Хэ Пэйчжун. (何培忠) Размышления о зарубежных изучениях китаеведения на новом этапе. (关于新征程下海外中国学研究的思考) // Международное китаеведение. – 2019. – Т. 19 (2). - С. 17–20.
4. Чжан Сипин. (张西平) Прогресс и перспективы китайских исследований в области китаеведения за рубежом после реформ и открытости (1978-2019). (改革开放以来中国海外汉学(中国学)研究的进展与展望 (1978—2019)) // Зарубежные социальные науки. – 2020. – выпуск 1. – С. 60–71.

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, докт. ист. наук, профессор
Кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований
Казанский (Приволжский) федеральный университет
dmitrymartynov80@mail.ru

Мартынова Юлия Александровна, канд. ист. наук, доцент
Кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований
Казанский (Приволжский) федеральный университет
juliemartynova82@gmail.com

Валеев Рамиль Миргасимович, докт. ист. наук, профессор
Кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Ramil.Valeev@kpfu.ru

ОСПОПРИВИВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КИТАЯ В 1890-е гг. (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЕВЫХ ДНЕВНИКОВ Н.Ф. КАТАНОВА)¹

Аннотация. В статье рассмотрены меры цинского правительства, применяемые в Синьцзяне и Турфанском оазисе в 1870–1890-е гг. для борьбы с эпидемией оспы. Вариоляция была известна китайской медицине, по крайней мере, с XVI в. и применялась маньчжурами для представителей императорской семьи и «знаменной» элиты. В XVIII в. имеются свидетельства применения вариоляции для безопасности представителей монгольской родовой элиты и тибетского духовенства при их переездах в Пекин. После умиротворения Синьцзяна в 1877 г. руководство Сянской армии начало последовательную политику государственного попечения о здравоохранении. В ряду принятых мер стало основание Турфанского бюро оспопрививания в 1881 г. В полевых дневниках Н.Ф. Катанова за 1891 г. содержится рассказ очевидца – уроженца Турфана, о предпринимаемых цинским правительством противозидемическим мерам и технике вакцинации. Данный текст на русском языке публикуется впервые. Эти свидетельства дополняют материалы Синьцзянского архива, опубликованные в 2012 г., и материалы российских путешественников (включая Чокана Валиханова и Н.И. Пржевальского), а также европейских дипломатов и миссионеров.

Ключевые слова и фразы: Синология, история Китая, династия Цин, Восточный Туркестан, Н.Ф. Катанов, натуральная оспа, вакцинация.

Martynov Dmitry Evgenyevich, Dr. Sci., Professor
Department of Chinese and Asian-Pacific Studies
Kazan (Volga region) Federal University
dmitrymartynov80@mail.ru

Martynova Yulia Aleksandrovna, Cand. Hist. Sci., Associated Professor
Department of Chinese and Asian-Pacific Studies
Kazan (Volga region) Federal University
juliemartynova82@gmail.com

Valeev Ramil Mirgasimovich, Dr. Sci., Professor
Department of Chinese and Asian-Pacific Studies
Kazan (Volga region) Federal University
Ramil.Valeev@kpfu.ru

SMALLPOX VACCINATION IN THE TERRITORIES OF NORTHWESTERN

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ и Кабинета Министров Республики Татарстан (проект № 23-28-10046) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

CHINA IN THE 1890s (BASED ON THE FIELD DIARIES OF N.F. KATANOV)¹

Abstract. The article examines the measures taken by the Qing government in Xinjiang and the Turpan Oasis in the 1870s–1890s to combat the smallpox epidemic. Variolation had been known to Chinese medicine since at least the 16th century and was used by the Manchus for members of the imperial family and the “Eight-banner” elite. In the 18th century, there is evidence of the use of variolation for the safety of members of the Mongolian khanates elite and Tibetan clergy during their moves to Beijing. After the pacification of Xinjiang in 1877, the leadership of the Xiang Army began a consistent policy of state guardianship for health care. Among the measures taken was the founding of the Turpan Smallpox Vaccination Bureau in 1881. In the 1891 N.F. Katanov field diaries contains an eyewitness account from a Turpan native about the Qing government’s anti-epidemic measures and vaccination techniques. This text is published in Russian for the first time. These testimonies complement materials from the Xinjiang Archives published in 2012 and materials from Russian travelers (including Chokan Valikhanov and N.I. Przhevalsky), as well as European diplomats and missionaries.

Key words and phrases: Chinese Studies, History of China, Qing dynasty, Eastern Turkestan, N.F. Katanov, Smallpox, Vaccination.

Введение

Пережитая всем мировым сообществом в 2019–2020 гг. коронавирусная пандемия оживила историографический интерес не только к истории медицины как таковой, но и к социокультурным условиям массовой вакцинации и принимаемых в различных странах противоэпидемических мер. Данные сюжеты постоянно встречаются в литературе о путешествиях и путевых дневниках исследователей Центральной Азии и Дальнего Востока времени «большой игры». Так как коллектив авторов данного исследования с 2013 г. ведет публикацию дневников тюркологической экспедиции хакасского тюрколога-универсала Н.Ф.Катанова (1862–1922)², было невозможно миновать и этого сюжета, хотя и очень небольшого по объему. В данной статье мы впервые публикуем на русском языке фрагмент подготовленного самим Н. Ф. Катановым к печати рукописного дневника времени «стационарного» этапа его путешествия, когда из-за противодействия цинских властей Синьцзяна, весной – летом 1891 г. путешественник находился в Чугучаке, занимаясь сбором разнообразной лингвистической и фольклорной информации.

Оспопрививание в Цинской империи

В современной историографии интерес к эпидемическим заболеваниям и противоэпидемическим мерам, предпринимаемым в Цинскую эпоху на западных территориях империи, зафиксирован после 1990-х гг., причём в одном 2019 г. мы выявили две научных статьи и магистерскую диссертацию, выполненные на материалах Синьцзяна и Сычуани [6; 7; 8; 9]. Насколько можно судить, первое в западной историографии исследование вышло только в нынешнем 2024 г., и вписано в контекст рассмотрения «азиатского колониализма» [4]. В современной китайской историографии также существует мнение, что массовые прививочные кампании играли «определенную» роль в налаживании межэтнических связей и системе управления так называемыми внешними или вассальными территориями империи Цин [6, с. 40]. В исследовании Лю Сэня показано, что цинское правительство стало предпринимать противоэпидемические меры с 1740-х гг. в связи с ростом торговли между регионами, а также проблемой занесения оспы с караванами паломников³. Некоторый прогресс последовал в

¹ The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation and the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan (project No. 23-28-10046) and in accordance with the Strategic Academic Leadership Program of Kazan (Volga Region) Federal University

² Дневники поездки Н.Ф. Катанова по Синьцзяну летом 1890 г. до Урумчи вышли в свет в 2017 г. [1].

³ В литературе приводятся сведения, что завоевание Пекина в 1644 г. сопровождалось опустошительной эпидемией оспы в среде «знаменных» маньчжуров и монголов, поэтому в правление под девизом Канси (1661–1723) была введена обязательная вариоляция для членов императорской семьи и кланов маньчжурских «знаменных».

последние десятилетия XVIII в. после кончины VI Панчен-Ламы в Пекине от заражения оспой. Тогда цинские власти стали поощрять оспопрививание и в 1794 г. в Лхасе была воздвигнута специальная стела, надписи на которой призывали население пройти вариоляцию, то есть прививку человеческого материала [6, с. 41, 45].

Описание техники вариоляции (точнее, инокуляции) мы находим в полевых дневниках выдающегося востоковеда из коренных народов, буряты Г.Ц. Цыбикова (1873–1930), совершившего в 1900–1902 гг. путешествие в Лхасу под видом паломника. Прочитируем этот фрагмент:

«17 ноября [1901 г.]. <...> Лишь только мы остановились близ ставки цзасака¹, к нам явился хошун-цзанги² Дамба, который был хорошим знакомым переводчика экспедиции П.К.Козлова – бурятского казака Цокто Бадмажапова³. Он предложил мне условиться о дальнейшем пути с их отставным князем, для знакомства с которым я тотчас же отправил с ним хадак⁴, так как юрта князя была изолирована от посторонних ввиду недавнего привития оспы его детям. Прививанием оспы по китайскому способу (вдуванием в нос) занимался здесь один лама из чахарских⁵ монголов. Он был приглашен в хошун с платою по 2 лана серебра с каждого. Затем он сделал распоряжение, чтобы все, не хворавшие оспой, без различия возраста и пола, перекочевали в одно место.

Собралось более 200 человек. Здесь оспопрививатель сделал всем прививку, вводя в организм лимфу посредством нюхания. Прививка переносится крайне тяжело, бывают и смертные случаи от неточного соблюдения строгой диеты⁶, для наблюдения за которой оспопрививатель живет до полного выздоровления всех больных. В данном случае было два смертных случая, каковой процент считали очень небольшим и восхваляли искусство оспопрививателя. Случаев невосприимчивости прививки было тоже очень мало» [3, с. 208–209].

Вариоляция была известна медикам династии Мин, по крайней мере, с XVI в. [4].

¹ Титул, даваемый родовому князю монгольского хошуна, которому вверялось заведывание местными войсками.

² Хошунный чиновник низкого ранга.

³ Цогто (Цокто) Гармаевич Бадмажапов (1879–1937) происходил из кяхтинских бурят-казаков. В чине старшего урядника участвовал в 1899–1901 гг. в Монголо-Камской экспедиции П.К. Козлова как переводчик. С 1902 г. служил представителем торгового дома «Собенников и братья Молчановы» в пров. Ганьсу, сопровождал торговые караваны через Монголию и Маньчжурию, а также Восточный Китай, выполняя также поручения Генерального Штаба и МИД Российской империи. В 1907 г. разведал местонахождение брошенного тангутского города Хара-Хото в низовьях р. Эдзин-Гол на юге Монголии, составив его первый план и сфотографировав руины для Русского Географического общества. В 1908 г. городище исследовала Монголо-Сычуаньская экспедиция под руководством П.К. Козлова. Благодаря сенсационным находкам Козлова, приоритет Бадмажапова долгие десятилетия замалчивался. С 1910 г. Ц. Бадмажапов служил переводчиком при канцелярии военного губернатора Восточной Сибири, с 1912 г. – в торговом доме Нобеля. В октябре 1917 г. в Петрограде являлся делегатом от бурят Иркутской губ. и Забайкальской обл. по делам введения земства. В 1920-х гг., подобно многим другим представителям бурятской интеллигенции, эмигрировал в Монголию. Работал в Центральном потребительском кооперативе МНР в Улан-Баторе. В 1931 г. депортирован, и выслан в Сыктывкар. Проведя в ссылке пять лет, переехал в Новосибирск, а затем в Ленинград. В 1937 г. вместе с братом арестован по сфабрикованному обвинению в японо-бурятском заговоре и расстрелян. См.: Алкин С.Б. Бадмажапов Ц.Г. // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=1252>.

⁴ Хадак – длинный узкий платок, традиционный подарок в Монголии и Тибете, выражающий почтение, дружбу и благопожелания.

⁵ Чахары – один из южномонгольских этносов. Ныне территория Чахара разделена между провинцией Хэбэй и автономным районом Внутренняя Монголия.

⁶ Г.Ц. Цыбиков не приводил подробностей, однако в статье Хуй Кэ (доктор философии, доцент кафедры марксизма Института международных отношений Сычуаньского ун-та) указано на огромное число диетических табу, которые, вероятно, относились к ритуальной, а не собственно врачебной сфере. Так, в справочнике по вакцинации (论种牛痘, 1870 г.) предписано в течение трех дня после введения человеческой оспы «употреблять в пищу, чтобы вывести яд»: шампиньоны (口蘑), сушеных чилимсов (海米), кашу из перебродившего риса (江米酒). Если вариоляция проводилась зимой, прописывался суп из гнезд саланганы (燕窝汤). Первые семь дней нужно воздерживаться от «янских» продуктов, как-то: курятины, карпа, говядины, баранины, фасоли и изделий из пшеничной муки. Гречки и вишни следовало избегать после этого три года. При собственно вакцинации (введении коровьей оспы в человеческий организм) никаких пищевых ограничений не существовало [9, с. 33].

Здесь примечательна та же тенденция, что была описана Лю Сэнем: основные противостоительные мероприятия были направлены на монгольские кочевья как стратегически важные для цинских властей, а тибетские дела оказывались связанными с ними автоматически, ибо буддизм в тибетской версии считался важнейшим инструментом управления Монголией [6, с. 45]. Примерно в одно и то же время в начале 1880-х гг. были созданы государственные бюро вакцинации в провинциях Фэнтянь (ныне Ляонин) и Цзилинь – на территории «священной родины» маньчжуров, и в Синине (Цинхай) для вакцинации тибетских духовных и светских чиновников, направляющихся в Пекин [4]. К территории Цинхая относится и описание Г.Цыбикова. Руководили этими учреждениями китайские медики и энтузиасты из представителей местной знати, а роль государства сводилась к предоставлению средств из провинциальных бюджетных фондов.

Собственно вакцинация, разработанная Э. Дженнером в Великобритании 1790-х гг., проникла в закрытый Цинский Китай сравнительно быстро. В исследовании Хуй Кэ утверждается, что впервые вакцинацию в 1802 г. провёл в португальской колонии Аомэнь местный купец-португалец, именуемый в китайских источниках Ху Идэ (胡意德). Способ приготовления вакцины и метод прививок он привёз с острова Лусон – испанской колонии Филиппины. Первым китайским вакцинатором также был аомэньский купец Цю Си (邱燧), аналогично доставивший вакцину и метод с Филиппин в том же 1802 г. В Гуандуне активной пропагандой вакцинации занимался врач Британской Ост-Индской компании А. Пирсон¹. Вне Гуандуна первая вакцинация зафиксирована в 1827 г. в уезде Ичжан провинции Хунань. В Пекине впервые вакцинация была проведена в марте 1828 г. в Гуандунском землячестве, расположенном в Миши-хутуне. В 1831 г. фуцзяньский чиновник Янь Сюйгун (颜叙功) на собственные средства нанял специалиста по вакцинации, чтобы он распространял своё умение в Фучжоу и окрестностях. Во время эпидемии 1836 г. в Цзяннани (низовьях Янцзы) вакцину привозили из Хунани; прививочная кампания зафиксирована в Цзянси и в 1840 г. В целом, необходимость принятия срочных мер по вакцинации была осознана властями после сильной эпидемии оспы в 1872 г. Точное время распространения вариоляции и вакцинации в западных провинциях, в том числе Сычуани, пока установить не удалось. Тем не менее, в статье Хуй Кэ приведено ходатайство некоего врача Хэ Чуньлина (何春林) 1882 г. властям уезда Ба (Чунцинский), в котором говорится, что он хорошо владеет техникой вакцинации и практикует ее долгое время. Начальник уезда Ба не только дал разрешение, но и предоставил помещение под пункт вакцинации и уведомил жителей подвластной ему территории о возможности сделать прививку [7, с. 129; 9, с. 33–34].

Американский исследователь Кевин Кайнд в этом контексте уточнял, что кампании массовой вакцинации XIX в. совпадают с расширением колониальной экспансии как западных, так и азиатских держав, и могут рассматриваться как важный механизм «проекции имперского контроля» [4]². Как бы ни интерпретировать предпринимаемые меры, их масштабы впечатляют: в царской России немедленно была развёрнута вакцинация в бурятских кочевьях, в Швеции началась вакцинация саамов (лопарей) в северных губерниях, а США развернули вакцинацию на территориях Канады (регионы Гудзонова залива) и северной Мексики (Гуанахуато) после сильнейших эпидемий в среде индейцев, что, естественно, повышало популярность страны и федеральных властей. В Японии ещё в период сёгуната Токугава была развернута вакцинация айнов Хоккайдо, а после захватов Тайваня (1895) и Кореи (1910) обязательная вакцинация была распространена и на этих территориях [4].

Эпидемии оспы в Синьцзяне Цинской эпохи

Обращаясь к ситуации на территории Синьцзяна (Восточного Туркестана), можно сообщить следующее. Важным источником для исследований в области эпидемиологии и кампаний по вакцинации является опубликованный в 2012 г. «[Сборник] избранных архивных

¹ Оцифрованный китайский перевод руководства А. Пирсона в свободном доступе см.: Chinese Manuscript Ying-Chi-Li Kuo Hsin-Ch'u Chung-Tou // Wellcome Collection, JSTOR. URL: <https://jstor.org/stable/community.24739368>.

² Нам была доступна лишь HTML версия статьи без разделения на страницы.

документов Синьцзяна Цинской эпохи» (清代新疆档案选辑). Положение в Синьцзяне отличалось как от внутренних провинций (собственно Китая), так и от Северо-Востока (Маньчжурии): после подавления мусульманского восстания и окончательного присоединения Восточного Туркестана в 1877 г. среди беженцев, а затем и местного населения вспыхивали эпидемии, угрожавшие и Сянской армии, устанавливавшей цинскую власть [7, с. 129]. Однако проводить вакцинацию привычными для Китая и Маньчжурии методами было невозможно, так как совершенно отличалась социальная и этнорелигиозная ситуация, и функции китаизации и конфуцианизации региона взяла на себя армия. Военные власти занялись регулированием семейно-брачного права (об этом писал и Н.Ф. Катанов), а также основали сто конфуцианских школ для обучения детей уйгурских и прочих тюркских элит китайскому языку. Как показывают архивные материалы, подмастерья-вакцинаторы избирались именно из числа учащихся конфуцианских школ [4].

Эпидемическая ситуация в Восточном Туркестане, судя по материалам российских и западных путешественников, была напряжённой ещё с 1850-х гг., о чём свидетельствуют материалы Ч. Валиханова (1865) и Н.И. Пржевальского (1876), а также Т. Форсайта (1873). Уйгуры называли оспу *cheshäk* («цветок») или *yaman* («грозной [болезнь]»). Пржевальский указывал на летальность заболеваний, опустошивших целые селения в Лобнорском регионе незадолго до его экспедиции. Уйгурский историк XIX в. Муса Сайрама¹ свидетельствовал, что, когда Якуб-Бек вызвал к себе старейшин из Лобнора в Аксу, они заразили оспой окружение Бадаулета (прозвище Якуб-Бека) [4].

Применяемые методы лечения делали население бессильным от эпидемий. Практиковалось чтение молитв и ношение амулетов с кораническими текстами (*тумар*); в музейных коллекциях фиксируются амулеты, специально созданные для защиты от оспы. Западные миссионеры и путешественники указывали на фатализм населения и слепую веру, из-за которой тюрки-мусульмане не обращались к медикам, рассматривая смерть от заразных болезней как волю или кару Божию. В числе народных средств от оспы использовался ладан или иные каждения, которые должны были отогнать злых духов или устранить избыток «ветров» внутри организма (по крайней мере в одном медицинском тексте из Кашгара используется термин *cheshäkning yäli*, или «оспенный ветер») [4].

Здесь процитируем «статью» Н.Ф. Катанова об оспенной болезни, сообщённую ему информатором из Турфана Межит (или Мюжюп)-Ахуном. Русский текст публикуется впервые:

«VI. Оспенная болезнь

25 июля [1891 г.]

«Болезнь, называемая оспой, появляется однажды в два года или три года. Если она явится в первый раз, и если тогда будет умирать много детей, то впоследствии (болезнь) будет лучше. Если сначала она явится спокойно, то впоследствии будет (народ) умирать хуже. В то время, когда эта оспенная болезнь появится на маленьких детях, то в первые пять-шесть дней она разгорячает тело (ребенка); когда пройдет после разгорячения тела семь дней, то оспа появится местами. В восьмую ночь (болезнь) вся выступит на поверхность (кожи). Ребенка, на котором высыпала оспа, помещают в темное место; вносят его и заботятся об нем в таком месте, которого не видят люди. Когда по появлении оспенной сыпи пройдет три дня, перед дверями разводят огонь. Называют его (огонь) «исрик» (обжога). Видя этот огонь, (по-

¹ Годы жизни 1836–1917. Происходил из деревни в окрестностях Кучи, где учился в медресе вместе с сыном Бурханадина Ходжи – одного из религиозных лидеров Кучинского юрта. С началом Дунганского восстания 1864 г. Муса присоединился к нему, став наместником в Аксу и Уч-Турфане. С 1867 г. служил при дворе и в администрации Якуб-Бека, в том числе налоговым ведомстве Аксу. После подавления восстания жил в Аксу; в 1903 г. закончил «Тарих-и эменийе» («История спокойствия и безопасности»), написанную на чагатайском языке – литературном у уйгуров того времени, но отмеченным влиянием живого языка. Трактат впервые опубликован в Казани в 1905 г., в переводе на современный уйгурский язык опубликован в Урумчи в 1988 г. Оригинал см.: *Sairami, Musa. Ta'rikh-i emeniyye. Qazän : Tab'khâne-i Medrese-i 'Ulüm // Widener Library, Harvard Univ. URL: [https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:10845180\\$11i](https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:10845180$11i)*

сторонние) люди не будут входить в этот дом. Когда после появления оспенной сыпи пройдет пять дней, оспа наливается водою. По истечении семи дней оспа делается коровьим жиром. В восьмую ночь (оспа) около полуночи начинает лопаться. После этого ребенку станет легче. К одиннадцатому дню оспа уподобляется кумачу (красная материя), и по отпадении (струпьев) ребенок исцеляется. Если оспа придет хорошо (т.е. ненадолго), то (ребенок) исцеляется через двенадцать дней; если она примет худой оборот, то после срока, когда должно было бы последовать исцеление, по истечении четырнадцати или пятнадцати дней появляется особый род оспы, называемый настоящая оспа. Когда появится эта оспа, то выздоровевший ребенок начинает ослабевать и изо дня в день становится хуже; Впоследствии, когда исполнится семнадцать дней, (ребенок) умирает. Когда появится эта настоящая (черная) оспа, то (ребенок) никогда не поправится. Худую оспою считается оспа обильная настоящая (черная).

Хан (т.е. Император) высылает (для своего народа) из Бэй-дзина (Пекина) китайцев, которые сеют (т.е. прививают) всех родов оспу. Эти китайцы прививают оспу как детям туземцев (т.е. татар)¹, так и детям дунган и китайцев. Детям, которым со дня рождения прошла сорок дней, прокалывают ножичком (т.е. ланцетом) плечо правой руки, делая маленькие-премаленькие проколы, и, измельчивши зерна оспы (т.е. струпья натуральной оспы), превращают их в тесто и, помазавши им то место плеча ребенка, которое проколото, перевязывают (платком). Эта оспа по истечении шести дней высыпает наружу; идя дальше, через девять дней она начинает лопаться. Эта посеянная (привитая) оспа не затягивается более десяти дней. Поэтому-то дети не умирают, а выздоравливают. С тех пор, как китайцы (впервые) привезли это оспенное лекарство в Турфан, прошло десять лет» [2, л. 170, 179–180].

Приведем репродукцию уйгурского текста в латинской транскрипции К. Менгеса (примечание, что текст продиктован в Турфане, ошибочно) [5, II, s. 38]:

¹ «Татары» в терминологии Н.Ф. Катанова – уйгуры.

XLV. Čáčäk kiseli.

Dikiert von Mežit-Äxun am 25. VII. 1891 in Turfän.

1 Čáčäk dägän kisäl ikki jilda, üç jilda bir kälär. 2 Burun kalgändä äggelidä uşaq bañlar tola ölsä, exiri jaxşi bolar. 3 Äggelidä tinč käläsä, exirisi jaman ölä. 4 Kičik bañlarğa bu čáčäk čiqar gaxta baş alti kün baldir bojini qizitar; boji qizip jätti kün boñanda birä-bir körünär. 5 Sekizinči kăčesi hämmesi örläp-čiqar. 6 Bu čáčäk čiqqan baleni qarañyu järgä apkirip kişi körmäjdurğan džajğa apkirip baqarlar. 7 Čáčäk čiqip üç kün boñanda šu eşikniñ ajiğa ot jeqip-qojarlar. 8 Eni isriq dārlär. 9 U otni körüp adāmlär bu öjgä kirmäslär. 10 Bu čáčäk körünüp baş kün boñanda suğa añurlar. 11 Jätti kün boñanda čáčäk uj jeyi bolarlar. 12 Sekizinči kăčesi tün jārimida čekilärlär. 13 Bu balağa andin arām bolurlar. 14 On bir küngäčä qara qumaş bolup tökülüp saqajarlar. 15 Bu čáčäk abdān käläsä, on ikki kündä saqajarlar; jamallap-qalsa, bu čáčäk saqajandin-kejin on tört, on baş kün boñanda böläk jalañ čáčäk dāp bir čáčäk čiqarlar. 16 Bu čáčäk čiqqandin-kejin saqajyan bala ädžizlap kündin küngä jaman bolar; exir onjätti kün boñanda ölärlär. 17 Bu jalañ čáčäk čiqsa, här giz saqajmaslar. 18 Jaman čáčäk käläsä, jalañ čáčäk tola bolur. 19 Šu uçuridin jaman čáčäk dārlär.

20 Bu čáčäkniñ hämmesidin Pā-džinčin čáčäk teriduğan Xitälarni xān čiqeripts. 21 Bu Xitälär, xāji jārlik balesi bolsa-ma, xāji Xitā Tūngänniñ bolsa-ma, bañleriğa čáčäk terids. 22 Tuñuñup qirq kün boñan bañlarniñ oñ qoliniñ möresigä pičaq urup az-az džirap apkalgān čáčäk tuqumini jančip xemir qilip šu baleniñ möresini kākān jerigä sürüp teñip-qojar. 23 Bu čáčäk alti kün boñanda ünüp-čiqar; berip toquz kündä čekilär. 24 Bu teriyan čáčäk ondin tola bolmaslar. 25 Eniñ-üçün ölmäy balalar saqajarlar. 26 Šu čáčäk dōrisini Xitā Turpāñğa apkalgūli on jil ötti.

В переводе К. Менгеса *исрик* передан словом *räucherung* [5, II, s. 39], иными словами, «обжога» перевода Н.Ф. Катанова является воскурением благовоний с целью отогнать духа болезни. 24 сентября 1891 г. тот же Межит-Ахун уточнил детали ритуала очищения от оспенной болезни: если после выздоровления не прошло трёх лет, мусульманин должен очищаться дымом горящего можжевельника и отрубей 41 раз, а затем 41 раз перепрыгнуть через горящие можжевельник и отруби, после чего броситься в реку [5, I, s. 55, 57]¹.

Вариоляция, судя по сообщениям Ч. Валиханова от 1858–1859 гг., в какой-то форме была известна жителям Кашгара и распространялась через местных религиозных (мусульманских) авторитетов. Материалы Синьцзянского архива позволяют заключить, что вариоляцию осуществляли ходжи из Коканда, которые работали также в казахских общинах, а в Семиречье процедура широко проникала из России. Упоминается также некий Дарвиш Моллам, обучившийся вариоляции в Ганьсу и практиковавший её в родном Луньтае (Бюгюр). О Турфане до 1877 г. в контексте распространения инокуляции в документах не упоминается [4].

Турфанское бюро оспопрививания

После умиротворения Синьцзяна в 1877 г. командующий Сянской армией Цзо Цзунтан (左宗棠, 1812–1885) предпринял ряд мер по интеграции и ассимиляции Северо-Запада в составе Китая. Принципиальной особенностью новой политики стало то, что Цзо Цзунтан начал организацию новой провинции по образцу не «застенных» территорий, а системы внутренних провинций. Кроме того, выдвигалось мнение (в частности, Б. Уокером), что на архитекторов Синьцзяна отчасти мог повлиять японский опыт освоения Хоккайдо в те же

¹ Запись этого ритуала сохранилась только в публикации К. Менгеса, ибо в рукописи [2] текст обрывается записями от 26 августа.

годы [4]. Первый губернатор Синьцзяна Лю Цзиньтан (刘锦棠, 1844–1894) в 1881 г. доносил в Пекин, что Куча и Карашехр опустошены оспой, которая привела к массовой детской смертности и убыли как монгольского, так и мусульманского населения. В том же году военный наместник Турфана Ян Данянь в своем меморандуме сообщал, что население региона не увеличивалось с XVII в. Летом 1882 г. в округе Турфан произошла сильнейшая вспышка оспы, и она затронула гарнизоны Сянской армии. В результате именно армия изыскала средства и организовала бюро вакцинации в Турфане, Комуле, Урумчи, Кашгаре, Хотане, и других оазисах [4].

В опубликованных архивных материалах Турфана касаются две записи: из «Описания Турфанской префектуры» (吐鲁番地区志) и «Записок о Турфане» (吐鲁番市志). Турфанская уездная префектура была образована в 1882 г., и в 1884 г. при ней учредили Бюро оспопрививания (牛痘局), где работали три врача: Сян Чэндэ, Чжан Сяньпэй и У Сяньлинь; однако другие материалы позволяют утверждать, что бюро функционировало с сентября 1881 г. [7, с. 130]. Вакцины и инструменты, используемые в бюро вплоть до начала XX в., в основном импортировались из России через Кашгар и Кульджу (Или), впрочем, основным источником биологического материала оставались люди, получившие иммунитет от вакцины. Преимущественно, вариоляцию практиковали частные медики [7, с. 131].

Финансирование Турфанского бюро осуществлялось по тем же правилам, что и в застенных провинциях Китая или на Северо-Востоке. В основном бюро существовало за счет пожертвований батальонов Сянской армии, частных лиц, а также авансов от Турфанской префектуры (в основном, отчислений от зерновой монополии). В общем финансовом балансе доля данных источников доходов постоянно менялась, но в целом хроническое недофинансирование было налицо. Армейские власти заботились, чтобы навыки оспопрививания получали и местные жители: в «Избранных архивных материалах» опубликован рапорт командира Яна губернатору Лю Цзиньтану о прикреплении к каждому врачу-вакцинатору (痘師 *доуши*) двух местных мусульман и двух дунган для обучения [7, с. 132]. Как уже упоминалось выше, учеников часто набирали из конфуцианских школ, что стало официальной политикой с 1890 г. Известны биографии двух мусульманских вакцинаторов из Турфана, оба перед прикреплением к Бюро оспопрививания обучались на китайском языке в конфуцианской школе. Ученики Бюро получали жалованье два лян серебра и 15 цзиней риса в месяц, тогда как китайские медики получали 20 лян в месяц серебром и премии за каждого ученика, завершившего обучение. Речь, вероятно, шла о политике экономии: со временем Бюро должны были замещать подготовленные местные жители, которым платили значительно меньшее жалованье, и отпадала бы нужда нанимать специалистов из Внутреннего Китая [4].

Для обучения вакцинации Лю Цзиньтан заказал за счёт казённых фондов «Новое введение в оспопрививание» (引种牛痘新书) и «Новая книга о возвращении и защите благополучия детей» (遂生福幼合編); эти трактаты представляли собой взаимодополняющие традиции китаизированной западной и традиционной китайской медицины. В Турфан экземпляры пришли ещё в январе 1881 г. Студенты Бюро обучались на практике: в отчете 1885 г. утверждалось, что уйгур Темюр привил более шестисот детей и на практике освоил изготовление двухсот видов лекарств. Из отчетов Турфанского бюро можно понять, что студенты учились фармакопее по «Сокращённому и пересмотренному рецептурному сборнику» (删改医方合編), а также заучивали предписания и рецепты в поэтическом виде [7, с. 132]. Кроме того, в Хомуле в 1884 г. был напечатан перевод на чагатайский язык описания вакцинации «Şeşäk täridurghanning bayani», выполненный на основе «Элементарных сведений о коровьей оспе» (牛痘浅说). Как отмечал К. Кайнд, это точный перевод китайского оригинала, хотя и адаптированный к мусульманскому мировоззрению и медицинской (гуморальной) теории. Впрочем, не существует никаких свидетельств, что переводное издание использовалось в практике именно Турфанского бюро [4]. Как отмечал К. Кайнд, места надрезов для введения вакцины рекомендовались по акупунктурным точкам традиционной китайской медицины. Оспа в традиционной китайской медицине рассматривалась как заболевание, передаваемое через мате-

ринскую кровь (胎毒), поэтому появление пустул и их вскрытие перед заживлением интерпретировались как «вытягивание яда», чему должна была способствовать диетологическая практика и прием тонизирующих средств (補藥) [4].

Постоянным главой Турфанского бюро с 1882 г. служил Ли Динжун, к которому прикрепили шесть учеников: одного дунганина и пятерых «мусульман» (самоназвание уйгуров того времени); зоной их ответственности объявлялась вся Турфанская котловина. В основном вакцинацию проводили в Турфане, Люкчуне (Н.Ф. Катанов именовал его «Логучен») и Пичане. Реакция местных жителей в отчетах помечена как положительная: к осени 1882 г. уездный начальник Ян отчитывался о прививке 393 детям, большинство из которых сделал ученик-дунганин Ма Цзыцзюнь. Через год ему была доверена самостоятельная работа, а жалованье повышено до 8 лянов серебра в месяц [4].

Доставка сухой вакцины в Турфан ввиду климатических особенностей и огромных расстояний и бездорожья оказывалась затруднительной. Сухая вакцина иногда портилась или теряла эффективность от долгих месяцев хранения и перевозки. В процитированном выше сообщении Межит-Ахуна Н. Ф. Катанову упоминаются «зерна оспы» (по-уйгурски *чечак тугуми*), используемые для вариоляции [2, л. 180; 5, II, с. 39]. В 1890 г. уездный начальник Турфана по фамилии Фу предписал медику Лю Чжаодаю отправить для вакцинации девятилетних детей в Урумчи, чтобы по возвращению в Турфан использовать их материал для вариоляции на месте. Операция прошла успешно, и в конце 1890 г. Лю Чжаодай повторил эти действия ещё с четырьмя детьми. Несмотря на небольшое число медиков, можно сделать вывод, что за первые годы своего существования Бюро привило 4% всего населения Турфана [4]¹. Серьезные успехи объяснялись продуманностью государственной политики, а также фактом, что вакцинация проводилась бесплатно [7, с. 132].

Заключение

Экспедиционные дневники Н.Ф. Катанова являются комплексным историческим источником, которые представляют собой памятник позитивистской методологии полевых исследований XIX в. Среди сведений, сообщенных Н.Ф. Катанову летом 1891 г. его информатором Межит-Ахуном, уроженцем Турфана, содержался примечательный текст об оспопрививании, который может быть дополнен по немецкой публикации К. Менгеса, текст которой в России не сохранился. Публикация К. Менгеса сопровождается уйгурским оригиналом в латинской транскрипции. Рассказ Межит-Ахуна содержит народные уйгурские представления о течении и прогнозе оспенной болезни у детей, а также сведения о цинской политике в области медицинского обслуживания мусульманского населения. Данные сюжеты дополняются полевыми свидетельствами выдающегося бурятского исследования Г.Ц. Цыбикова, который описывал ход вариоляции у монголов Цинхая в 1901 г. В Китайской Народной Республике вопросы вакцинации начали последовательно исследоваться с 1990-х гг., однако первые публикации по противооспенным мерам в Синьцзяне появились незадолго до коронавирусной пандемии 2019–2020 гг. Первая англоязычная статья К. Кайнда (2024) сильно идеологизирована, ставя во главу угла вмешательство цинских властей в повседневную жизнь мусульманского населения, и делая акцент на том, что в XIX в. массовая вакцинация являлась составной частью колониальной политики империализма.

Литература и источники:

1. Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником онога Н.Ф. Катановым / отв. и науч. ред.: Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова, Д.Е. Мартынов. Введение Р.М. Валеева, Д.Е. Мартынова, Ю.А. Мартыновой и В.Н. Тугужековой. Подг. к изд., сост., комментарии, указатели Д.А. Данькиной, Р.М. Валеева, Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартынова, Ю.А. Мартыновой, Ф.Г. Миниханова, М.С. Минеевой, В.Н. Тугужековой. Вступ. статьи А.М. Сибгатуллина, И.Г.

¹ Согласно географическому цинскому описанию, население уезда Турфан в 1908 г. достигало 60 тыс. чел.

- Смолиной, И.Р. Гафурова. – Казань: Артефакт, 2017. – 734 с.
2. Поездка в Семиречье и Тарбагатай. Дневник путешествия, совершенного в 1891 году по поручению Императорского Русского Географического Общества членом-сотрудником оно-го Н.Ф. Катановым // ГА РТ. – Ф. 969, оп. 1. – Д. 11. – 558 л.
3. Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета // Избранные труды в двух томах / Отв. ред. Р.Е. Пубаев. Изд. 2-е. Т. 1. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1991. – 250 с.
4. Kind K. Protecting the Musulman Children: Smallpox Epidemics, Chinese Medicine, and Vaccination Colonialism in Late Qing Turpan, 1880–1911 // Journal of Asian Studies. – 2024. – Vol. 83, Iss. 1. – P. 62–87. – URL: <https://read.dukeupress.edu/journal-of-asian-studies/article-abstract/83/1/62/384172/Protecting-the-Musulman-ChildrenSmallpox-Epidemics?redirectedFrom=fulltext>
5. Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan: aus dem Nachlass von N. Th. Katanov; aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften Philosophisch-Historische Klasse 1933 und 1936; Mit einem Vorwort zum Neudruck von Karl Heinrich Menges und einer Bibliographie der Schriften Menges von Georg Hazai. – Leipzig: Zentralantiquariat der Deutschen Demokratischen Republik, 1976. – XVIII, 123, 185 S.
6. Лю Сэнь (柳森). Люши Баньчань юй тяньхуа гуаньси каолюэ (六世班禅与天花关系考略, Предварительное исследование связей VI Панчен-ламы с оспой) // Сицзан яньцзю (西藏研究, Тибетские исследования). – 2012. – №6. – С. 40–46.
7. Люй Жуй (吕锐). Вань Цин Тулуфань нюдоу цзюй дэ шэли юй юньчжуань – цзюйюй «Циндай Синьцзян даньбань сюаньцзи» дэ фэньси (晚清吐鲁番牛痘局的设立与运转—基于《清代新疆档案选辑》的分析, Создание и деятельность Турфанского бюро вакцинации Поздней династии Цин: анализ «Избранных архивов Синьцзяна времен династии Цин») // Юань шэнтай миньцзу вэньхуа сюэкань (原生态民族文化学刊, Журнал самобытной экологической национальной культуры). – 2019. – №1. – С. 129–134.
8. У Цюн (吴琼). Вань Цин Тулуфань нюдоу цзюй яньцзю (晚清吐鲁番牛痘局研究, Исследование Турфанского бюро вакцинации в эпоху Поздняя Цин) / Магистерская диссертация. Науч. рук.: проф. Мэн Нань (孟楠). – Урумчи: Синьцзянский ун-т, 2019. IV, 45 с.
9. Хуй Кэ (惠科). Цюаньли юй жичан шэнхо: Вань Цин Чунцин дэ чжундоу фаньи юй хуаньцзин вэйшэн ходун тань цзе (权力与日常生活: 晚清重庆的种痘防疫与环境卫生活动探赜, Власть и повседневность: исследования вакцинации и профилактики оспенных эпидемий и мероприятий по охране окружающей среды в Чунцине периода Поздней Цин) // Чжун ияо вэньхуа (中医药文化, Китайская медицинская культура). – 2019. – Т. 14, №4. – С. 32–40.

УДК: 327

Мирошникова Анастасия Олеговна, бакалавр
Второй Пекинский институт иностранных языков
miroshnikovanastasia18@gmail.com

Эпштейн Виталий Анатольевич, канд. социолог. наука, доцент
Кафедра мировой экономики и международных отношений
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
epshteinv@gmail.com

РОЛЬ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В ОБОРОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В 1964 г. Китайская Народная Республика вступила в «ядерный клуб», осуществив первое испытание ядерного оружия (ЯО), и включила ЯО в военные доктрины, которые с 1993 года начали формулироваться на основе наступательных, а не оборонительных принципов. В 2001 году председатель КНР Цзян Цзэминь выдвинул стратегию развития оборонного потенциала и модернизации НОАК до середины XXI века, в которой ЯО сохраняет свою ключевую роль. Таким образом, Китай обладает ядерными силами, которые включают все компоненты «ядерной триады» и утверждает, что имеет технические возможности для ответного разрушительного удара в случае ядерного нападения со стороны любого противника.

К 2030-2035 годам, по открытым оценкам Министерства обороны США, в КНР будет развернуто более 1000 ядерных боеголовок высокого уровня готовности. Таким образом Пекин стремится реализовать планы по модернизации НОАК и, с одной стороны, продолжает активные разработки в области доставки ЯО на территорию вероятного противника, а с другой заявляет о готовности приложить усилия по прекращению гонки вооружений, как только остальные ядерные державы начнут движение в сторону сокращения ЯО. Все это, вкупе с игнорированием Договора о запрещении ядерного оружия (2017), говорит о двойственной политике КНР в сфере ЯО.

Ключевые слова и фразы: Китайская Народная Республика, ядерное вооружение, ядерная программа Китая, история развития ядерной программы Китая, оборонный потенциал, международная обстановка

Miroshnikova Anastasia Olegovna, Bachelor
Second Beijing International Studies University
miroshnikovanastasia18@gmail.com

Epshtein Vitaly Anatolyevich, Ph.D. in Sociology, Associate Professor
Department of World Economy and International Relations
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
epshteinv@gmail.com

THE ROLE OF NUCLEAR WEAPONS IN THE DEFENCE CAPABILITY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Abstract. In 1964, the People's Republic of China joined the "nuclear club", having carried out the first test of nuclear weapons (NW), and included NW in military doctrines, which since 1993 began to be formulated on the basis of offensive rather than defensive principles. In 2001, Chinese President Jiang Zemin put forward a strategy for the development of defense capabilities and modernisation of the PLA until the middle of the 21st century, in which NW retains its key role. Thus, China possesses nuclear forces that include all the components of the 'nuclear triad' and claims to have the technical capabilities to respond with a destructive strike in the event of a nuclear

attack from any enemy.

By 2030-2035, according to open estimates by the US Department of Defense, more than 1,000 high-readiness nuclear warheads will be deployed in the PRC. Thus, Beijing is striving to implement plans to modernize the PLA and, on the one hand, continues active development in the field of NW delivery to the territory of a potential enemy, and on the other hand declares its readiness to make efforts to end the arms race as soon as the other nuclear powers begin to move towards reducing NW. Coupled with the disregard for the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons (2017), this indicates the dual policy of the PRC in the field of NW.

Key words and phrases: People's Republic of China, nuclear weapons, China's nuclear programme, history of China's nuclear programme development, defence capabilities, international environment

Анализируя изменяющуюся картину современного мира, многие исследователи задаются вопросом о теоретической возможности применения ядерного оружия тем или иным официальным государством-обладателем, участником договора ДНЯО (1968). И если для большинства позиции США, Франции и Великобритании остаются очевидны и неизменны, законодательная база Российской Федерации переосмысливается именно здесь и сейчас (25 сентября 2024 г. президент страны объявил об изменениях в ядерной доктрине страны), то позиция ещё одного официального участника ядерного клуба – Китайской Народной Республики, для многих остается мало понятна, так как официальный Пекин не раскрывает информацию о ракетно-ядерном арсенале и не участвует в переговорах по ядерному разоружению.

Специалисты в области ракетно-ядерной безопасности знают, что современная оборонная стратегия КНР обозначена в Белой книге 2019 года под названием «Национальная оборона Китая в новую эпоху». В ней Китай определяет причины и условия применения своего ядерного оружия.

В Белой книге 2019 года заявлены пять пунктов, которых придерживается КНР:

1. Политика декларирования:

Китай придерживается политики самообороны, ядерное оружие необходимо стране для сдерживания других государств от применения ядерного оружия против Пекина. Для КНР ядерное оружие, это способ обеспечения национальной стратегической безопасности;

2. Политика использования:

Китай проводил и будет проводить ядерную политику неприменения ядерного оружия первым;

3. Политика развертывания:

КНР при любых обстоятельствах безоговорочно воздерживается от применения ядерного оружия первым как против ядерных, так и против безъядерных стран, тем более, стран, которые являются составной частью так называемых зон свободных от ядерного оружия;

4. Политика развития:

Китай не участвует в гонке вооружений, поэтому сохраняет свои собственные ядерные силы на минимальном уровне, который необходим для обеспечения национальной безопасности;

5. Политика контроля:

Китай поддерживает политику как горизонтального, так и вертикального ядерного нераспространения и призывает страны начать полное разоружение, а также выступает за полный запрет и уничтожение ядерного оружия [4].

Необходимо отметить, что стратегия Китайской Народной Республики образца 2019 года является результатом длительного эволюционного пути, который начался 15 января 1955 года, когда политическое руководство страны приняло решение о разработке атомной бомбы. Это решение стало ответом на угрозы со стороны США о готовности нанести ядерный удар по территории Китая, которые прозвучали в связи с втягиванием частей Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в боевые действия на территории Корейского полуострова (Корейская война 25 июня 1950 года – 27 июля 1953 года).

На наш взгляд можно говорить о пяти этапах создания ракетно-ядерного вооружения Китайской Народной Республики:

Таблица 1.

Этапы создания ракетно-ядерного вооружения КНР.

Этапы	Года	Описание
1	1950 – 1955	Угрозы ядерного нападения со стороны США и принятие решения руководством Китая о разработке ядерного оружия
2	1955 – 1960	Разработка ядерного оружия при сотрудничестве с СССР
3	1960 – 1964	Разрыв отношений с СССР, начало самостоятельных разработок и создание ядерного оружия. Создание ядерной бомбы на Ланьчжоуском заводе и испытание на военном полигоне «Лобнор»
4	1964 – 1967	Создание и испытание водородной бомбы. Разработка и испытание первой китайской баллистической ракеты типа «земля-земля» «Дунфэн-2»
5	С 1967 г. по н.в.	Количественное и качественное развитие ядерного арсенала КНР (политика т.н. «вертикального распространения»)

Говоря об основных этапах, необходимо отметить мотивы руководства Китайской Народной Республики, которые привели к принятию решения о создании собственного ядерного оружия.

1. Национальная гордость и самоутверждение

После «Века унижений», Китай рассматривал создание ядерной бомбы, как возможность повысить престиж страны на международной арене;

2. Утверждение суверенитета во внешней политике и формирование национальной идентичности

Для КНР разработка ЯО была способом выхода из-под опеки более сильной страны (СССР), а также способом обретения и реализации независимой политики;

3. Стремление к росту глобального влияния

Создание ядерного оружия Китаем, автоматически повышало его значимость на политической арене, обеспечивало поддержку национальных интересов и укрепляло вес страны в переговорных процессах;

4. Стремление к региональному лидерству

Обретение ЯО превратило Китай в регионального лидера Азии, заставило соседние страны считаться с военной мощью и мнением Китая;

5. Внутриполитические мотивы

Ядерное оружие не только повысило популярность руководства страны в глазах населения страны, но и отдавало полный контроль над военными силами страны высшему политическому руководству;

6. Экономическая выгода

Создание бомбы стало крайне дорогостоящим предприятием, однако после создания мощного оружия, стране не требовалось ускоренными темпами модернизировать обычные вооружения для обеспечения национальной безопасности;

7. Стремление ускорить экономическое развитие страны

Крупномасштабные проекты могут дать толчок дальнейшему развитию экономики вообще и смежных отраслей в частности. В результате реализации ядерного проекта ускоренное развитие получили: медицина, сельское хозяйство, геодезия, машиностроение, металлургия, химическая промышленность и строительство [1, с. 83].

Говоря о ядерной стратегии Китайской Народной Республики, на наш взгляд, можно говорить о девяти этапах ее формирования:

Таблица 2.

Военные доктрины Китая до 2019 года [2].

Военная доктрина (ядерная стратегия)				
№	Год	Название стратегии	Вид доктрины	Вид конфликта
1	1956	Защита Родины	Оборонная	Мировая война
2	1960	Сопrotивляться на севере, открываться на юге	Оборонная	Мировая война
3	1964	Заманить врага вглубь страны	Оборонная	Мировая война
4	1977	Активная оборона – «Народная война»	Оборонная	Мировая война
5	1980	Активная оборона – «Народная война в современных условиях»	Оборонная	Мировая война
6	1988	Противостояние в локальных военных конфликтах	Оборонная	Локальный конфликт
7	1993	Победа в локальных конфликтах в современных высокотехнологичных условиях	Наступательная	Локальный конфликт
8	2004	Победа в локальных конфликтах в условиях информатизации	Наступательная	Локальный конфликт
9	2013	Победа в информационных и локальных конфликтах	Наступательная	Локальный конфликт

Начиная с основания КНР в 1949 году, было выпущено множество военных доктрин, в которых описывались принципы защиты страны и перечислялись основные национальные интересы, однако в рамках данной работы, нас интересуют 9 «белых книг», в тексте которых были отражены кардинальные изменения способов введения возможных боевых действий и условия применения ядерного оружия.

Учитывая международную обстановку, начала 1950-ых годов, когда США и СССР уже обладали ядерным оружием, в высших кругах коммунистической партии Китая сформировалось две позиции по вопросу ЯО, которые не противоречили друг другу:

1. Ядерное оружие – «бумажный тигр» («纸老虎»).

Этот подход страна официально декларировала как для собственного населения, так и для представителей других стран, стремясь убедить внешний мир в том, что сильному Китаю не страшна ядерная угроза и страна сможет справиться с последствиями возможной ядерной войны.

2. Ядерное оружие – признак сильной и независимой страны, которая сможет реализовать руководящую роль в процессе осуществления мировой революции.

Однако в 1960-ых годах, после разрыва отношений с СССР, риторика китайского поли-

тического руководства изменилась. В этот момент источником военной угрозы для страны были признаны не только США, но и Советский Союз, в результате чего возникла концепция «борьбы на два фронта»:

- против империализма;
- против «советского» ревизионизма».

В результате произошедших изменений возникло осознание неизбежности очередной мировой войны.

После создания и первого испытания ядерного оружия (16 октября 1964 года) китайское политическое руководство, осознавая свое отставание в ракетно-ядерном вооружении от США и СССР, начало декларировать три основных принципа политики в ядерной сфере:

1. Неприменение ядерного оружия первым;
2. Оборонительный характер ядерной доктрины;
3. Стремление к полному ядерному разоружению, как идеальной конечной цели в будущем [1, с. 40].

Говоря об эволюции ядерной стратегии КНР необходимо отметить, что с 1956 по 1977 год официальный Пекин придерживался единых подходов давая им разные наименования. Суть стратегии в указанный период заключалась в том, что в случае применения противником ядерного оружия и уничтожения большинства или всех значимых промышленных объектов КНР, победа (в китайском понимании этого термина) одержана не будет, так как Китай обладает обширными территориями с преобладанием сельского населения.

В случае дальнейшего (как предполагали китайские военные стратеги) продолжения боевых действий и сухопутного вторжения войск противника, население КНР даст отпор агрессору и все равно одержит победу (изгнав противника с территории КНР).

Именно эта ключевая идея легла в основу концепции «Народной войны». Идея так называемой «Активной обороны», утвердившаяся в 1977 году, заключалась в том, чтобы не заманивать, как предполагалось прежде, противника вглубь страны, подвергая риску уничтожения существующую инфраструктуру и экономический потенциал, а быстрыми ударами уничтожить силы противника на начальном этапе вторжения. Это было связано с тем, что в 1970-ых годах при Дэн Сяопине, в том числе в результате испытания термоядерного боеприпаса, которое состоялось 17 июня 1967 года, произошел пересмотр и модернизация ядерной стратегии.

Результатом произошедших перемен становится принятие в 1980 году новой стратегии «Народной войны в современных условиях», которая включает в себя применение новых способов ведения войны и более совершенных (термоядерных) видов ядерного вооружения.

В связи с улучшением отношений с США (1970-е годы) и началом политической перестройки в СССР (конец 1980-ых годов), когда очевидным стремлением политического руководства СССР стал вывод войск с территории Афганистана, руководство Китая начинает отходить от идеи «Всеобщей войны» и концентрироваться на возможных локальных войнах с минимальной интенсивностью.

В этих условиях была утверждена очередная военная стратегия - «Локальная война в условиях высоких технологий», ее основное отличие от предыдущих заключается в том, что она приобрела вид атакующей стратегии, так как допускала применение превентивного удара за пределами территории КНР. Позже, при сохранении основных принципов, она была переформулирована в стратегию - «Победа в локальной войне в условиях современных технологий».

Основными характеристиками этой стратегии, принятой в 1993 году, были:

1. Ограниченность стратегических и военных целей;
2. Внезапное начало войны;
3. Минимальная интенсивность конфликта;
4. Применение новейшего вооружения [2].

В те же годы, в условиях меняющейся международной обстановки: распад СССР, появление новых стран с ядерным оружием (Украина, Белоруссия, Казахстан), государства-

обладатели ЯО, начали политику модернизации и увеличения запасов ЯО. Этот путь стал основополагающим и для Китайской Народной Республики.

Большинство ракет, оснащенных ядерными боеголовками, были жидкотопливными и требовали длительного времени подготовки к старту, что снижало оперативность ответного удара со стороны КНР. В этой связи в 1980-е годы страна перешла к развертыванию новых мобильных баллистических ракет средней дальности (мобильный ракетный комплекс), шахтных МБР, способных поражать территории СССР и США и подводных лодок с ядерными ракетами на борту, начались активные разработки ракет с двигателями на твердом топливе. Основное внимание уделялось не количественному, а качественному изменению ракетно-ядерного арсенала.

Изменяющиеся внешние условия подталкивает китайское политическое и военное руководство к очередной смене ядерной доктрины и переходу от «ограниченного сдерживания» к «ограниченной ядерной войне».

Отдельно стоит сказать, про концепцию «минимального сдерживания» и «ограниченного сдерживания». Под «минимальным сдерживанием» китайские эксперты подразумевают возможность нанесения некоторого числа ответных ударов по стратегическим и уязвимым целям противника. Под «ограниченным сдерживанием» подразумевается возможность и способность управлять конфликтом с применением ядерного оружия. Отвечая ударом на удар, не допускать эскалации конфликта до уровня, на котором КНР уже не сможет дать адекватный ядерный ответ.

В начале XXI века (2004 год) была принята новая концепция, в которой Китай начал ориентироваться на «победу в ограниченной войне в условиях информатизации». В основном это относится к изменению и улучшению способов обмена информацией во время военных операций и боевых действий. Говоря о ядерной доктрине необходимо отметить, что Китай начал придерживаться стратегии «ограниченного развития», согласно которой страна может иметь технические возможности, позволяющие нанести ответно-встречный удар более разрушительной силы, нежели тот, что будет нанесен атакующим противником.

В 2013 году произошла очередная смена стратегии. «Победа в информационных и локальных конфликтах» говорит о необходимости победы в «информационной войне», а также делает упор на развитие военно-морских сил КНР [6]. В том же году председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что одна из стратегических целей Китая на ближайшие десятилетия — создание вооруженных сил, способных «сражаться и побеждать» в современных войнах. В связи с чем в 2015 году началась масштабная реорганизация Народно-освободительной армии Китая, которая заключалась в сокращении численности вооруженных сил на 300 тыс. человек, изменении организационной структуры и создании Войск стратегической поддержки (иначе Силы стратегического обеспечения).

Доктрина 2019 года под названием «Национальная оборона Китая в новую эпоху», делается упор на решение внутренних вопросов (Восточный Туркестан, Тибет и Тайвань), на продолжающуюся реорганизацию армии, на возрастающую значимость военно-морского флота, безопасность в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР), а также на важности защиты интересов Китая в космическом и киберпространстве [4].

Многочисленные изменения и военная модернизация должны дать свой результат до 2049 года, когда будет отмечаться 100 лет Китайской Народной Республики. Основными направлениями развития обозначены:

1. Модернизация национальной обороны и вооруженных сил;
2. Увеличение орбитальной группировки;
3. Полное воссоединение страны;
4. Вооруженные силы «мирового класса».

Для реализации всего перечисленного предложены два этапа:

Первый этап (2021-2035 гг.)

В это время в военной сфере должно состояться (еще до 2030 года) наращивание орбитальной группировки до 200 спутников и, по всей видимости, достижение порога в 1000

ядерных боеголовок, находящихся на оперативном дежурстве (высокий уровень готовности).

Второй этап (2035-2049 гг.)

К 2035 году Китай должен достичь международного статуса, который Си Цзиньпин описывает как «глобальный лидер по уровню совокупной национальной мощи и международному влиянию». Вооруженные силы страны должны стать силами «мирового класса», которые будут способны «сражаться и побеждать» [5].

Таким образом, ещё в 1996 году Китай завершил череду ядерных испытаний (совершив 47 ядерных взрывов), подписав Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, но не ратифицировав документ. Однако это не мешает активному развитию ракетно-ядерного арсенала КНР, причем как в количественном, так и в качественном измерении.

В настоящее время КНР обладает полноценной ядерной триадой: ракеты наземного базирования (как стационарные, шахтного размещения, так и мобильные, в виде так называемых грунтовых комплексов), ракеты подводных лодок и бомбардировочная авиация, способная нести ЯО. Страна не принимала участия в разработке и подписании в 2017 году Договора о запрещении ядерного оружия (Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, TPNW), который запрещает разработку, испытание, хранение, приобретение, транспортировку и использование ядерного оружия.

Согласно данным «Бюллетеня ученых-атомщиков», к марту 2023 года Китай располагал 410 ядерными боеголовками, что примерно на 60 больше, чем в начале 2022 года [3]. По данным разведки США ядерный арсенал КНР к 2030 году возрастет до 1000 боеголовок.

Все это, в определенной мере, демонстрирует несоответствие заявляемых намерений и реалий ракетно-ядерных программ КНР.

Литература:

1. Качан Г.Г. Ядерная стратегия Китая (1949-2005 гг.): монография / Г.Г. Качан. – М.: Спутник+, 2010. – 642 с.
2. Ilhan B. China's Evolving Military Doctrine After The Cold War, SETA | ANALYSIS №59, January 2020 [Электронный ресурс]. URL: // <https://setav.org/en/assets/uploads/2020/02/A56En.pdf> p. 13. (Дата обращения: 07.09.2024)
3. Kristensen H.M., Korda M., Johns E. Nuclear Notebook: Chinese nuclear weapons, 2023. // March 13, 2023. – 108-133 pp. [Электронный ресурс]. URL: // <https://thebulletin.org/premium/2023-03/nuclear-notebook-chinese-nuclear-weapons-2023/> (Дата обращения: 11.09.2024)
4. Nuclear Safety in China // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2019 [Электронный ресурс]. URL: // <https://english.mee.gov.cn/Resources/publications/Whitep/202011/P020201113527343032977.pdf> (Дата обращения: 10.09.2024)
5. Report on the Military and Security Developments Involving the People's Republic of China (CMPR) // U.S. Department of Defense. 2023. p 212. [Электронный ресурс]. URL: // <https://media.defense.gov/2023/Oct/19/2003323409/-1/-1/1/2023-MILITARY-AND-SECURITY-DEVELOPMENTS-INVOLVING-THE-PEOPLES-REPUBLIC-OF-CHINA.PDF> (Дата обращения: 09.09.2024)
6. The Diversified Employment of China's Armed Forces // Information Office of the State Council The People's Republic of China. April 2013, Beijing. [Электронный ресурс]. URL: // http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986506.htm (Дата обращения: 03.09.2024)

УДК 327.81

Муталибова Ж.Б.,

4 курс бакалавриата

Кафедра всеобщей истории и международных отношений

Брянский государственный университет

имени академика И.Г. Петровского

Завидовская Е.А.

К.ф.н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений

Брянский государственный университет

имени И.Г. Петровского

mutalibova.zh@mail.ru

«ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ АЗИИ И ЕВРОПЫ

Аннотация. В статье дан обзор экономических и геополитических последствий инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП) для Азии и Европы. Инициатива, выдвинутая Китаем, направлена на создание широкомасштабной инфраструктурной сети, которая соединит Восток и Запад через наземные и морские маршруты. ОПОП оказывает значительное влияние на геополитическую архитектуру региона, вызывая как экономические, так и политические изменения. В статье анализируются положительные и отрицательные аспекты проекта для стран-участниц, включая рост экономической взаимозависимости, укрепление транспортной и энергетической инфраструктуры, а также возможные риски, такие как усиление зависимости от Китая и обострение геополитической конкуренции.

Ключевые слова и фразы: Китай, инициатива «Один пояс - один путь», Европа, Азия, экономическая интеграция, инвестиции, инфраструктура, сотрудничество.

Mutalibova Zh.B.,

4th year of Bachelor's degree

Department of General History and

International Relations

Bryansk State University named after

Academician I.G. Petrovsky

Zavidovskaya E.A.

Ph.D., Associate Professor of the

Department of General History and International Relations

Bryansk State University named after

Academician I.G. Petrovsky

mutalibova.zh@mail.ru

“ONE BELT, ONE ROAD” INITIATIVE: GEOPOLITICAL IMPLICATIONS FOR ASIA AND EUROPE

Abstract. The article examines the economic and geopolitical consequences of the "One Belt, One Road" (OBOR) initiative for Asia and Europe. The initiative put forward by China aims at creating a large-scale infrastructure network that will connect East and West through land and sea routes. The OBOR has a significant impact on the geopolitical architecture of the region, causing both economic and political changes. The article analyzes the positive and negative aspects of the project for the participating countries, including the growth of economic interdependence, the strengthening of transport and energy infrastructure, as well as possible risks such as increased dependence on China and increased geopolitical competition.

Key words and phrases: China, the Belt and Road Initiative, Europe, Asia, economic integration, investment, infrastructure, cooperation.

Инициатива «Один пояс, один путь» (кит. *йдайилу* 一帶一路, англ. Belt and Road Initiative, BRI, OBOR, в России используется аббревиатура ОПОП), стала одним из важнейших внешнеполитических и экономических проектов Китая в XXI веке. Инициатива была объявлена в 2013 году председателем КНР Си Цзиньпином. Это огромный план по созданию глобальной инфраструктурной сети, включающей сухопутные и морские торговые маршруты с целью улучшения взаимосвязанности регионов и укрепления экономического сотрудничества между странами Евразии и Африки.

Проект состоит из двух основных компонентов: «Экономического пояса Шелкового пути» — сети железных дорог, автомагистралей и трубопроводов, проходящих через Центральную Азию и Восточную Европу, и «Морского шелкового пути XXI века» — маршрута для морской торговли, соединяющий Китай с Юго-Восточной Азией, Южной Азией, Восточной Африкой и Европой.

Цели инициативы «Один пояс, один путь» включают развитие инфраструктуры, содействие экономическому росту, укрепление связей между странами и создание новых торговых путей. По данным официального сайта БРИКС в проекте **участвуют 126 стран и 29 международных организаций** из Азии, Африки, Европы, Океании и Латинской Америки [7]. Инициатива предполагает значительные инвестиции в проекты, такие как порты, дороги и железные дороги, что потенциально может повлиять на глобальную торговлю и экономическое взаимодействие.

Инициатива «Один пояс, один путь» стала ключевым проектом для Китая по нескольким причинам. Во-первых, она отражает амбициозную стратегию страны по укреплению своего влияния на глобальной арене. ОПОП позволяет Китаю развивать свою экономическую мощь через инвестиции в инфраструктуру и создание новых торговых путей, что способствует расширению его влияния в ключевых регионах, таких как Центральная Азия, Европа и Африка.

Во-вторых, ОПОП помогает Китаю решать внутренние экономические задачи, такие как избыточные производственные мощности и потребность в новых рынках сбыта. Проект увеличивает спрос на китайские товары и услуги по всему миру, стимулируя экономический рост и создавая рабочие места.

В-третьих, ОПОП оказывает значительное влияние на международные отношения. Он способствует переосмыслению глобальных торговых маршрутов и усилению связей между Азией, Европой и Африкой. Это также влияет на существующие международные структуры и альянсы, вызывая перераспределение влияния и изменение геополитической карты. Страны, участвующие в проекте, получают доступ к финансированию и инфраструктурным проектам, иницируемым КНР, что может улучшить их экономическое положение, увеличить их стратегическую ценность в глазах других великих держав.

Финансирование и реализованные проекты.

Важным пунктом инициативы является формат финансирования проектов. У КНР имеются кредитные ресурсы, прямые инвестиции, специализированные финансовые учреждения и государственные программы, что позволяет эффективно реализовывать амбициозные инфраструктурные и экономические планы на глобальной арене.

Наиболее распространенной формой финансирования являются кредиты и займы. Китайские государственные банки, такие как Китайский банк развития и Экспортно-импортный банк Китая, предоставляют кредиты и займы странам, играя ключевую роль. Также финансовыми проектами занимаются и коммерческие банки. Крупнейшие из них, такие как **Industrial and Commercial Bank of China** и **China Construction Bank**, аналогично предоставляют программы финансирования для инициативы ОПОП. Эти банки могут финансировать как китайские, так и иностранные компании, участвующие в проектах [4]. Эти кредиты часто используются для развития инфраструктурных проектов, таких как строительство пор-

тов, железных дорог и автодорог. Также большую долю занимают прямые инвестиции, когда китайские компании и государственные инвестиционные фонды вкладывают капитальные средства в проектные компании и инфраструктурные разработки в странах-партнерах. Это может включать участие в частных и совместных предприятиях, а также прямое участие в строительстве и эксплуатации объектов. Вместе с тем, Китаем созданы специализированные финансовые учреждения, такие как Asian Infrastructure Investment Bank и Silk Road Fund Co Ltd, которые обеспечивают дополнительное капиталовложение для проектов. Они созданы для поддержки инфраструктурных и инвестиционных проектов в Азии, что помогает расширить финансирование проектов в рамках инициативы. В некоторых случаях китайское правительство предоставляет гранты или субсидии для определенных проектов или для развития стратегически важных регионов. Это может быть сделано для поддержки стран-партнеров в осуществлении проектов, которые имеют важное значение для Китая [3, с. 86].

Реализация инициативы «Один пояс, один путь» в Юго-Восточной и Южной Азии

Видя стратегическую важность Юго-Восточной Азии, Китай инвестирует в порты, транспортные узлы и дороги. Одним из важнейших инфраструктурных проектов является Морской Шелковый путь и ключевые порты в Южной и Юго-Восточной Азии. Ключевыми портами и инфраструктурными узлами являются: Гвадар (Пакистан), Коломбо (Шри-Ланка), Джибути (Восточная Африка) и Пирей (Греция). Это сеть морских торговых путей, которые связывают Китай с Юго-Восточной Азией, Южной Азией, Ближним Востоком, Восточной Африкой и Европой через ключевые порты и морские маршруты.

Лаос является одной из ключевых стран, включенных в проект ОПОП. Стратегически расположенный между Китаем и другими странами Юго-Восточной Азии, страна стремится стать «сухопутным связующим звеном» в регионе. Одним из самых значимых проектов стал железнодорожный путь Китай-Лаос, который связывает китайский город Куньмин с Вьентьяном, столицей Лаоса. Эта железная дорога длиной более 1000 километров была построена с китайским финансированием и была введена в эксплуатацию в декабре 2021 года. Этот инфраструктурный проект помогает увеличивать экономические связи между двумя странами и делает Лаос важной частью китайского логистического коридора.

В Камбодже Китай также активно инвестирует в инфраструктурные проекты, особенно в порты и дороги. Одним из ключевых объектов стал порт Сиануквиль, который был модернизирован при помощи китайских инвестиций и открыт в ноябре 2016 года. Этот глубоководный порт играет важную роль в торговле Камбоджи и всего региона с Китаем и другими странами. Китайские компании также участвуют в строительстве дорог, что способствует улучшению транспортной связанности Камбоджи как внутри страны, так и с соседними государствами, включая Таиланд и Вьетнам. Это открывает новые возможности для экспорта и импорта, укрепляя экономику страны.

В Мьянме Китай видит стратегическое преимущество в развитии инфраструктуры, связанной с доступом к Индийскому океану. Один из ключевых проектов — это портовый и экономический коридор в Кьяукпью, который предусматривает создание глубокой гавани и промышленных объектов в этом районе. Этот проект позволяет Китаю получить более быстрый и прямой доступ к Индийскому океану, что имеет важное значение для китайской торговли, особенно нефтью и газом. На данный момент, полное завершение строительства всей инфраструктуры ещё в процессе. С 2013 года экономический коридор функционирует в частичном режиме.

В Пакистане Китай строит дороги, электростанции и порты, например уже с 2022 года функционирует порт Гвадар, через который проходит большая часть товаров и ресурсов. Он становится ключевым узлом для китайской торговли, обеспечивая доступ к Аравийскому морю. Также в 2013 году был запущен экономический коридор Китай-Пакистан хотя строительство продолжается до сих пор. Этот проект значительно улучшает инфраструктуру Пакистана, создаёт тысячи рабочих мест и обеспечивает страну необходимыми энергетическими ресурсами.

В Шри-Ланке одним из ключевых объектов строительства является порт Хамбантон.

Контракт на аренду порта был подписан в 2017 году, но строительство началось ранее, в 2010 году. Шри-Ланка не смогла обслуживать долг, взятый у Китая для строительства порта, в результате чего контроль над ним был передан Китаю на 99 лет. Этот случай стал показательным примером того, как экономическая зависимость может перерасти в политическую.

Проекты в Африке

Китай значительно увеличил объем предоставления кредитов странам, обладающим природными ресурсами, что оказало существенное влияние на экономику ряда африканских стран. Вот несколько примеров, подтверждающих эту тенденцию:

Джибути, одна из стратегически важных стран в Восточной Африке, расположенная рядом с одним из самых загруженных морских путей в мире — Суэцким каналом. В 2017 году был модернизирован Порт Джибути, и построена железная дорога, соединяющая Джибути с Эфиопией, одной из самых быстрорастущих экономик Африки. В результате долги страны перед Китаем стали составлять более 70% её ВВП. Китай также построил в Джибути свою первую военную базу за рубежом, что вызвало опасения по поводу её экономической и стратегической зависимости от Пекина.

Замбия, также получила значительную финансовую поддержку от Китая, сумев привлечь 6,5 миллиардов долларов для различных проектов. Одним из крупных проектов является строительство ГЭС «Капула», начатое в 2013 году, финансируемое в том числе за счет китайских кредитов.

Проекты ОПОП в Европе

ОПОП также используется для расширения присутствия в Европе, прежде всего через масштабные инвестиции в стратегически важные инфраструктурные объекты. Китайские компании активно покупают доли в портах, железных дорогах и других ключевых транспортных узлах, что позволяет им контролировать часть европейской логистической сети. В центре их внимания закономерно оказываются менее развитые и дотационные экономики стран юга и востока Европы.

В частности, важным для соединения Китая с Европейским Союзом является проект железнодорожного сообщения между Венгрией и Сербией. Это модернизация железнодорожной линии между столицей Венгрии Будапештом и столицей Сербии Белградом. Линия протяжённостью около 350 км призвана сократить время в пути между двумя городами с 8 до 3 часов. Строительство проекта началось в 2018 году и продолжается до сих пор. Эта железная дорога также играет важную роль в транспортировке товаров из Китая в Европу через греческий порт Пирей. Также был построен мост на реке Дунай в Белграде, строительство началось в 2014 году и завершилось в 2019 году. Он соединил Белград с городом Борча и стал важным элементом транспортной инфраструктуры города. Строительство моста было выполнено китайской компанией China Road and Bridge Corporation. Несмотря на активное принятие китайских инвестиций правительство Сербии обеспокоено что большинство проектов финансируются за счёт долгов. Эти проекты по строительству инфраструктуры увеличивают государственный долг, что вызывает опасения о финансовой устойчивости.

В Черногории в 2020 году завершилось строительство автодороги Бар-Болльд. Проект включает строительство нового участка дороги, который соединяет порт Бар с внутренними районами Черногории. Работы проводились китайской компанией China Road and Bridge Corporation. Этот проект улучшает транспортную связанность Черногории, поддерживает развитие туристической инфраструктуры и способствует экономическому росту. Из-за реализации данного проекта, страна столкнулась с наиболее выраженной проблемой долговой зависимости. Строительство автодороги было профинансировано за счёт китайских кредитов, что привело к значительному увеличению государственного долга. Данная экономическая ситуация вызывает у правительства страны беспокойство о способности обслуживать свои долговые обязательства [6].

В Греции также реализуются проекты в рамках инициативы ОПОП, и одним из самых значимых примеров является порт Пирей. Модернизация и развитие порта начались в 2008 году, когда китайская компания COSCO Shipping Ports подписала контракт на управление

контейнерным терминалом. Затем порт был частично приобретен этой компанией в 2016 году, она **купила 67% акций за 368,5 миллиона евро**. Контроль над портом позволил Китаю создать надежный маршрут для доставки товаров в ЕС через Средиземное море, а также укрепить своё экономическое присутствие на Балканах. Хотя Греция и получает выгоды от китайских инвестиций, существует опасение о возможной долговой зависимости, особенно учитывая, что страна уже столкнулась с экономическими трудностями и программами международной помощи. Инвестиции в портовые и инфраструктурные проекты требуют осторожного управления, чтобы избежать чрезмерной зависимости от внешних кредитов. Китайские инвестиции в греческую экономику, в том числе в порты и энергетический сектор, сделали Грецию более лояльной к китайским интересам. В 2017 году Греция заблокировала совместную резолюцию ЕС, направленную на осуждение нарушений прав человека в Китае, что стало одним из примеров политического влияния Пекина через ОПОП [8].

Влияние инициативы на страны участницы и мировое сообщество

Необходимо рассмотреть, как Китай использует инициативу ОПОП для усиления своего присутствия и влияния в Азии и Европе. Китайские инвестиции часто сопровождаются политическими соглашениями, которые дают Пекину возможность влиять на внутреннюю политику стран-партнеров. Он использует мягкую силу, культурную дипломатию и экономическое партнерство для изменения региональной и глобальной расстановки сил.

Хотя инициатива обещает значительные экономические выгоды, есть и серьезные риски, с которыми сталкиваются страны-участницы. Одним из главных рисков инициативы ОПОП является возможность попадания стран-партнеров в так называемую «долговую ловушку». Китай предлагает крупные кредиты для реализации инфраструктурных проектов, однако многие страны сталкиваются с трудностями по возврату этих кредитов. Это создает угрозу того, что Китай будет использовать экономическую зависимость для усиления своего политического влияния. Это особенно актуально для стран Восточной и Южной Европы, которые сталкиваются с трудностями в возврате долгов и рискуют потерять контроль над стратегически важными объектами. Страны с меньшей экономической мощностью, такие как Венгрия, Португалия и Греция, видят в Китае надёжного экономического партнёра и более активно поддерживают китайские инициативы в европейских политических институтах. Это создает в Европе определенное политическое напряжение, так как другие страны, такие как Германия и Франция, более осторожно относятся к китайскому влиянию и опасаются долговой зависимости. Пекин также отмечает, что финансовые проблемы и политические разногласия этих стран не являются исключительно следствием китайских займов, а вызваны более глубокими экономическими проблемами [1].

ЕС, учитывая возможные проблемы, разрабатывает стратегию по созданию альтернативы ОПОП — инициативу Global Gateway, чтобы уменьшить зависимость от китайских инвестиций и защитить свои интересы в Восточной Европе и на Балканах. Это новая европейская стратегия, запущенная в декабре 2021 г. Европейской комиссией. Целью Global Gateway является создание устойчивых и качественных инфраструктурных проектов в глобальном масштабе, особенно в развивающихся странах, чтобы предложить альтернативу китайским инвестициям и проектам. В отличие от китайской инициативы, которая часто обвиняется в создании «долговых ловушек» для развивающихся стран, Global Gateway направлен на развитие инфраструктуры, которая учитывает экологические и социальные стандарты. ЕС заявляет, что его подход более прозрачен, ориентирован на соблюдение прав человека и поддержку устойчивого роста, соответствующего Парижскому соглашению по климату. Проекты в рамках инициативы еще находятся на ранних стадиях реализации, поэтому точные даты их завершения зачастую сложно определить, так как многие из них либо только начинаются, либо находятся в процессе разработки. Например, сейчас функционирует: проект цифровой инфраструктуры в Африке, начало запуска строительства 2021 год. Он предполагает активные инвестиции в создание оптоволоконных сетей, но конкретные сроки завершения зависят от регионов и объема работ. Инвестиции в медицинскую инфраструктуру в Африке, первый этап создания центров производства вакцин начался в 2022 году, но строительство и запуск

производства вакцин планируются на 2024-2025 годы. Развитие возобновляемых источников энергии на Балканах, реализация началась с 2022 года, некоторые проекты в области ветровой и солнечной энергии находятся в процессе строительства и ожидаются к завершению в 2025-2026 годах. Эти проекты часто предполагают долгосрочные инвестиции, поэтому точные сроки их завершения зависят от динамики выполнения работ в каждом конкретном регионе.

Индия относится к инициативе Китая с особой настороженностью, видя в нем угрозу своему региональному лидерству в Южной Азии. Одним из факторов, вызывающих беспокойство Индии, является Китайско-Пакистанский экономический коридор, который проходит через спорные территории в Кашмире. Индия рассматривает это как нарушение своего суверенитета и неоднократно выражала протесты против строительства инфраструктуры на этой территории [5, с. 107]. Для Индии это означает попытки Китая усилить свои позиции в Южной Азии через стратегическое сотрудничество с Пакистаном, что является прямым вызовом её интересам в регионе, это приводит к усилению геополитической конкуренции между Индией и Китаем за влияние.

Кроме того, Индия видит в ОПОП угрозу для своей экономической независимости и безопасности, поэтому стремится предложить альтернативные модели сотрудничества в регионе, такие как проект Roadmap from the East. Эта индийская модель стартовала в 2021 году, она фокусируется на укреплении экономических, политических и культурных связей Индии с Восточной и Юго-Восточной Азией, а также на расширении сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе. Страна активно вкладывает средства в улучшение транспортной инфраструктуры, чтобы связать Северо-Восточную Индию с Юго-Восточной Азией. Одним из ключевых проектов является Тихоокеанский транспортный коридор, который соединяет Индию с Мьянмой и Таиландом. Этот коридор направлен на улучшение торговли и транспортировки товаров в регион и представляет собой важную часть стратегии, позволяющей Индии увеличить своё присутствие в АСЕАН и противостоять китайской инфраструктурной экспансии.

Россия же, будучи стратегическим партнёром Китая в рамках таких международных форумов, как Шанхайская организация сотрудничества и БРИКС, также выражает скрытое недовольство некоторыми аспектами инициативы ОПОП, несмотря на публичную поддержку. Хотя Россия и приветствует китайские инвестиции, особенно в условиях западных санкций, она опасается доминирования Китая в своих стратегически важных секторах, таких как энергетика и транспортная инфраструктура [2, с. 208].

В долгосрочной перспективе ОПОП может способствовать переосмыслению и реформированию существующих международных организаций, для того чтобы они лучше соответствовали новым условиям и интересам глобальных акторов. В результате активного продвижения китайских проектов, мы наблюдаем изменение глобального баланса сил. Китай успешно расширяет своё влияние за пределы Азии, создавая новые экономические и политические связи по всему миру. Это приводит к ослаблению традиционного доминирования западных стран и способствует возникновению многополярного мира, в котором Китай занимает лидирующее место.

Литература:

1. Charles B. Chilufya Fernando C. Navigating the complex terrain of China-Africa debt relations / [Электронный ресурс] // INSTITUTE FOR SECURITY STUDIES: [сайт]. – URL: <https://issafrica.org/iss-today/navigating-the-complex-terrain-of-china-africa-debt-relations> (дата обращения: 26.09.2024).
2. David De Cremer, Bruce McKern, Jack McGuire The Belt and Road Initiative: Opportunities and Challenges of a Chinese Economic Ambition. – New York: SAGE Publications, 2020 – 417 с.
3. Dusko D. Danube and the New Silk Road – Belgrade: Institute of International Politics and Economics Belgrade, 2016 – 560 с.
4. Export-Import Bank of China (China Exim Bank) / [Электронный ресурс] // ASIA SOCIETY :

- [сайт]. – URL: <https://asiasociety.org/policy-institute/navigating-belt-road-initiative-toolkit/stakeholders/chinese-financiers/policy-banks/export-import-bank-china-china-exim-bank> (дата обращения: 25.09.2024).
5. Jabin T. J. The China–Pakistan Economic Corridor and the China–India–Pakistan Triangle // *Palgrave Studies in Asia-Pacific Political Economy*. – Singapore: Institute of International Politics and Economics, 2018. – С. 105–136.
6. Бушев П. Долговая яма Черногории. Китайский вариант. / [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт]. – URL: <https://tass.ru/opinions/11196953> (дата обращения: 25.09.2024).
7. Государства-участники ОПОП / [Электронный ресурс] // BRICS: [сайт]. – URL: <https://newsilkroadbrics.com/ru/o-nac/gosudarstva-uchastniki-opop/> (дата обращения: 25.09.2024).
8. Греция заблокировала заявление ЕС по нарушениям прав человека в Китае / [Электронный ресурс] // РИА: [сайт]. – URL: <https://ria.ru/20170618/1496769007.html> (дата обращения: 27.09.2024).

Панфилова Анастасия Аркадьевна, студентка третьего курса
Кафедра истории стран Дальнего Востока
Санкт-Петербургский государственный университет
nastyapanfilovadist@mail.ru

ОПИСАНИЕ ЭСТАМПАЖА XVIII В. «500 АРХАТОВ», ИСТОРИЯ И ПЕРСОНАЛИИ

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу архатов из эстампажа с изображением 500 великих архатов, хранящегося в коллекции редких ксилографических изданий восточного отдела Научной библиотеки им. М. Горькова. Эта работа дает возможность начать работу над анализом особой роли архатов в традиции махаянского буддизма. Непосредственно в докладе рассматривается 4 из 500 архатов, а именно: Калодайин, Сабдасравана Пратапхала, Сандапита-раджа, Кету-Вимала. Анализ этих архатов дает возможность сделать вывод, что в их состав включаются великие учителя, жившие столетиями позже и в других странах мира.

Ключевые слова и фразы: буддизм, архаты, 500 великих архатов.

Panfilova Anastasia Arkadyevna, third year student
History of the Far East Department
Saint Petersburg State University
nastyapanfilovadist@mail.ru

DESCRIPTION OF THE ESTAMPAGE OF THE XVIII CENTURY. "500 ARHATS", HISTORY AND PERSONALITIES

Abstract. This study is devoted to the analysis of arhats from the print with the image of 500 great arhats, stored in the collection of rare woodcuts of the Oriental Department of the M. Gorkov Scientific Library. This work provides an opportunity to begin work on the analysis of the special role of arhats in the tradition of Mahayana Buddhism. The report directly examines 4 out of 500 arhats, namely: Kalodayin, Sabdasravana Prataphala, Sandapita raja, Ketu Vimala. The analysis of these arhats makes it possible to conclude that they include great teachers who lived centuries later in other countries of the world.

Key words and phrases: Buddhism, arhats, 500 great arhats.

Изучение архатов представляет собой важную исследовательскую тему в области буддийской иконографии и религиозной символики. В целом, можно говорить о том, что существует ограниченное количество отечественных и западных исследований, посвященных непосредственно архатам, так как их изучение в Европе и России не было широко поддержано научной общественностью, хотя само понятие часто упоминается в трудах и переводах сутр.

Существует известные описания 4 великих архатов («шраваки», те, кто учились лично у основателя учения), 10 великих архатов (10 ближайших сподвижников и учеников Будды), а также 16-ти и 18-ти архатов. Принцип отбора в каждом случае разнится и является самостоятельной темой для исследования. Описание 500 архатов известно как отсылка к первому буддийскому собору, состоявшегося в VI веке до н.э., когда, как считается, Махакашьяпа создал 500 наиболее значимых последователей Дхармы и определил основы религиозной школы.

В коллекции редких ксилографических изданий восточного отдела Научной библиотеки им. М. Горькова под инвентарным номером 2215 хранится ранее не описанный и не изу-

ченный эстампаж¹ с изображением 500 великих архатов. В связи с этим наш коллектив, состоящий также из Грабовской Марины Дмитриевны и Луповой Вероники Максимовны, под руководством Александра Георгиевича Сторожука и при содействии Маяцкого Дмитрия Ивановича и Азаркиной Миланы Александровны, подробно изучил первые двенадцать из 500 архатов, представленные в данном эстампаже. Это исследование заполнит существующую лауну как в истории источниковедения, так и в изучении истории китайского буддизма, религиоведения, культурологии и истории востоковедения.

В нашей работе мы опирались на общие труды, такие как «Китайский пантеон» [3], «Духовная культура Китая» [10], а также более специализированные работы, такие как «Индотибетский буддизм» [1], «Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан» [8], «Труды по буддизму» [6] и др. Также в нашей работе привлекались специальные буддийские указатели, такие как «Чжунго Фоцзяо Чжушэнь» (Китайский пантеон буддийских бессмертных) - «中国佛教诸神» [13] и Фо Пуса Лохань Хуфа Тушо (Описания буддийских бодхисаттв, архатов и покровителей буддизма с иллюстрациями) [14].

Эстампаж содержит в себе собрание, включающее в себя вступительные тексты, в том числе гатху, посвященную 500 архатам, а также их изображения. После исследования первых 12-ти архатов, был сделан вывод о том, что приведенные в эстампаже архаты не совпадают ни с архатами, которые входят в 10 великих учеников Шакьямуни, ни в группу 18-ти архатов. Моей зоной ответственности являлись архаты Калодайин, Сабдасравана Пратапхала, Сандапита-раджа, Кету-Вимала, и на их примере я хотела бы показать общие тенденции включения их в список 500 архатов. Также необходимо упомянуть, что имена приведенных архатов были восстановлены с помощью имеющихся справочных материалов, поэтому будем считать их условными и предлагаем в качестве рабочих.

1. Калодайин (Kālodāyin, 迎留院夷尊者)

Калодайин был придворным учителем Шакьямуни, прежде чем стать монахом, а позже вместе со своей женой принял прибежище в трех драгоценностях Буддизма и стал монахом. Он один из бикшу и достиг в учебе высот и глубин [15, с.15].

После просветления Сиддхартхи его учитель, в свою очередь, обратился к Будде за советом. Следуя учению Будды, Калодайин быстро осознал истину Дхармы и оставил свое положение во дворце, чтобы всем сердцем следовать практике Будды.

Пять монахов, о которых также упоминают как о пяти бхикшу, хорошо известны людям не только потому, что они были первыми учениками, которые последовали за Буддой, но и потому, что они часто совершали какие-то экстраординарные поступки, которые заставляли людей плакать или смеяться. Чтобы они не отвратили людей от буддизма, при жизни Будды для них было сформулировано множество предписаний.

В то время монахи жили, прося милостыню, и все обычно выходило днем, но Калодайину приходилось выходить и ночью. Однажды вечером все отдыхали. Он все еще был голоден, и его не волновала погода за окном. Он взял патру и вышел. Когда он подошел к дому, небо уже было затянуто тучами и вот-вот должен был пойти дождь. После того, как он постучал в дверь, из дома вышла беременная молодая женщина. Калодайин уже собирался заговорить, когда небо внезапно озарила вспышка молнии, и в тот момент, когда все вокруг осветилось, беременная женщина внезапно увидела перед собой черного человека, и она не смогла не вздрогнуть от испуга. Она спросила, побледнев: «Откуда ты, призрак?». И Калодайин ответил: «Я не призрак, я последователь буддизма, и я пришел к вам просить милостыни.» После того, как беременная женщина это услышала, ее испуг сменился на гнев, стала кричать и выгнала его. После того, как Калодайин ушел, беременная женщина разродилась от испуга. Когда Будда узнал об этом, он преподал Калодайину суровый урок. С тех пор Будда установил заповедь: став монахом, вам разрешается есть только один раз в день в пол-

¹ Техника оттискивания рельефных изображений на бумагу, а также оттиск, полученный наложением бумаги или ткани на рельефную поверхность, покрытую каким-либо красящим веществом.

день, а также вы не можете пойти в чужой дом и попросить еды заранее или позже этого времени [14, с.120].

В изучаемом эстампаже Калодайин сидит в «Благой позе» (*санскр.: bhadrasana, paryankasana, pralambapadasana; тиб.: bzang po'i 'dug stangs*) или, как ее иногда называют, «поза Майтрейи» (*санскр.: maitreyasana; тиб.: byams bzugs*) [9, с.19].

Его руки соединены в мудре «проповеди» (*санскр.: vyakhyanamudra, vitarka, upadeca, dharmadecanamudra; тиб.: chos 'chad*) [9, с.27]. левая в позе сосредоточения, сам архат облачен в свободную одежду, напоминающую кимоно, с запахом на правую сторону. Архат изображен с бритой головой согласно уставу монахов. Губы архата изогнуты в полуулыбке, сам он изображен сравнительно молодым, на его лице практически нет морщин.

2. Сабдасравана Пратапхала (Sabdasravana prataphala, 闻声得果尊者)

Говорят, что звуком называют то, что можно услышать, а звук становится одним из пяти омрачений, а Индрия противостоит и дополняет Вишайю. Мудрецы всех трех колесниц, каждый достигает своей самореализации в рамках колесницы. Сабдасравана Пратапхала, прослушав проповеди Дхармы, сразу проник в суть этих проповедей, получил плоды самосовершенствования, постиг и проник в суть четырех благородных истин, со всей ясностью увидел омрачение мысли и достиг состояния архата [15, с.15].

Досточтимый Сабдасравана Пратапхала изначально был принцем. Однажды, когда он играл в Императорском саду, он вдруг услышал чудесный звук. Он последовал на звук, и прошел весь путь до величественной горы, но звук исчез. Как раз в тот момент, когда он был озадачен и готов вернуться тем же путем, внезапно к нему пришел Будда. Будда спросил его, что он услышал, и он ответил, что слышал голоса, звуки, в которых есть чувства и звуки, в которых нет чувств. Будда спросил, что такое звук, полный чувств и что такое звук, в котором нет чувств. Сабдасравана Пратапхала ответил, что звуки, полные любви, — это звуки, издаваемые людьми, включая звуки разговора, шагов, хлопков в ладоши и ударов в барабаны, а бесчувственные звуки — это голос богов, голос грома и молнии, звук ветра и журчание воды. Будда был очень доволен его ответом, думая, что он может отличить добро от зла, прислушиваясь ко звуку, и у него необычайная божественная мудрость, поэтому он принял его в ученики и тот стал одним из пяти монахов [14, с.121]. Его сознание было чистым и успокоенным, он услышал Дхарму и отказался от богатства. Он неустанно практиковал Дхарму и достиг состояния истинного архата.

В изучаемом эстампаже архат сидит в «Благой позе» (*санскр.: bhadrasana, paryankasana, pralambapadasana; тиб.: bzang po'i 'dug stangs*) или, как ее иногда называют, «позе Майтрейи» (*санскр.: maitreyasana; тиб.: byams bzugs*) [9, с.19]. Он одет в кашайю, полностью закрывающую правую руку, в левой руке он держит жемчужину чинтамани, исполняющую желания. Сабдасравана пратапхала изображен в преклонном возрасте, лицо архата морщинистое, он смотрит в сторону и улыбается.

3. Чанданапита-раджа (Chandanapita-Raja, 旗檀藏王尊者)

Чанданапита был королем юэчжи. В стране Магадха, через шестьсот лет после нирваны Будды в Древней Индии [14, с.121] проповедовал великий учитель Ашвагхоса [15, с.15], он путешествовал по всему миру, распространяя буддийское учение среди людей, и сочинил множество буддийских песен, чтобы научить людей играть и петь. Было много внимающих его учению, и каждый раз, когда он вел проповеди Дхармы, улицы города пустели. Вскоре более 500 его последователей стали монахами [14, с.121]. Царь переживал, что если так пойдет и дальше, то народ станет бездетным, а государство утратит независимость, поэтому Ашвагхосе запретили проповедовать Дхарму. Но Чанданапита, правитель Тибета, очень уважал Ашвагхосу [14, с.122] и послал войска, разгромил Магадху и приветствовал возвращение Ашвагхосы [15, с.15]. Позже, Буддизм возобладал в царстве юэчжи и Тибет стал процветать.

В изучаемом эстампаже архат сидит в «Скрытой позе» (*санскр.: guptasana; тиб.: sbas pa' i 'dug stangs*) [9, с.17], его голова прикрыта полой плаща, а руки сложены в мудрах: правая в «Жесте созерцания» (*санскр.: dhyanamudra, samadhimudra, samahitamudra; тиб.: bsam*

gtan gyi phyag rgya, ting nge dzin phyag rgya, mnyam bzhang pa'i phyag rgya) [9, с.24], а левая в жесте «Спящей руки» (санскр.: *nidratahasta*) - жест, когда рука опущена на землю или сидение, часто за спиной сидящей фигуры. Иногда эта рука служит опорой. В том случае, когда рука опущена на колено, жест называется соответственно (санскр.: *urusansthitamudra*; тиб.: *mthil pus mo'i steng du bzhang pa*) [9, с.26]. Его лицо выражает умиротворение, глаза полузакрыты, а губы изогнуты в легкой полуулыбке. На его груди изображение Будды. На лице Чанданапита-радхи нет морщин: он изображен молодым.

4. Кету-Вимала (Ketu-Vimala, 施瞳无垢尊者)

Дарение называется милостыней; Хоругвь, сделанная из шелка, стоящая перед Буддой, подобна штандарту главнокомандующего. Флаг используется, чтобы показать путь всем живым существам и изгнать всех демонов; Кету Вимала – не только преисполненный благочестия знаменитый штандарт, стоящий впереди Будд, но и наставление, не дающее обмануть доверие Будды. Он прошел все тернии обучения и является архатом, постигшим природу Будды [15, с.17].

Его Святейшество Кету Вимала пользуется уважением во всем мире благодаря своему благородному характеру. Он соблюдал заповеди, усердно практиковался и, наконец, достиг необычайного состояния чистоты и безмятежности.

Его Святейшество Кету Вимала изначально был царем. Во время своего правления, из почтения к буддизму, он совершил множество добрых дел, которые принесли пользу всем живым существам. По мере возрастания своих заслуг он все больше понимал, что земная слава и богатство бессмысленны, и только буддизм может заставить людей навсегда избавиться от боли и отчаяния. Поэтому он решил, что хочет построить великолепный храм, тем самым выразив свои искренние и сильные чувства. Как и желал Кету Вимала, храм был построен, в последствии он стал знаменитым храмом Наланда.

Убранство храма величественно и отделано золотом. С тех пор сюда стекался бесконечный поток паломников, которые приходили поклониться, другие достигли здесь просветления, а некоторые умерли. Как и Его Святейшество Кету Вимала, его потомки также добры и искренне верят в буддизм. Благодаря этому их семья оставалась правящей на протяжении многих поколений [14, с.122].

На изучаемом эстампаже архат изображен сидящим в «Позе отдыхающего царя» (санскр.: *maharajalilasana, rajalilasana, sukhasana, virasana*; тиб.: *rgial po rol pa' istabs, dpa' bo 'i dug stangs*). Эта поза характерна тем, что одно или оба колена оторваны от сидения. В случае, если при этом ступня одной ноги кладется на бедро другой, то поза 5 получает тибетское название «поза героя» (тиб.: *dpa' bo 'i skyil krung*) [9, с.18]. Он одет в кашайю, его лицо морщинистое, он не обрит налысо и на его лице борода. В руках он держит длинную цепь (санскр.: *crinkhala, sphota*; тиб.: *lcags sgrog, lcags thag*), атрибут ряда божеств. [см. там же], которую он поддерживает руками. Кету Вимала улыбается, смотря в левую сторону, его лицо морщинистое, и он изображен в средних летах.

Подводя итог, можно говорить о формировании общего буддистского нарратива: в список архатов включались не только исконно индийские исторические фигуры, но и такие исторические субъекты, как Чанданапита-радха, который жил в Магадхе и был королем юэчжи, являющегося ираноязычным племенем, через 600 лет после ухода Будды в нирвану. Таким образом, нет оснований предполагать, что он мог участвовать в первом буддийском соборе, который состоялся сразу после смерти Будды. Многообразие представленных в данном эстампаже изображений архатов позволило в последствии использовать их для различных целей, таких как, например, размещение их в храмах или научных трудах. Тем не менее, материалам эстампажа часто находят неверное применение: одно и то же изображение используется для описания разных архатов.

Литература

На русском языке

1. Андросов В.П. Индо-тибетский буддизм [Текст] : энциклопедический словарь / В. П.

- Андросов ; Российская акад. наук, Ин-т востоковедения. – М.: Ориенталия (OR), 2011. – 446 с.
2. Ермаков М.Е. Мир китайского буддизма: По материалам коротких рассказов IV-VI вв. / М.Е.Ермаков. – СПб.: Андреев и сыновья, 1994. – 238 с.
 3. Попов П.С. Китайский пантеон / П.С. Попов. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1907. – 99 с.
 4. Поповцев Д.В. Сокровищница татхагаты: буддийские сутры в русских переводах / Д.В.Поповцев. – СПб.: Евразия, 2012. – 415 с.
 5. Рерих Ю.Н. Тибетская живопись / Ю. Н. Рерих; [Пер. с англ. А. Л. Барковой]. – М.: Междунар. центр Рерихов: Мастер-банк, 2001. – 278 с.
 6. Розенберг О.О. Труды по буддизму / О.О. Розенберг. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
 7. Философия буддизма [Текст]: энциклопедия / Российская акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. М. Т. Степанянц. – М.: Восточная литература, 2011. – 1045 с.
 8. Сторожук А.Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан / А.Г.Сторожук. – СПб.: Береста, 2010. – 551 с.
 9. Терентьев А.А. Определитель буддийских изображений / А.А.Терентьев. – СПб.: Нартаг, 2004. – 188с.
 10. Титаренко М.Л. Духовная культура Китая: в пяти томах, т. 2: Мифология. Религия / А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов – М.: Восточная литература, 2007. – 887 с.
 11. Торчинов Е. А. Введение в буддизм / Евгений Торчинов. – М.: Азбука, 2023. – 352 с.
- На английском языке*
12. Richard F., Gombrich Theravada Buddhism – London and New York: Routledge, 1988/2002. – 227 p.
- На китайском языке*
13. Ма Шутянь. Чжунго Фоцзяо Чжушэнь (Китайский пантеон буддийских бессмертных). 马书田. «中国佛教诸神». Пекин, 1994.
 14. Хэ Саньгань, У Цяо. Фо Пуса Лохань Хуфа Тушо (Описания буддийских бодхисаттв, архатов и покровителей буддизма иллюстрациями). 禾三千, 吴乔. 佛菩萨罗汉护法图说. Харбин, 2005.
 15. Цзечжу Сы Лохань Тан (Зал архатов в храме Цзечжу). «节竹寺罗汉堂». Куньмин
 16. Чжан Эньфу. Шу лохань (Перечисление архатов). 張恩富. «数罗汉». Чунцин, 2009.
- Электронные ресурсы:
17. Афонина Т. В. «500 архатов» Ли Гуансю и «500 архатов» Такаси Мураками: граница реального и ирреального – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43462/1/kis_2013_004.pdf (дата обращения: 18.03.2024)
 18. Буддизм, учение старцев. Тхеравада.ru- URL: <https://www.theravada.ru/History/Old-history/1-buddiskii-sobor.htm> (дата обращения: 25.04.2024)
 19. Дяньцзы фоцзяо цыдянь (Электронный словарь буддизма). 电子佛教词典 URL: <http://www.buddhism-dict.net/ddb/> (дата обращения: 05.12.2023)
 20. Линьинь Сы (Храм прибежища души), зал пятисот архатов – Достопочтенный Цяо Брахмаманпати " 灵隐寺五百罗汉堂 —— 僑梵波提尊者 " URL: https://www.lingyinsi.com/detail_13984.html (дата обращения: 14.04.2024)
 21. Фогуаншань дяньцзы да Цзанцзин (Фо Гуан Шань электронная версия Трипитаки) "佛光山电子大藏经" URL: https://etext.fgs.org.tw/sutra_02.aspx (дата обращения 05.12.2023)
 22. Чжан Чжан. У дай Гуань Сю Шилю фу лохань ту (Изображения шестнадцати архатов Гуань Сю периода пяти династий). 张璋. "五代贯休十六副罗汉图". - URL: <http://www.chinashj.com/sh-gdhh/11561.html> (дата обращения: 16.05.2024)

Мухаметзянов Рустем Равилевич, к.и.н., доцент
Кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет
rustemr@mail.ru

Сомкина Надежда Александровна, к.и.н., доцент
кафедра китайской филологии восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
somkina@yandex.ru

МИФОЛОГИЯ КИТАЯ КАК ОСНОВА КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

Аннотация. В статье рассматривается краткая история исследований китайской мифологии отечественными китаеоведами с конца XIX вв. по настоящее время.

Ключевые слова: китайская мифология, российская синология, мифологема

THE MYTHOLOGY OF CHINA AS THE BASIS OF CHINESE CULTURE (HISTORIOGRAPHICAL REVIEW OF RUSSIAN SINOLOGISTS' RESEARCH)

Muhametzyanov Rustem Ravilevich, PhD (History), assistant professor
Department of Chinese and Asian-Pacific Studies
Kazan (Volga Region) Federal University
rustemr@mail.ru

Somkina Nadezhda Alexandrovna, PhD of Historical Sciences, Associate Professor
Department of Chinese Philology, Faculty of Asian and African Studies
Saint-Petersburg State University
somkina@yandex.ru

Abstract: The article deals with a brief history of research into Chinese mythology by Russian sinologists from the end of the 19th century to the present.

Keywords: Chinese mythology, Russian sinology, mythologem

Понятие «миф» — это категория нашего мышления, произвольно используемая нами, чтобы объединить под одним и тем же термином первые попытки древнего человека «литературно» описать мир и первые попытки создания «научной» картины мира. Миф формировал основу культурно-социальной жизни, был важной частью картины мира на самых ранних этапах исторического развития человека.

Переход от мифа к философии (либо к религии и философии) — показатель выхода культуры на качественно новый уровень развития. Сам характер перехода имеет особое значение для реконструкции культуры, так как здесь есть своя инвариантность. Миф в своей региональной специфике закладывает основы ментальности. Начиная при этом формировать этническую культуру. Философия, которая появляется значительно позже, вытесняет миф из картины мира человека. Но она делает это с помощью самого же мифа. И далее возможны варианты: господство философии, синтез мифологии и философии, сохранение мифа в качестве мировоззренческого постулата. Эти все варианты находят свое воплощение в реальных культурах, которые продолжают развиваться уже под влиянием философии.

Китайская цивилизация, зародившаяся в глубокой древности, безусловно, обладает особым культурным пространством, которое сформировалось под влиянием целого фактора. Но при всей ее уникальности, мы можем говорить об общем. А этим общим как раз является миф и его преодоление философией. И то и другое мы наблюдаем в Китае. Китайская мифо-

логическая система — это совокупность мифов, отражение которых мы находим не только в керамической росписи эпохи неолита и бронзового века, но и более поздних текстах, относящихся к ряду китайских учений появившихся в чжоуский и последующие периоды.

Сложность изучения китайской мифологии заключается в том, что китайские мифы в значительной степени утрачены. Так, целый ряд китаеведов [1, С. 4-9; 2. С. 163-168; 3, С. 12-17] считают, что система мифологии Китая, под которой мы подразумеваем развитый свод мифологического материала, отсутствует. Действительно, древнекитайские мифы были переработаны или утрачены. Если отталкиваться от традиционной китайской историографии, ведущей свое начало от Сыма Цяня, мы знаем, что Конфуций отредактировал древнекитайские тексты, изменив их. В российской историографии в начале XX века данный факт был оценен очень эмоционально. Так, скажем, Ф.Белявский писал: «...постарались выправить все памятники старины, согласно с идеями своего учителя и с той целью часто извращали факты без зазрения совести.» [4, С. 197] Д.Бодде в 1977 г. также отмечал: «Все, что мы имеем, это фрагменты...» [5, С. 373]. Китайские мифы – разрозненные осколки, которые, будучи рассеяны в древних трактатах, в керамической росписи, в народном фольклоре, не представляют единой системы и не могут соперничать по количеству и структурированности с мифологией древней Греции. Тем не менее, они есть и говорить о них и их влиянии на культуру Китая вполне можно.

Хотя дореволюционная российская историография, посвященная китайскому мифу, не рассматривает его с точки зрения воздействия на формирование мироощущительных принципов китайской культуры, и не говорит об уникальности, типологической особенности китайского мифа. Так если говорить о работах отечественных китаеведов XIX века, то они носят более описательный и сравнительный характер. Причем его сравнивают либо с античным мифом, либо с христианскими сюжетами.

Первое исследование, посвященное древнекитайской мифологии, появилось в России в 1892 году. Это была книга С.М.Георгиевского «Мифологические воззрения и мифы китайцев». Как видно из заглавия книги, автор разграничивал мифы и мифические воззрения, понимая под последними некую мировоззренческую основу, «слагаемую всей массой народа». [6, С. 17] С.М.Георгиевский впервые дал классификацию китайских мифов. Он подробно рассмотрел древние представления народа об образовании мира, космогонические мифы, сказания о необычном рождении правителей и т.п. Ученый изложил астральные, солярные, лунарные мифы китайцев, «мифы о феноменах земной атмосферы», как он их называл, т.е. о громах, метеорах, радуге, заре, молнии и т.п.

Помимо указанной выше работы С.М.Георгиевского, в XIX веке существовали и другие работы, в которых упоминался либо обозревался китайский миф. Но эти работы не были посвящены напрямую древнекитайской мифологии, они затрагивали миф лишь попутно. К таким работам мы можем отнести труды И.Бичурина «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» 1840 г., его же «Статистическое описание китайской империи» 1842 г.; работу В.Васильева «Примечание к первому выпуску китайской хрестоматии» 1868 г.; работу С.М.Георгиевского «Первый период китайской истории (до императора Цинь-ши-хуан-ди)», написанную в 1885 г. В этих исследованиях содержатся очень ценные мысли и догадки, которые спустя век будут эхом звучать в работах советских китаеведов.

Одним из первых отечественных ученых, коснувшихся, хоть и вскользь, китайской мифологии, также был И. Г. Баранов, долгое время проживший в эмиграции в Харбине. В ходе нескольких вояжей по северному Китаю он собрал множество народных преданий, которые изложил в таких работах как «Верования и обычаи китайцев» [7] и «По китайским храмам Ашихэ» [8]. Несмотря на то, что его очерки нельзя назвать аналитическим исследованием, они предоставили богатый материал для его дальнейших последователей.

Исследования, в которых говорится о китайском мифе и философии как основе миропонимания древнекитайской культуры, в которых подчеркивается особая (структурирующая) роль мифа и идеи логоса, появляются только во второй половине XX века. Подобный хронологический разрыв в работах, посвященных китайскому мифу, можно объяснить главным

образом через те события, которые происходили в нашей стране.

Но начиная с 60-х годов XX века мифология Китая возвращается в научные работы. В первую очередь, мы хотим отметить статью Э. М. Яншиной «О некоторых изображениях на рельефах ханьских погребений». [9] В ней автор рассматривает различные мифологические сюжеты, дошедшие до нас в изображениях на могильных рельефах (III в. до н.э. – III в. н.э.). Особенно подробно изучаются тотемические изображения и рельефы Фуси и Нюйва. Работа основана на исследованиях современных китайских ученых, дает большое количество извлечений из первоисточников. Автор статьи предлагает интересное объяснение тому, почему образ Нюйва появляется лишь в сочинениях ханьской эпохи.

Примерно в то же время на мифологию, в частности, на мифологический бестиарий, обратил внимание А. П. Терентьев-Катанский, который исследовал не только текст трактата «Шань хай цзин», но и его иллюстрированные экземпляры из ксилографического фонда СПбФ ИВ РАН, а также «Эр-я ту» («Иллюстрации к Эр-я»), «Сань цай ту хуэй» и др. В предисловии автор отметил необходимость исследования «животного мифа» для понимания древнего мировоззрения и истоков становления более поздних культов животных, занимающих довольно видное место в китайской культуре [10, 11].

В конце 70-х годов XX века в свет выходят еще две интересные работы по китайской мифологии. Первая – статья той же Э. М. Яншиной «Боги и “чиновники” (по материалам древнекитайских памятников)» [12], вторая – это книга Б. Л. Рифтина «От мифа к роману. Эволюция персонажа в китайской литературе». [13] Обе эти работы прослеживают эволюцию мифологических персонажей. Отличие состоит в том, что Э. М. Яншину интересует процесс превращения духов-хранителей в чиновников, то есть по сути дела речь идет о процессе эвгемеризации. А в книге Б. Л. Рифтина сделана попытка реконструировать древнейшие мифологические представления и показать движение мифологического образа от зооморфного к антропоморфному.

В 80-х годах XX века новосибирский исследователь В. В. Евсюков обратился к исследованию древнекитайской семантики орнамента расписной керамики культуры Яншао (V – III тыс. до н.э.). [14] Это была первая работа, которая рассматривала мифические воззрения предков китайцев более раннего времени, так как остальные исследователи реконструировали мифологическую систему на основе письменных памятников, созданных не ранее VIII – VI вв. до н.э. В. В. Евсюков пытается реконструировать мифологические воззрения, исходя из рисунков на яншаоской керамике. В частности, он обращает внимание на целую серию изображений второй половины III тыс. до н.э., на которых четко прослеживается деление пространства на три части (Небесной-Земной-Подземной), причем в средней зоне центральное место занимает антропоморфная фигура (зарождение мифа о Паньгу).

В 90-х годах появляется целый ряд работ, которые с одной стороны продолжают исследовательскую практику, а с другой стороны, расширяют круг охватываемых проблем. В 1995 вышла работа К. И. Голыгиной «“Великий предел”: китайская модель мира в литературе и культуре I – XIII вв.». [15] В этой работе мы обнаруживаем попытку проследить взаимосвязь литературы Китая I – XIII вв. и мифологических представлений о бытии, стремление показать процесс литературного развития в аспекте эволюции мировоззренческих концепций от картины обрядового Неба до философских исканий династий Сун. При этом К. И. Голыгина обращается к мифологическому материалу, указывая на ритуальную основу «Книги гор и морей» (до этого никто вопрос так не ставил), а также указывает на архаические мифоритуальные элементы в средневековой китайской литературе.

Здесь также можно отметить и такие работы как: Л. С. Васильева «Проблемы генезиса китайской мысли»; коллективную монографию – «От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре»; исследования В. В. Малявина «Китайская цивилизация» и «Сумерки Дао». В этих работах прослеживается мысль о доминирующей роли социально-этических идей в философии, особенно конфуцианской [3] и о влиянии последней на китайскую культуру; об эволюции китайской философии и «вызревании» ее из мифа. [16]

Немногочисленные работы отечественных востоковедов по типологической специфике

мифологии древнего Китая, тем не менее, дают нам возможность воссоздать динамику развития некоторых мифологических образов и сюжетов и говорить об эволюции мифологии в Китае в контексте эволюции мироощущения китайской культуры.

Истоки древнекитайской мифологической культуры следует искать в первобытном прошлом Китая. А именно - в эпохе неолита и бронзового века, когда закладывались материальные и духовные основы древнекитайской цивилизации. В этом плане наиболее перспективными для изучения являются материалы, относящиеся к протокитайским этническим образованиям. Первобытные изображения на керамике – уникальный источник реконструкции мифологического мировоззрения древних китайцев. Хотя и тут надо отметить, что к проблематике протокитайской культуры в отечественном Китае обращались не так часто. [17]

Литература:

1. Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии / Э.М.Яншина. – М.: Наука, 1984. – 248 с.
2. Малявин В. В. Китайская цивилизация / В.В.Малявин. – М.: “Издательство Астрель”, 2000. – 632 с.
3. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли (формирование основ мировоззрения и менталитета) / Л.С.Васильев. – М.: Наука, 1989. – 309 с.
4. Белявский, Ф. Н. Очерки по истории культуры: в 4 выпусках / Ф. Н. Белявский. – СПб.: Типография М. П. Фроловой. - Вып. 2: Индия и Китай. – 1910. – 162 с.
5. Мифологии древнего мира / под ред. В.А. Якобсона; пер. с английского и предисл. И.М. Дьяконова. – М.: Наука, 1977. – 455 с.
6. Георгиевский С.М. Мифические воззрения и мифы китайцев / Сергей Георгиевский. – СПб.: тип. И.Н.Скороходова, 1892. – 117 с.
7. Баранов И.Г. Верования и обычаи китайцев / И.Г.Баранов. – М.: ИД "Муравей-Гайд", 1999.– 304 с.
8. Баранов И.Г. По китайским храмам Ашихэ / И.Г.Баранов. – Харбин. Тип. КВЖД, 1926. – 50 с.
9. Яншина Э.М. О некоторых изображениях на рельефах ханьских погребений. // “Вестник древней истории”. – 1961. – №3. – С.65-77.
10. Терентьев-Катанский А.П. Иллюстрации к китайскому бестиарию / А.П.Терентьев-Катанский. – СПб.: ФормаТ, 2004. – 224 с.
11. Терентьев-Катанский А. П. Китайская легенда о драконе // Страны и народы Востока. Вып. 11. – М.: Наука, 1971. – С. 119–126
12. Яншина Э.М. Боги и «чиновники» (по материалам древнекитайских памятников) // Китай: история, культура и историография. – М.: Наука, 1977. – С. 124 – 130.
13. Рифтин Б.Л. От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе / Б.Л.Рифтин. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
14. См.: Евсюков В.В. Семантика орнамента расписной керамики культуры яншао : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.06. - Новосибирск, 1983. - 269 с.; Евсюков В.В. Лунарный миф в росписи Яншао. // “Известия Сибирского отделения АН СССР”. Серия общественных наук. Вып.1, 1983.; Мифология китайского неолита = Mythology of China, as neolithic age : По материалам росписей на керамике культуры яншао / В. В. Евсюков; Отв. ред. [и авт. предисл.] В. Е. Ларичев; АН СССР, Сиб. отд-ние, Комис. по востоковедению, Ин-т истории, филологии и философии. - Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1988. – 127 с.
15. Голыгина К.И. “Великий предел” китайская модель мира в литературе и культуре I – XIII вв / К.И. Голыгина. – М.: Восточная литература РАН, 1995. – 360 с.
16. От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре: [сборник статей] / [Российская акад. наук, Ин-т востоковедения; сост. и отв. ред. Л. Н. Борох, А. И. Кобзев]. – М.: Восточная литература, 1998. – 420 с.
17. См.: Богаевский Б.Л. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья // Изв.

ГАИМК. Т.6, вып. 8-9 Л., 1931; Бунаков Ю.В. Китайская письменность // Китай. М., 1940; Киселев С.В. Неолит и бронзовый век Китая // Сов. Археология 1960. №4; Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации: Формирование основ материальной культуры и этноса. М., 1976; Кашина Т.И. Семантика орнаментации неолитической керамики Китая // У истоков творчества. Новосибирск, 1978.

УДК 94 (100-87) + 94(470)"20"

Салогуб Яна Леонидовна, канд. ист. наук
Кафедра государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации
salogub66@mail.ru

РАЗРАБОТКА ОСНОВ ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОЛОСЕ ОТЧУЖДЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ: ПЛАНЫ И ПОСТВОЕННЫЕ РЕАЛИИ (1906 – 1909 гг.)

Аннотация. В статье рассматриваются итоги дискуссии, имевшей место в начале XX века в российском правительстве и Управлении Китайской восточной железной дороги по вопросу организации общественного управления в полосе отчуждения КВЖД.

Ключевые слова и фразы: Китайская восточная железная дорога, общественное управление, гражданское управление, полоса отчуждения КВЖД, Харбин.

Yana L. Salogub, PhD in History, associate Professor,
Department of State and legal disciplines,
Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee Of The Russian Federation,
salogub66@mail.ru

DEVELOPMENT OF THE FOUNDATIONS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE EXCLUSION ZONE OF THE CHINESE EASTERN RAILWAY: PLANS AND POST- WAR REALITIES (1906-1909)

Abstract: The article examines the results of the discussion that took place at the beginning of the twentieth century in the Russian government and the Administration of the Chinese Eastern Railway on the organization of public administration in the exclusion zone of the CER.

Keywords and phrases: China Eastern Railway, public administration, civil administration, CER exclusion zone, Harbin.

Результаты русско-японской войны 1904-1905 гг. не сняли основных противоречий между великими державами в тихоокеанской подсистеме международных отношений, что сделало проблемным буквальное исполнение положений уставных документов русско-китайского предприятия Общества Китайской восточной железной дороги (далее – Общество КВЖД) в отношении организации и функционирования системы управления в полосе отчуждения дороги. Для правительства обеих стран стало очевидно, что предоставление административных полномочий непосредственно частной компании не может быть проигнорировано или истолковано в пользу конкретного государства.

Реализация железнодорожной концессии на рубеже XIX-XX вв. вызвала формирование миграционных потоков, направленных в зону влияния Российской империи в Маньчжурии, что способствовало строительству новых населенных пунктов вблизи станций, крупнейшим из которых стал Харбин – административный центр КВЖД. Изначально, полоса отчуждения заселялась строителями и служащими дороги, но, по мере увеличения масштабов проекта, в регионе начали оседать люди, чья связь с КВЖД носила профессиональный характер, включая торговцев, ремесленников, врачей, учителей. Новые поселенцы, большинство из которых имели европейское происхождение, начали формировать в этих поселках уникальное культурное пространство. Необходимость поддержания порядка и обеспечения жизнедеятельности быстрорастущих населенных пунктов поставило перед руководством дороги задачу организации местного самоуправления, решение которой осложнялось многообразием интере-

сов различных этнических и социальных групп. Процесс формирования новых управленческих структур, способных адаптироваться к изменяющейся социальной и политической реальности региона, вызвал в правительственных кругах России и Китая дискуссию о легитимности административных полномочий КВЖД.

До открытия Маньчжурии по итогам Портсмутского мирного договора в сентябре 1905 года, проблема выбора формы управления для данных территорий остро не стояла, поскольку право Общества КВЖД самостоятельно определять административную структуру оставалось неоспоримым. Однако, после войны, с увеличением числа иностранных консульских представительств на территории российской железнодорожной концессии, ситуация резко изменилась. Властям Российской империи пришлось столкнуться с новыми юридическими вызовами, связанными с необходимостью урегулирования правового статуса как иностранных граждан, так и китайских подданных, проживающих в зоне КВЖД, при этом, не имея полной суверенности на данной территории.

Основная проблема заключалась в создании органов общественного управления, которые смогли бы взять на себя функции по благоустройству и управлению экономикой поселений, сохраняя при этом баланс между российскими интересами и международными обязательствами. Правовые основы функционирования данных органов стали ключевой проблемой, поскольку экстерриториальность иностранных граждан ставила под сомнение возможность распространения на них российской юрисдикции. В то же время, китайские граждане оставались под юрисдикцией своего государства, что создавало дополнительную правовую неопределенность.

В этом контексте, российские власти и Управление КВЖД были вынуждены искать компромиссные решения, позволявшие сохранить влияние России в регионе, одновременно адаптируя административные структуры к новым реалиям открытия Маньчжурии для иностранцев. Это требовало гибкости как в правовом регулировании, так и в дипломатических отношениях с иностранными державами, чьи интересы пересекались в данном регионе. Именно поэтому, процесс организации местного самоуправления в зоне отчуждения КВЖД стал не только юридическим, но и политическим вопросом, решение которого потребовало учета как внутренних российских, так и международных факторов. Уже в начале 1906 года Министерство финансов Российской империи начало подготовку к проведению согласования позиций ведомств, включая руководство Приамурского генерал-губернаторства и Управления КВЖД, относительно организации гражданской части управления дорогой, составной частью которой, должно было стать местное самоуправление (общественное управление) [1, 2].

Первые проекты поступили от комиссии, созданной в Харбине в мае 1906 года генерал-губернатором Н. И. Гродековым [3]. В них предполагалось создание системы самоуправления на основе действующих в Российской империи «Положений о земских учреждениях» и «Городового положения» от 1892 года [4]. Однако данная система должна была быть адаптирована к специфическим условиям региона. Предлагалось создать трехуровневую структуру органов самоуправления: районные общественные учреждения для управления делами малых поселений, городские учреждения для крупных населенных пунктов и Главный комитет под управлением начальника дороги для координации всех органов общественного управления. Особое внимание уделялось вопросу расширения избирательных прав. Комиссия предлагала предоставить право участвовать в выборах органов самоуправления в Харбине всем мужчинам, достигшие 25 лет, без различия национальности и вероисповедания, при условии проживания в поселении не менее двух лет и уплаты минимального налога в пользу местной администрации. Этот подход к расширению правового участия отражал стремление регионального руководства к созданию инклюзивного, но контролируемого механизма управления в многонациональном регионе.

Проекты министерства финансов и МИДа, предлагавшие создание общественного управления в Харбине на основаниях, подобных устройству иностранных селтльментах в городах и портах Китая, открытых для иностранной торговли, отразили стремление к децен-

трализации управления в специфических внешнеполитических условиях, но при сохранении приоритета государственных интересов, особенно в вопросах безопасности и финансового контроля. В минфине исходили из необходимости сочетания принципов самоуправления и прямого контроля со стороны КВЖД. Основной задачей было найти баланс между делегированием полномочий населению и сохранением высшего контроля над стратегическими объектами и функциями со стороны государственных органов. Городское управление в Харбине должно было строиться на принципах самоуправления, где ключевую роль играла бы выборная структура – Общественный совет, возглавляемый председателем, действующим от имени КВЖД. Этому органу предлагалось предоставить право издавать обязательные постановления, заключать контракты и взимать сборы для общественных нужд.

Однако военное ведомство было категорически против и настаивало на создании независимой от общего управления дорогой гражданской администрации с самостоятельными полномочиями в области безопасности и финансов, что включало контроль над охраной границ, жандармерией, благочинием, общественным управлением и управлением Русско-Китайским банком [5, с. 59].

Согласование позиций, в соответствии со сложившейся административной и нормотворческой практикой Российской империи, было вынесено на межведомственное Особое совещание по вопросам перспективы создания гражданской администрации в зоне отчуждения КВЖД. Его заседания, под руководством заместителя министра финансов М. В. Чистякова, состоялись 27 июня и 19 июля 1906 года [6].

Предложения, вынесенные на обсуждение, варьировались от полного внедрения системы самоуправления по Городовому положению редакции 1892 года, принятой в Российской империи, до создания более гибких моделей управления по типу сэттльмента, соответствующих специфике региона. На первом варианте настаивали представители Харбинской комиссии. Основой для другого варианта, стала модель самоуправления в сэттльментах, аналогичная организации поселений на Дальнем Востоке, где действовали общие собрания жителей и избираемые общественные советы. Важно отметить, что такая модель предполагала непосредственное участие всего населения в управлении, что должно было способствовать снижению социальной напряжённости и увеличению вовлечённости местного населения в решение хозяйственных и социальных вопросов.

По итогам работы Совещания, удалось согласовать позиции по вопросу передачи части функций благоустройства и управления городскими хозяйственными вопросами непосредственно населению с правом самостоятельного поиска источников финансирования. В российском правительстве надеялись привлечь иностранных предпринимателей, улучшив условия для экономической деятельности в ключевых населенных пунктах, таких как Харбин. Средства на финансирование городских потребностей будут поступать из налогов на домохозяйства, владельцев недвижимости и предпринимательскую деятельность. В поселках с незначительным населением органы самоуправления создавать не планировалось. Эти полномочия оставляли за администрацией дороги. На реализацию публичных интересов всего населения дороги (борьба со стихийными бедствиями, эпидемиями, эпизоотиями) общественные управления, по согласованию с руководством КВЖД, будут отчислять не более 5% от налоговых поступлений.

В процессе обсуждения представители МИДа указали на проблемы международно-правового характера со стороны Китая, ставшего крайне осторожным после войны с Японией 1894-1895 гг. в предоставлении привилегий иностранным государствам создавать сэттльменты. Именно эта позиция китайского правительства усложняла создание русских сэттльментов и введение системы самоуправления на территории КВЖД. По мнению российского посланника в Пекине Д. Д. Покотилова (предлагавшего изначально вариант управления по типу сэттльмента, но изменившего свое мнение после общения с китайскими сановниками), введение в зоне отчуждения общественного управления на основании российского Городового положения, в рамках Общего управления дорогой с предоставлением населению ограниченных полномочий по образцу сэттльмента – наиболее реалистичный вариант [7]. Он

снимет опасения, что расширение российского присутствия на территории КВЖД может стимулировать появление других иностранных поселений, хотя и добавляет сложность в вопросе согласования интересов России и иностранных государств в регионе.

На основании рекомендаций Совещания в министерстве финансов были разработаны «Положение об общественном управлении в Харбине» (далее – «Положение»), «Правила о введении в действие» этого Положения [8] и «Основания гражданского управления КВЖД 1906 года». В октябре 1906 г. на своих заседаниях проекты утвердило Особое совещание по вопросам КВЖД под руководством Председателя Совета министров П. А. Столыпина, а 28 ноября 1906 года журнал заседаний Совещания и «Общие основания организации гражданского управления на территории КВЖД» (далее – Основания гражданского управления КВЖД) утвердил император [9].

Принятые нормативные правовые акты создавали основу для взаимодействия между городским управлением и железной дорогой, но их практическое внедрение встретило сопротивление со стороны населения. Для согласования позиций, Управляющий дорогой Д.Л.Хорват созвал общее собрание собственников в двух поселках Харбина (Пристань и Новый город) для выборов комиссии из 10 уполномоченных от населения для ознакомления с проектами [8, л. 18-22]. Основной проблемой стало распределение полномочий и ресурсов между населением и административными органами КВЖД. Ожесточенные дискуссии вызвал земельный вопрос. Горожане требовали отдать большую часть территории Харбина для общественных нужд, а также передать под контроль города свободные земли для их использования в интересах городского развития. Негативным было отношение горожан к планам создания общественного управления по типу сэттльмента. Жители указывали на неспособность решения важных вопросов городской жизни общим собранием в силу неоднородного этнического состава населения. Чрезмерность этих требований признавали даже уполномоченные представители интересов горожан в Управлении КВЖД.

Снять противоречия в мнениях сторон не удалось и Особому совещанию, собранному Правлением Общества КВЖД 5 января 1907 года. «Желательные изменения» в «Положение об общественном управлении Харбина», выдвинутые горожанами, требовали пересмотра «Оснований гражданского управления КВЖД», утвержденного императором, что делало невозможным принятие их к рассмотрению [10].

Поскольку проблема введения самоуправления требовала «незамедлительного» решения, Совещание решило утвердить Положение со внесением незначительных изменений, не требующих пересмотра «Оснований гражданского управления 1906 года», а также, в части, касающейся управления селениями, где не вводилось общественное управление. Администрация которых получили право взыскивать недоимки и штрафы через полицейские органы, что позволило укрепить их правоприменительную функцию.

Почти весь 1907 год шли переговоры администрации дороги с собранием уполномоченных Харбина. Положительный вклад в урегулирование конфликта внес член совета министра финансов И. П. Шипов, находившейся в Приамурье в служебной командировке. Под его руководством в сентябре-октябре велась постатейная работа над документом, что позволило доработать его с учётом как позиций жителей, так и интересов государства и дороги [11]. Итоговая версия, утверждённая в октябре 1907 года, значительно отличалась от первоначального проекта, предусматривающего создание органов самоуправления по типу сэттльмента. Вместо этого были внедрены органы общественного управления, основанные на принципах Городового положения 1892 года, с предоставлением непосредственно населению решения отдельных вопросов.

Согласованный текст Положения и «Правил о введении в действие положения об общественном управлении в Харбине» 10 ноября 1907 г. утвердил министр финансов [10, 12]. По такой же процедуре были разработаны и 25 января 1908 г. утверждены «Положения об общественном управлении» в поселке при ст. Маньчжурия [13, 14].

Процесс разработки основ общественного управления в полосе отчуждения КВЖД в начале XX века представляет собой пример сложной правовой и политической адаптации

российского законодательства к особенностям колониального управления. «Основания гражданского управления 1906 года» и Положения об общественном управлении закрепили права Общества КВЖД на осуществление гражданского и общественного управления на территории железнодорожной концессии, переданной совместному частному российско-китайскому предприятию на основании договора 1896 года. Ключевым нововведением Положений об общественном управлении стало предоставление жителям населённых пунктов права на участие в обустройстве территории проживания через институты самоуправления. Такая модель сочетала элементы прямого участия граждан в управлении и контроль со стороны Общества КВЖД, что обеспечивало баланс между интересами местного населения и необходимостью поддержания российского влияния в регионе. Структурно гражданское управление оставалось частью общего управления дорогой, что позволяло сохранять единую систему управления на всей территории полосы отчуждения КВЖД. Однако степень автономии общественных администраций зависела от численности населения конкретного поселения и его экономической значимости. В небольших населённых пунктах полномочия местного самоуправления были существенно ограничены, и функции управления осуществлялись администрацией дороги. Отличительной особенностью общественного управления стало предоставление избирательных прав всем жителям, независимо от их национальности, что отражало стремление российского правительства укрепить позиции в регионе через вовлечение как русского, так и иностранного населения в процессы управления. Это решение было ключевым для формирования лояльности местного населения к российским властям и обеспечения стабильности в Манчжурии. Предложение военного ведомства создать автономную систему гражданского управления, независимую от общего управления дорогой и подчинённую интересам обороны, было отвергнуто. Российское правительство признало её несоответствующей текущей политической и экономической ситуации в регионе. Таким образом, структура общественного управления полосы отчуждения КВЖД стала компромиссом между различными интересами — государственной безопасности, экономической целесообразности и необходимостью учитывать многонациональный состав населения.

Литература:

1. Письмо министра финансов И.П. Шипова министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу от 17 марта 1906 года № 143 // Сборник узаконений и распоряжений по управлению территорией КВЖД. Т. 1. Организация частей управления (ч. 1, 2) / Сост. Р.А. фон. Арнольд. – Харбин: Типография Правл. Общества Кит. Вост. ж. д., 1916. – С. 28-33 (далее – Сборник узаконений КВЖД...).
2. Письмо министра финансов И.П. Шипова Приамурскому генерал-губернатору Н.И. Гродекову от 17 марта 1906 года № 143 // Там же. – С. 33-38.
3. Проект основания организации общественного управления в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги, разработанный комиссией, созванной по приказу Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова 1 мая 1906 года // Там же. – С. 47-49.
4. Высочайше утвержденное Городовое Положение от 11 июня 1892 года // ПСЗРИ-Ш. Т. XII. 1892. № 8708. – СПб., 1895. – С. 430-456.
5. Журнал заседания комиссии, созванной по приказу Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова в Харбине 1 мая 1906 года // Сборник узаконений КВЖД... – С. 57-59.
6. Журнал № 1 Особого Совещания по вопросу о введении гражданского управления на территории Китайской Восточной железной дороги. Заседания 27 июня и 19 июля 1906 годов // Сборник узаконений КВЖД... – С. 7-27.
7. Телеграмма российского посланника в Пекине Д.Д. Покотилова министру Финансов И.П. Шипову от 4 марта 1906 года. Ответ на телеграмму от 28 февраля 1906 года // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 560. – Оп. 45. – Д. 11. – Л. 144.
8. Журнал Особого совещания Правления Общества КВЖД по вопросу о проекте Положения об общественном управлении в Харбине № 134 от 5 января 1907 года // РГИА. – Ф. 560. – Оп. 45. – Д. 18. – Л. 11-48.

9. Высочайше утвержденные 28 ноября 1906 года «Общие основания организации гражданского управления на территории КВЖД» // РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 4. – Д. 416. – Л. 8-14.
10. Положение об общественном управлении в Харбине, утвержденное по журналу Правления Общества КВЖД от 10 ноября 1907 года № 3602 // Сборник узаконений КВЖД... – С. 65-74.
11. Нилус Е.Х. Исторический обзор КВЖД 1896 – 1923 гг. По поручению Правл. о-ва и под ред. спец. комис. сост. агент Правл. о-ва: В 2-х т. Т. 1. – Харбин: Типография Правл. Общества Кит. Вост. ж. д., 1923. – С. 612-618.
12. Правила о введении в действие положения об общественном управлении в Харбине, утвержденные по журналу Правления Общества КВЖД от 10 ноября 1907 года № 3602 // Сборник узаконений КВЖД... – С. 74-76.
13. Положение об общественном управлении в поселке при ст. Маньчжурия, утвержденное по журналу Правления Общества КВЖД от 25 января 1908 года № 3748 // Там же. – С. 76-84;
14. Правила о введении в действие положения об общественном управлении в поселке при ст. Маньчжурия, утвержденные по журналу Правления Общества КВЖД от 25 января 1908 года № 3748 // Там же. – С. 84-85.

Силакова-Макарова София Андреевна,
старший преподаватель, соискатель ученой степени
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Санкт-Петербургский государственный университет
silakova.sa@mail.ru

ПЕКИН XIX В. В МЕДИЦИНСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ЗАМЕТКАХ П.А.КОРНИЕВСКОГО

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу отображения Пекина второй половины XIX в. в статьях «Медико-топографические заметки о Пекине» и «О китайцах с медицинской точки зрения» врача при Пекинской духовной Миссии П. А. Корниевского. В исследованиях П.А.Корниевского Пекин рассматривается не только как географический объект, но и как город, имеющий свои неповторимые историко-культурные особенности.

Ключевые слова и фразы: Китай, Пекинская духовная Миссия, медицина, этнография

Silakova-Makarova Sofiya Andreevna,
senior lecturer, applicant for a science degree
Kazan Federal (Volga region) University,
St-Petersburg State University
silakova.sa@mail.ru

19TH CENTURY BEIJING IN MEDICAL AND TOPOGRAPHICAL NOTES BY PETR A. KORNIEVSKY

Abstract. This article is devoted to the representation of Beijing in the second half of the 19th century as depicted in the work "Medical and Topographical Notes on Beijing" and "About the Chinese from a medical standpoint" by Petr A. Kornievsky the doctor of the Beijing Spiritual Mission. In P.A. Kornievsky's study, Beijing is considered not only as a geographical object but also as a city with its unique historical and cultural characteristics.

Keywords and phrases: China, Beijing Spiritual Mission, medicine, ethnography

Российские врачи были включены впервые в состав Православной миссии в Пекине в 1821 г. Согласно инструкции Святейшего Синода, начальник X православной миссии (1821-1830 гг.) архимандрит Петр (Каменский) обязательно должен был включить в состав миссии не только священнослужителей и студентов, но и медика [1, С. 21-32]. Далее практика включения в состав миссии врача была закреплена и продлилась до XIV миссии (1858-1864 гг.), когда должность врача перешла уже в состав дипломатической миссии российского посольства в Пекине [2, Л. 1].

Первоочередной задачей для врачей при Миссии стала забота о состоянии православных миссионеров и их паствы из числа потомков казаков-албазинцев. Члены миссии тяжело переживали смену климата, плохие природные и бытовые условия, финансовые трудности, а также долгое нахождение вдали от дома. Даже несмотря на молодой возраст учеников при Миссии, их смертность была чрезвычайно высока [3, С. 79]. Также было необходимо оказывать медицинскую помощь и обращавшимся китайцам, что должно было способствовать увеличению степени доверия и росту авторитета Православной миссии в глазах императорского правительства. Так, например, врач X миссии (1821-1830 гг.) О. П. Войцеховский помог усмирить в Пекине вспышку коровьей оспы, что сделало его знаменитым среди местного населения, к нему обращались за помощью, даже приглашая ко Двору [4, С. 65].

Помимо медицинской деятельности, врачи должны были заниматься сперва изучением китайского и монгольского, маньчжурского или тибетского языков, а затем, используя знания языков, собирать информацию о Китае, его медицине, естественнонаучной истории,

наиболее частых болезнях и способах их лечения, а также о популярных лекарственных растениях и способах их использования.

Всего в составе Православной миссии работало пятеро врачей, чья деятельность принесла свои плоды: к ним обращались за помощью даже знатные и именитые китайцы, авторитет Миссии существенно возрос, доверие к российским миссионерам возросло, особенно в сравнении с плачевным положением Миссии после годов начальствования архимандрита Иакинфа (Бичурина) (1807-1821 гг.). Для Православной миссии вновь стали открыты двери в императорские министерства, что увеличило возможности как для Миссии, так и для российской дипломатии.

Последним врачом при Православной миссии стал Пётр Алексеевич Корниевский, служивший под руководством архимандрита Гурия (Карпова) в 1858-1860 гг., после чего перешедший на работу в российское посольство в Пекине. Пётр Алексеевич, как и его предшественники, был выпускником Императорской медико-хирургической академии (в настоящее время Военно-медицинская академия, г. Санкт-Петербург). По окончании академии начал работу в Петербургском военном госпитале, где получил звание доктора медицины и был прикомандирован к Православной миссии в качестве доктора [3, С. 174]. Согласно инструкции, по прибытию в Пекин медик должен был вести медицинскую практику, освоить китайский язык, а также изучая трактаты и опрашивая местное население, собрать информацию о состоянии медицины в Китае, о системе образования врачей, состоянии современной на тот момент хирургии, а также собрать работы китайского правительства в области здравоохранения [5, С. 190]. Вернувшись в Россию в 1863 г. из-за легочного заболевания, Пётр Алексеевич передал в библиотеку Азиатского департамента свои рукописные заметки, стал действительным членом «Общества русских врачей», был причислен к Министерству иностранных дел и продолжил врачебную деятельность в кавказских военных госпиталях.

В настоящее время в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург) хранится архив П. А. Корниевского, включающий в себя 21 работу (статьи, черновики статей, черновики монографий, которые посвящены истории китайской медицины, образованию и практике китайских придворных, городских и деревенских лекарей, фармакологии, акушерству и патологиям болезней. Одной из примечательных работ в данном архиве является черновой автограф статьи «Медико-топографические заметки о Пекине» [6]. Это довольно небольшая работа, в которую, однако, медик включил как весьма точные данные о географии и краткой истории Пекина своего времени, так и медицинские заметки о климате и местных жителях, что позволяет представить облик Пекина XIX в. таким, каким его видели православные миссионеры. Стоит отметить, что такой поджанр, сочетавший в себе и медицину, и географию, и историю, был нередким в XIX в. В своих заметках медик часто ссылается на данные, например, из «Медико-топографических описаний» пристава Н. И. Любимова.

Другой довольно интересной для изучения в вопросе облика Пекина середины XIX в. стала статья «О китайцах с медицинской точки зрения», в которой в формате «вопрос – ответ» разобраны основные вопросы, которые вероятнее всего интересовали российскую публику о Китае. В статье разобрано около 15 вопросов, касавшихся внешности, болезней, привычек жителей Поднебесной [7].

Говоря о Пекине конца XVIII – середины XIX вв., многие миссионеры отзывались о нем как о довольно тяжелом для проживания иностранца месте. Например, пристав IX миссии (1807-1821 гг.) Е. Ф. Тимковский в «Путешествии в Китай чрез Монголию» писал, что невнимание китайского правительства к чистоте в городе не только влияет на внешний вид столицы, но и существенным образом вредит здоровью горожан: дорожная пыль смачивается помоями или мочой, а после очистки подземных городских труб каждую весну всю грязь оставляют на улице, что приводит к невыносимому запаху по всему городу, в результате чего горожане вынуждены использовать надушенные платки или четки, пропитанные мускусом, которые традиционно прикрепляли к одежде ближе к лицу [8, С. 245].

Спустя 80 лет примерно те же строки повторит и врач русского дипломатического по-

сольства В. В. Корсаков. Он пишет о том, что за исключением периода дождей, климат Пекина, ровный, сухой и здоровый, и если бы не плохие условия жизни и санитарных условий, город можно было считать очень хорошим для жизни в нем. Однако описывая улицы и дома Пекина, медик часто упоминает о грязи, антисанитарии и плохом запахе [9, С. 12-26].

Примечательно, в отличие от вышеупомянутого В. В. Корсакова П. А. Корниевский утверждает, что климат Пекина можно считать слишком жарким и сухим, кроме ранней весны и лета, когда воздух слишком влажный. Особенно неприятными медик считает зимние пронизывающие ветра [6, Л. 9 об.]. Наиболее благоприятным временем года в Пекине считается осень, самыми неблагоприятными – весна, затем зима. Самой частой болезнью осени в столице была холера и обезвоживание организма после нее, зимой – горячка и простуда. Из статистики смертности за 1845 г., приведенной в заметке, видно, что несмотря на слова медика об осени в Пекине как наиболее мягком и приятном времени года, наибольшие показатели смертности именно в сентябре (около 5100 человек, в то время как даже в январь-феврале этот показатель равен примерно 3800-3900 человек), что объясняется сменой времени года и переходом от жары к холоду [6, Л. 28 об.].

Корниевский заявляет, что утверждения европейцев о том, что Пекин можно считать одним из крупнейших городов на земном шаре, ошибочно. Такое заявление могло быть правдивым ранее, однако во времена пребывания медика в Пекине, город не впечатлил его ни размерами, ни количеством людей, хотя, согласно приведенной в заметке статистике, в городе в середине XIX в. проживало около 549 тысяч семей, состоявших примерно из 1,6 миллионов человек. В статистику были включены социальные группы чиновников, военных и полицейских, простолюдин и монахов, торговцев и ремесленников, а также туркестанцев. Причиной не слишком большой населенности П. А. Корниевский называет болезненность населения, из 100 человек лишь 2-3 он готов назвать здоровыми, отмечая, что в сельской местности такой показатель намного выше (30-40 человек из 100 здоровы), что объясняет качеством воздуха и физическим трудом, укрепляющим организм [7, Л. 5-5 об.].

Население Пекина занимается преимущественно торговлей, по всему городу находится очень много лавок. Среди пекинских торговцев особенно много выходцев из провинции Шаньси. Распространены различные ремесленные лавки: кирпичников, каменщиков, портных, часовщиков и башмачников. В городе много гадателей, к которым люди обращаются по любым просьбам, начиная от вопросов о женитьбе и сдаче экзаменов, заканчивая поиском способов лечить различные болезни. Медик отмечает и большое количество нищих, часть из которых занимается попрошайничеством, а часть подрабатывает рикшами [6, Л. 13-17].

Так же в городе довольно много государственных и частных благотворительных заведений, чаще всего принимавших подброшенных к ним детей или детей-сирот. В статье «О китайцах с медицинской точки зрения» Корниевский говорит о том, что распространенная в Европе мысль о частом детоубийстве в Китае ошибочна, статистика детской насильственной смертности в Китае была намного ниже, чем в Европе, к тому же убийство детей каралось законом [7, Л. 11]. Чаще всего из-за голода или эпидемий, когда родители не могли или не хотели кормить и растить детей, младенцев подбрасывали к дверям приютов и подворьям миссионеров. Особенно большое внимание подкидышам уделяли католические миссионеры, открывшие в стенах своей Миссии приют Си-ван-нан.

Помимо голода, причиной большого количества подкидышей Корниевский называет разврат в женских буддийских монастырях. Рожденных «во грехе» детей часто закутывали в одежду и оставляли на пороге богатых домов, миссионерских подворий или медицинских учреждений Пекина [7, Л. 13 об - 14].

Среднестатистический пекинец выглядит так: преимущественно худой, намного меньше европейца как по росту, так и в весе. Тело выглядит пропорциональным, очень редко встречаются карлики «цо-цзы», у которых голова несоразмерно больше тела. Большинство имеет очень темные блестящие волосы, редко можно встретить человека с бородой «шатенового оттенка». Волосы прямые, нет кудрявых людей, а волосы могут быть лишь слегка волнистыми после долгого ношения косы. Волосы у женщин намного богаче и красивее муж-

ских в следствие ухода, однако после 20 лет внешний вид сильно ухудшается, что объясняется нехваткой времени у женщины, чтобы следить за собой, все силы уходят на детей и семью.

Мужчины носят косы на маньчжурский манер, но к 40-50 годам волосы уже сильно выпадают, к 60 годам на голове остается достаточно жидкая коса, к 70 годам среднестатистический пекинец становится лысым [7, Л. 1 - 8].

В Пекине встречаются и «тянь-лао» (вероятно, альбиносы), называемые «состарившимся преждевременно по небесному предопределению», имеющие белокурые волосы и очень бледное лицо. Несмотря на свое название, в народе появление таких людей считается следствием болезни: мать такого человека болела чем-то во время беременности, что забрало жизненные силы у плода настолько, что он поседел, не успев еще и родиться [7, Л. 8].

Маньчжуры практически не отличаются от китайцев. Единственным отличием П.А.Корниевский называет более выделяющиеся скулы китайцев.

У бедных и состоятельных горожан различался распорядок дня. Если бедные встают очень рано и рано ложатся, проспав совсем немного, то среди состоятельных людей принято, как правило вставать около 9-10 часов утра, завтракать, около полудня обедать, ужинать в 7-8 часов вечера и в 9-10 часов пить чай и курить табак. Пища бедных представляет собой рис или злаковую похлебку, у богатых же к рису или похлебке прибавляется мясо, преимущественно свинина, говядина или верблюжатина. Выращиванием и забоем на мясо животных занимались мясники [6, Л. 17 об. - 22].

В обеих статьях медик вскользь упоминает о приезжающих и уезжающих из Пекина, в том числе купцов, торговцы из мусульманских сопредельных регионов, европейских миссионеров и членов торговых и дипломатических миссий, однако не рассматривает их как предмет изучения.

Наличие медико-этнографических заметок, какими являются и рукописные статьи П.А.Корниевского, позволяют пролить свет на положение населения в городах Китая второй половины XIX в., увидеть Пекин таким. Каким его видели наши соотечественники – сотрудники Православной и дипломатической миссий.

Список литературы:

1. Инструкция архимандриту Петру, начальнику 10-ой Православной Миссии. // Китайский благовестник, №13-14, 1915. – С. 21-32
2. Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета. – О преобразовании Пекинской миссии // Штат Пекинской Духовной миссии и инструкция для нее, справка о деятельности начальника миссии Иннокентия (Фигуровского) и о ее капитале. // РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 52. – Л. 1
3. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. / П.Е. Скачков. – М.: Наука, 1977. – 503 с.
4. Силакова С.А. Деятельность врачей при Русской духовной миссии и изучение традиционной медицины Китая // Современные востоковедческие исследования. Т.1, №3, 2019. – С. 64-72
5. Силакова-Макарова С.А. П.А. Корниевский о китайских медиках XIX в. // Россия - Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XVI Международной научно-практической конференции. – Казань: Издательство АН РТ, 2023. – С. 189-193
6. Корниевский П.А. Медико-топографические заметки о Пекине. // ОР РНБ, ф. 376, д. 9. – 32 л.
7. Корниевский П.А. О китайцах с медицинской точки зрения. // ОР РНБ, ф. 376, д. 16. – 19 л.
8. Тимковский Е.Ф. Путешествие в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах. Ч. 1. / Е.Ф.Тимковский. – СПб: Типогр. Медич.департамента Мин. внутр. Дел, 1824. – 388 с.
9. Корсаков В.В. Пять лет в Пекине: Из наблюдений над бытом и жизнью китайцев. / В.В.Корсаков. – СПб: Труд, 1902. – 182 с.

Сладкова Татьяна Павловна, студент
Кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанский исследований
Казанский (Приволжский) федеральный университет
tanya_sladkova@inbox.ru

ОБРЯД ЭКЗОРЦИЗМА В ДАОСИЗМЕ

Аннотация. История даосского обряда экзорцизма, простирающаяся сквозь века, представляет собой уникальный комплекс религиозных, философских и культурных традиций Китая. К моменту формирования в период Восточной Хань (25-220 г.) религиозного даосизма, практика борьбы со злыми духами и их изгнание была уже распространена на территории Древнего Китая. Ко второму веку обрядом экзорцизма начинают заниматься даосские жрецы, которые не только переняли древнюю практику китайских медиумов-у, но и продолжили совершенствовать разные методы борьбы со злыми духами. Изгнание злых духов в даосской практике чаще всего осуществлялось за счет определенных предметов, таких как даосские магические амулеты, оружие, или прочитанные вслух магические заклинания. Изучение истории даосского экзорцизма позволяет не только глубже понять специфику даосизма как религиозно-философской системы, но и оценить его вклад в формирование китайской культурной идентичности. В статье рассматривается история возникновения и развитие даосского обряда экзорцизма, а также основные методы борьбы со злыми духами, применяемые даосским жречеством.

Ключевые слова и фразы: даосизм, обряд экзорцизма, злые духи, ритуал, традиция, амулеты, заклинания, магия

Sladkova Tatyana Pavlovna, student
Department of Sinology and Asian-Pacific Studies
Kazan (Volga region) Federal University
tanya_sladkova@inbox.ru

RITUAL OF EXORCISM IN DAOISM

Abstract. The history of the Daoist exorcism ritual, spanning centuries, represents a unique complex of religious, philosophical, and cultural traditions of China. By the time of the formation of religious Daoism during the Eastern Han Dynasty (25-220 AD), the practice of fighting and expelling evil spirits was already widespread in ancient China. By the second century, Daoist priests began to engage in exorcism, having not only adopted the ancient practices of Chinese shamans but also further developed various methods for combating evil spirits. In Daoist practice, the expulsion of evil spirits was most often carried out using specific objects, such as Daoist magical talismans, weapons, or recited magical incantations. Studying the history of Daoist exorcism allows for a deeper understanding of the specificity of Daoism as a religious and philosophical system, as well as an appreciation of its contribution to the formation of Chinese cultural identity. This article examines the history of the emergence and development of the Daoist exorcism ritual, as well as the main methods used by Daoist clergy to combat evil spirits.

Key words and phases: Daoism, exorcism ritual, evil spirits, ritual, tradition, talismans, incantations, magic

Даосский обряд экзорцизма, являющийся важной частью китайской религиозной традиции, имеет древние корни и отражает в себе разнообразие духовных практик и верований, сложившихся в Китае. Уникальный синтез философских учений и ритуальной магии легли в основу формирования комплекса экзорцистских практик. Средние века в Китае стали перио-

дом, когда даосизм, активно поглощая локальные религиозные традиции, продолжил совершенствовать систему ритуалов, направленную на борьбу со злыми духами и негативными энергиями. В настоящее время обряд экзорцизма продолжает проводиться на территории материкового Китая, жители или даже туристы могут запечатлеть процесс проведения обряда в зданиях или на улице. Одним из примеров яркого наследия практики экзорцизма в настоящее время является Китайская народная религия «Но» 傩, на которую, как отмечает китайский исследователь Лан Ли в своей работе «Популярная религия в современном Китае», существенное влияние оказал даосизм [19, С.60]. Несмотря на значимость обряда экзорцизма в контексте даосской магии и ритуальной практики, данный аспект до сих пор не получил должного внимания в научном сообществе, оставаясь на периферии академических исследований и потому требует рассмотрения в рамках научной исследовательской работы.

Даосизм, восходящий к древним корням китайской цивилизации, представляет собой сложную систему верований и практик, глубоко вплетенных в ткань китайской культуры. Этот духовный путь, сформировавшийся в период Восточной Чжоу (770–256 гг. до н.э.), зародился из учений легендарных мудрецов, таких как Лао-цзы и Чжуан-цзы, чьи идеи легли в основу даосской философии. Они же являются авторами основных текстов даосизма – «Дао Дэ Цзин» и «Чжуан-цзы» [7]. Важным этапом в формировании даосизма стала активная интеграция всех тех народных представлений и верований, что уже существовали на территории Древнего Китая. Возникший в эпоху Шан-Инь (1600–1027 гг. до н.э.) обряд экзорцизма в этом понимании не стал исключением, и был включен в практику даосским жречеством. Французский китаевед Изабель Робине в своей работе «Даосизм: становление религии» выделяет следующие четыре основных компонента возникновения даосизма: философский даосизм (то есть Дао Дэ Цзин и Чжуан-цзы); техника достижения экстаза; практики для достижения долголетия и бессмертия; экзорцизм [20, С. 98]. Автор также указывает прямую связь даосской традиции с древними народными верованиями, в частности, методы проведения обряда экзорцизма, которые активно практиковали медиумы-у и фан ши. Участие последних в формировании даосизма отмечает российский синолог Е.А.Торчинов: «Восточная традиция магов фан ши царства Ци и Янь, тесно связанная со знаменитой академией Цзися, стояла у истоков школ натурфилософов, и традицией Хуан Лао: Хуан ди и Лао цзы...» [17, С.87]. Помимо этого, фан ши имели сходства в философских взглядах со школой Инь-Ян и в своей практике гадания во многом опирались на астрологические и календарные соображения. Идея существования у человека нескольких душ также не была новшеством к моменту возникновения даосизма. Созданный при династии Чжоу (1045 г. до н.э. – 221 г. до н.э.) на основе разнообразных представлений народностей комплекс духовных ценностей оказал впоследствии значительное влияние на жизнь китайцев [11, С.218]. Именно в это время возникает концепция существования у человека нескольких душ – материальных по 魄, со смертью человека трансформирующихся в духа гуй 鬼, и духовных хунь 魂, трансформирующихся в шэнь 神. Даосские книги, в свою очередь, указывали на наличие у человека трех душ хунь и семи по [16, С.100]. Развитие данной концепции раз и навсегда разделила мир духов на демонов-гуй и противопоставленных им божествам-шэнь. В дальнейшем, данная система мироустройства окончательно стала называться «даосской», а духи гуй и шэнь стали олицетворением субстанции инь 陰 (отождествляемой с холодом, темнотой, тенью) и энергии ян 陽 (отождествляемой с теплом, добрым началом). Голландский синолог Я.Я.М.де Гроот в своем труде «Война с демонами и обряды экзорцизма в Древнем Китае» относит данное разделение мира духов, порождаемые инь и ян, к доктрине, согласно которой и происходит взаимодействие и чередование инь и ян, тепла и холода, света и тьмы, ежедневное круговращение природы, что и составляет Дао, вселенский миропорядок [12, С.11]. Одной из главных функций предложенной системы мироустройства – заставить замолчать злых духов-гуй и одновременно способствовать деятельности шэнь. Стремление китайского общества к борьбе со злыми духами голландский синолог относит также к возникшему на основе «даосской» системы «экзорцистскому политеизму», который включает в себя: культ божеств, населяющий

весь космос жителей Восточной Азии; высокоразвитое искусство колдовства, которое, в свою очередь, необходимо для изгнания злых духов [12, С.20]. В конечном счете, изгнание демонов и злых духов становится обыденной практикой среди китайского общества и потому активно использовалась даосским жречеством.

Исключительно важным в истории даосизма становится период Поздней Хань, сопровождающийся окончательным формированием даосской традиции и появлением первых школ ортодоксального даосизма [12, с. 80]. Именно в этот период старое название «фан ши» (маг, колдун, гадатель) окончательно заменяется на «дао ши» (даос, муж Дао). Уже к началу II века н. э. происходит образование первого институализированного даосского направления в виде школы «Пути Небесных наставников» (тяньши дао, 天師道), основателем которого принято считать Чжан Даолина (張道陵). Существует также второе название школы – «Пять мер риса» (у доу ми дао, 五斗米道), так как для вступления в нее нужно было внести плату размером в пять мер риса [1, С. 163]. В дальнейшем Чжан Даолин обрел образ верховного главы мира демонов, чьи функции не ограничивались только контролем злых духов, он представлялся предводителем всех земных духов и ведал всеми магическими силами [11, С.220]. Согласно исследованию М.С. Зорькиной, Чжан Даолин считается одним из первых даосов, кто стал применять древние методы борьбы со злыми духами, структурируя их и привнося новое, уже в даосской традиции [14, С.27]. Одними из таких методов считаются заклинательные надписи фу в виде амулетов, а также мудры. Изображенные на бамбуковых дощечках надписи «фу» первоначально не имели никакого отношения к заклинаниям и являлись своего рода гарантийными письмами эпохи Западной Хань, фиксирующие долги одного человека перед другим. Ранний даосизм надписи фу стал рассматривать как способ, с помощью которого Небо передавало свои указания на более низкий уровень, как дар богов: ранние даосские надписи фу имели название «благая воля Неба» «фу мин» (符命). С развитием даосской традиции при Чжан Даолине такие надписи стали носить заклинательный характер, в конечном счете превратившись в амулеты для изгнания злых духов и болезней. Школа «Пути Небесных наставников» определяла у амулетов и талисманов фу две части: земную и небесную. В эпоху Восточной Хань и в период Троецарствия заклинательные надписи продолжили развиваться. Каждая школа имела свои уникальные виды талисманов, а к написанию таких заклинательных надписей допускались лишь те даосы, кто достиг определенного уровня мастерства. Во времена правления Северной и Южной Сун техника начертания амулетов объединилась с практикой внутренней алхимии, которая в это время пользовалась большой популярностью, придя на смену алхимии «внешней». Советский китаевед В.М.Алексеев выделил две группы даосских амулетов: заклинательные надписи и заклинательные изображения [9, С.7]. Самыми распространенными в рамках даосского обряда экзорцизма считаются заклинательные надписи-формулы на используемых амулетах и талисманах. Такие формулы могут зачастую указывать на прием уничтожения нечистой силы, к примеру «казнь», или включать в себя заклинание против источников зла с торжественным заявлением «я не боюсь бесов». В самом упрощенном виде такие надписи могут содержать в себе пожелания успокоения и очищения дома от злых духов. Другим распространенным способом изгнания злых духов принято считать использование мудр (особое расположение кистей рук в религиозном значении) [14, с. 30]. Происхождение мудр принято связывать с древней традицией обряда экзорцизма медиумов-у (巫), а именно с их танцами и песнями. Древнейшим зафиксированным свидетельством деятельности медиумов-у является речь министра И Ина перед правителем шанской династии Тай Цзя (в записях Сыма Цяня он был указан, как четвертый король династии Шан). Данная речь была посвящена осуждению поведения чиновников того времени: «Если вы осмелитесь предаваться непристойным танцам в своих домах и орать пьяные песни, я назову это обрядом-у» («Шу-цзин», раздел «Наставления И») [8]. В основном, обряд экзорцизма медиумов-у описывается в виде хаотичных движений-танцев, и несвязанных между собой прочитанных вслух громких заклинаний. С появлением и развитием религиозного даосизма танцы из грубых импровизаций постепенно

превратились в заранее спланированные и более сложные для исполнения, с фиксированной формой движения. В даосской традиции мудры стали определяться как определённый набор жестов с особым положением рук и стали активно использоваться как для ритуалов (например, возжигания благовоний), так и в практике даосского обряда экзорцизма. Так, «Пленить демонов» можно было, зажав большой палец руки на определенной точке на других пальцах – этот жест, в зависимости от места нажатия, якобы давал человеку еще и силу передвигать небесные тела, укреплять энергию ци.

Эпоха Тан (618–907 гг. н.э.) и Сун (960–1279 гг. н.э.) стала золотым временем для развития даосских экзорцистских практик, когда даосизм получил широкое распространение и признание на государственном уровне [13]. В эти периоды формируются и развиваются различные школы даосизма, каждая из которых вносит свой вклад в разработку и совершенствование ритуалов экзорцизма. Особое значение приобретают тексты и руководства по проведению ритуалов, в которых подробно описываются мантры, мудры и символы, используемые на амулетах для изгнания злых духов. Даосизм, как философская и религиозная традиция, не имеет единой стройной централизованной структуры и иерархии, которая была бы сравнима с иерархиями других религий. Период правления династии Тан стал временем, когда под влиянием буддизма, произошло формирование института монашества, вместе с этим появились первые обозначения ранговой системы в даосском жречестве [17, С.54]. В данном контексте стоит также учитывать, что не все даосские школы того времени приняли монашеский образ жизни, поэтому говорить об образовании единой организационной структуры в даосизме не приходится. Наряду с даосскими монахами дао ши («Наставники пути»), а также тай ши («Великие наставники»), в период Тан даосский обряд экзорцизма переходит в компетенцию низших жрецов фа ши 法師 («наставники Закона»), или хун тоу 紅頭 («красноголовые»), названные так по цвету головных уборов) [15, С.204]. При этом фа ши используют во время совершения обрядов современный разговорный язык, а дао ши служат на старом литературном языке (*вэньянь*), почти непонятном на слух. Появление ранговой системы в виде высшего и низшего жречества позволило структурировать религиозные практики, в том числе связанные с даосским обрядом экзорцизма. Высшие жрецы дао ши, являясь верховными наставниками даосской традиции, стали выполнять более сложные и ответственные ритуалы (пример использования классического даосского трактата «Тайпин цзин»), в то время как фа ши стали представителями низшего даосского жречества, в чьи функции входят малые обряды: изгнание демонов, контроль над храмовыми медиумами, представления в традиционном религиозном театре марионеток и отправление култов «обычных божеств».

Период правления династии Сун сопровождался обновлением и адаптацией даосского обряда экзорцизма. Особенно популярным в это время становится «Правильный ритуал Сердца Небес» («Тянь синь чжэн фа») школы даосской традиции этого времени – Сердца Небес (Тяньсинь пай 天心派). Возникновение данной школы традиционно связывают с деятельностью даоса Тянь Цзы-сяо 譚紫霄. Он же стал распространять ряд формул-амулетов (фу 符) на бамбуковых планках, якобы найденных Небесным наставником Чэнь Шоу-юанем 陳守元, объявив себя держателем «Правильных ритуалов Сердца Небес, созданных Чжан Дао-лином». Главной отличительной чертой «Правильного ритуала Сердца Небес» становится включение в его состав даосского обряда экзорцизма, направленного на изгнание злого духа из тела человека. В 1-м цзюани «Тайное и наиважнейшее из наиболее подлинного, от Высочайшего, для помощи стране и спасения людей (Тай шан чжу го цзю минь цзун чжэнь би яо 太上助國救民總真秘要), созданного в 1116 г. даосом Юань Мяо-цзунем 元妙, приведен алгоритм целительного ритуала, которым, как считалось, можно было вылечить слабое, вызванное одержимостью злым демоном. Нововведением в осуществлении обряда экзорцизма становится практика принятия у больного заявления-петиции, которая включает в себя обстоятельства случившегося и направляется соответствующим духовным властям (первые петиции посылают Управителю судьбы (Сы-мин 司命)). Только после этого, используя особые ритуалы и заклинания, даосский экзорцист призывает воинство из потусторонне-

го мира, и божества-генералы (шэнь цзян 神將) и их духи-солдаты (бин 兵) хватают вредоносного демона. Как итог, наследие «Тяньсинь пай» вошло в состав более поздних даосских течений, появившихся в XII веке [7]. Эпоха правления династии Сун стала завершающим периодом расцвета даосской традиции, поскольку дальнейшая история развития даосизма претерпевала значительные изменения. Так, период династии Юань стал временем, когда даосизм лишился покровительства двора и подвергся гонениям. Императорский указ от 1281 г. о сожжении всех даосских текстов кроме «Дао Дэ Цзина» подорвал влияние даосизма в Китае, отодвинув даосские школы и даосские практики на периферийный план.

Таким образом, даосский обряд экзорцизма, возникший в эпоху Восточной Хань, имеет достаточно древние корни и является неотъемлемой частью практики даосского жречества. Эпохи Тан и Сун стали знаковыми периодами для дальнейшего совершенствования даосского обряда экзорцизма: формирование ранговой системы жречества и распространение закликательных амулетов на территории не только материкового Китая, но и за его пределами. Развитие даосской традиции сопровождалось структурированием и усложнением методов борьбы со злыми духами. Так, хаотичные движения медиумов-у дополняются даосским жречеством, обретая усложненный вид фиксированных действий. Изучение истории даосского экзорцизма позволяет глубже понять уникальность китайской религиозной традиции, ее способность к синтезу различных элементов и адаптации к меняющимся условиям.

Литература:

Источники:

1. Ван Ка (王卡). Даоцзяо цзичу чжиши (Основные сведения о даосизме; 中国道教基础知识). – Пекин, 2005. – С. 144-175.
2. Гэ Хун. Мудрец, объемлющий Первозданную Пустоту (Баопу Цзы) / Пер. Е.А. Торчинова. – М.-СПб.: Пальмира, 2020. – 452 с.
3. Даоцзяо сяо цыдянь (Малый словарь по Даосизму; 道教小词典) / Гл. ред. Чжун Чжао-пэн 钟兆鹏. Шанхай: Цышу чубаньшэ, 2001. – 300с.
4. Цзан вай дао шу (Даосские книги, не вошедшие в «Дао цзан»; 藏外道書) / Гл. ред. Ху Даоцзина 胡道靜. Чэнду: Башу шушэ чубань, 1992-1994. Т. 7. – С. 50-94.
5. Чжан Бодуань. Главы о прозрении истины (У чжэнь пянь) / Пер. с кит. и комм. Е.А. Торчинова. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. – 346 с.
6. Чжоу ши мин тун цзи (Записи о таинственном проникновении господина Чжоу; 周氏冥通記) // Дао цзан (Даосский канон; 道藏). – Шанхай, 1925-1926. Т. 152. – С. 120-210.
7. Чжунхуа Дао цзан (Китайский Даосский канон; 中華道藏). – Пекин: Хуася чубаньшэ, 2004. Т. 30. С. 34-40.
8. Шу цзин (Канон записей) / Пер. Г.С. Попова. – СПб.: Нестор-история, 2020. – 420 с.

Литература:

9. Алексеев В.М. О некоторых главных типах китайских заклинательных изображений по народным картинам и амулетам / В. Алексеев. - Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1910. – 76 с..
10. Баранов И.Г. Верования и обычаи китайцев [Текст] / И. Г. Баранов ; сост. К. М. Тertiцкий ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. - Москва : Муравей-Гайд, 1999. – 302 с.
11. Культы, религии, традиции в Китае / Л.С. Васильев; Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения. - Москва : Изд. фирма "Вост. лит." РАН, 2001. – 487 с.
12. Де Гроот. Я.Я.М. Война с демонами и обряды экзорцизма в Древнем Китае / Пер. Котенко Р.В. – СПб.: «Евразия», 2018. – С. 11-120.
13. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. Т. 1. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. – 2006. – 727 с.
14. Зорькина М. С. Традиционная магия в даосском ритуале: заклинания, мудры, Юевы ша-

- ги // Вестник СПбГУ. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. Вып. 2 (2010). – С. 27-33.
15. Кожин П. М., Юркевич А. Г. Даосизм // Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко и др. – М.: Вост. лит., 2007. – С. 204.
16. Малявин В.В. Народные верования // Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко и др. – М.: Вост. лит., 2007. – С. 100.
17. Торчинов Е.А. Даосизм : Опыт ист.-религ. описания / Е. Торчинов. - СПб. : Андреев и сыновья, 1993. – 307 с.
18. Филонов С.В. Золотые книги и нефритовые письма: даосские письменные памятники III-VI вв. = Golden scriptures and jade script: taoist written sources of the 3-6th centuries : Golden scriptures and jade script: taoist written sources of the 3-6th centuries / Сергей Владимирович Филонов; Амур. гос. ун-т, Центр синологич. исследований. - Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2011. – 654 с.
19. Lan Li. Popular Religion in Modern China: The New Role of Nuo. – New York: Routledge, 2016. – P. 57-84
20. Robinet I. Taoism : Growth of a Religion // Stanford University Press, 1997. Pp. 90-320.

УДК 821.581

Смирнова Елизавета Дмитриевна, студент

Кафедра китайской филологии

Санкт-Петербургский государственный университет

lizok021005@gmail.com

Прокопцова Анастасия Викторовна, студент

Кафедра китайской филологии

Санкт-Петербургский государственный университет

prokoptsova.anastasia@mail.ru

СИМВОЛИЗМ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В НОВЕЛЛАХ ПУ СУН-ЛИНА

Аннотация. В данной статье исследуются символика и значение женских образов в собрании новелл китайского писателя Пу Сун-лина «Рассказы Ляо Чжая о необычайном».

Ключевые слова и фразы: Литература, Пу Сун-лин, женские образы.

Smirnova Elizaveta Dmitrievna, student

Department of Chinese Philology

Saint Petersburg State University

lizok021005@gmail.com

Prokoptsova Anastasia Victorovna, student

Department of Chinese Philology

Saint Petersburg State University

prokoptsova.anastasia@mail.ru

THE SYMBOLISM OF FEMALE IMAGES IN THE NOVELS OF PU SUNG-LING

Abstract. This article examines the symbolism and meaning of female images in the collection of short stories by Chinese writer Pu Sung-ling “Liao Zhai's Stories about the Extraordinary”.

Key words and phrases: Literature, Pu Sung-ling, female images.

Пу Сун-лин, китайский писатель XVII века, автор выдающегося собрания новелл «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» (Ляо Чжай Чжи и), в котором магические существа и сверхъестественные явления находят место в повседневной жизни. В его рассказах женским персонажам отведена определенная символическая роль, которая по большей части затрагивает одну из центральных концепций китайской философии, а именно - инь и ян. Инь и ян – это два, с одной стороны, противоположных, а с другой, взаимодополняющих начала, которые образуют основу гармонии в мире. Согласно этому принципу, энергия инь соответствует женской природе, ее часто ассоциируют с тьмой, холодом, потусторонним миром, скрытыми силой и мощью, в то же время с глубокой духовностью, интуицией, природой и магией. В новеллах Пу Сун-лина женщины изображены не просто обычными персонажами, а как олицетворение этой мистической силы, которая может быть использована как для созидания, так и для разрушения.

В самих историях использование иньской энергии женщинами, наделенными магическими способностями, показано достаточно разносторонне. Героини новелл Пу Сун-лина способны исцелять, защищать, соблазнять, наказывать и даже убивать, используя свою силу, что делает их крайне влиятельными персонажами, несмотря на их внешнюю нежность и хрупкость. Женщины часто находятся на грани между двумя сторонами иньской природы – исцеляющей и губящей. Пу Сун-лин в своих произведениях искусно подчеркивает, что инь не является однозначно темной силой. В зависимости от истинного мотива героинь отомстить или спасти, уберечь, их поступки отражают в себе одну из сторон энергии инь, будь

то применение магии во благо или во зло. В произведениях Пу Сун-лина многие героини выступают связующим звеном между потусторонним, тайным миром и человеческим, земным, таким образом, женщины изображены в качестве элементов, соединяющих миры инь и ян. Можно сказать, что женские персонажи, объединяющие в своих характерах дуализм иньской энергии, служат своего рода проводниками между двумя полюсами. С помощью такой особенности Пу Сун-лин отражает принцип, который говорит о том, что гармония достигается через баланс и интеграцию различных элементов.

Безусловно, в данной работе не предстает возможным охватить все существующее в новеллах разнообразие женских персонажей, однако мы постарались выделить несколько наиболее наглядных и часто встречающихся образов. Одним из таких распространенных женских типажей в новеллах Пу Сун-лина является женщина-лиса (кит. трад. 狐貍精, упр. 狐狸精). Лисы-оборотни входят в список самых узнаваемых персонажей китайской мифологии и фольклора. Они обладают способностью принимать облик прекрасных женщин, чтобы соблазнить и манипулировать мужчинами. Сражая молодого человека своим очарованием, лиса привязывает его к себе и начинает подпитываться его жизненной энергией, постепенно убивая своего любовника. Такого рода лисицы олицетворяют темную сторону энергии инь, ведь они используют магию лишь себе во благо с целью обмануть и подчинить волю человека. Можно сказать, что лисы чаще воплощают иньскую природу именно через хитрость, соблазн и способность к магическим трансформациям. Однако Пу Сун-лин изображает лис и в качестве спасительниц, девушек-целителей, любящих женщин, которые в состоянии вовремя остановить губительное воздействие сил на человека. Его лисы готовы пожертвовать собой ради сохранения жизни возлюбленного. Таким образом, в своих новеллах при изображении женщин-лисиц Пу Сун-лин намеренно показывает двойственность иньской энергии: с одной стороны, лисы используют опасную силу для обмана, соблазна, удерживания любовника в неведении, а с другой, лисицы применяют магию исцеления на избранниках, показывают равнодушие и даже способность любить. Отсутствие однообразия при создании персонажей демонстрирует всю многогранность женской природной силы.

Во многих традиционных обществах негласно устоялось убеждение, что женщина должна быть мудрой. В свою очередь, мудрость часто заключается в хитрости и гибкости ума, позволяющих создавать выигрышную для себя ситуацию. Такая «женская мудрость» ярко описывается в рассказе «Хэн-нян о чарах любви» «恆娘» (Пу Сун-лин 2022, стр. 402-408). Пу Сун-лин рассказывает о семье Хун Да-е, в которой муж решил взять себе в прислугу девушку, а позже сделал её своей наложницей. Такое событие крайне не устроило жену Хун Да-е, девушку из рода Чжу, обладающую необычайно красивой внешностью. После переезда семьи и знакомства с новыми соседями, Чжу ни разу не слышала криков или ругани из дома новых соседей. Она обратилась к своей соседке Хэн-нян с просьбой рассказать секрет их счастливой жизни и помочь наладить отношения в её семье. Хэн-нян была крайне умна и знала некоторые хитрости, которые помогли Чжу отвернуть мужа от ненавистной наложницы, вернуть любовь и страсть в её отношения с мужем. На прощание с Чжу, Хэн-нян призналась, что она лисица и что её муж относился к ней великодушно, именно поэтому она живет в полной любви и по сей день. Описанный образ показывает, что небольшая хитрость и умение применить её в благих целях способны помочь человеку решить проблемы. Здесь женская мудрость рассматривается как способность интуитивно понимать и чувствовать, а не только рационально анализировать. Такое поведение лисицы Хэн-нян связано с благой энергией инь, которая включает в себя умение быть в гармонии с окружающим миром, слушать и воспринимать, а также проявлять заботу и поддержку. Иньская сила у женщин развивает глубокое понимание себя и других, что способствует развитию мудрости, основанной на интуиции и эмоциональной осведомленности.

В рассказах Пу Сун-лина лисица может быть персонажем, показывающим глубокие знания природной медицины и служащим символом китайского традиционного целительства. Примером такого образа может служить рассказ «Целительница Цзяо Но» «嬌娜» (Пу

Сун-лин 2022, Т.1, стр. 147-161), повествующий о студенте Кун Сюэ-ли, у которого появилась ужасная опухоль не поддающаяся лечению никому из людей. Спасением студента стала молодая девушка, которая благодаря своему дару исцеления смогла удалить опухоль Куна. Студент остался изумлен дару девушки, оказавшейся лисицей, и при встрече благодарил Цзяо Но за оказанное ему благодеяние. В данной истории лисица применяет свою природную, то есть иньскую силу во благо, спасая молодого человека от страшной болезни.

Помимо предыдущего примера, образ лисы-целительницы можно встретить и в новелле «Чародейка Лянь-сян» «蓮香» (Пу Сун-лин 2022, стр. 49-64), где девушка-лиса по имени Лянь-сян помогает своему возлюбленному Сан Сяо избавиться от наваждений беса. При помощи сбора специальных трав, изготовления из них лекарств и проведения лечебного ритуала, Лянь-сян разрушила воздействие девушки-призрака на здоровье мужчины. Несмотря на то, что Сан поначалу не придавал ее предупреждениям о влиянии беса на его жизненную энергию никакого значения, она не отказала ему в помощи, даже когда он по своей глупости был на волоске от гибели. В данной новелле лиса благородно применяет свои знания о травах и магических практиках для лечения и защиты, что отражает её глубокую связь с природной стихией. Образ Лянь-сян символизирует гармонию и восстановление, которые приносит природная магия, обеспечивая исцеление как души, так и тела человека. В новелле идет акцент на том, что применение иньской силы связано не только с физическим исцелением, но и с умением работать с тонкими энергиями духовного здоровья.

Кроме того, вспоминается новелла «Фея лотоса» «荷花三娘子» (Пу Сун-лин 2022, стр. 111-118), в которой мужчина Цзун Сян-жо знакомится с молодой девой, чье имя не упоминается в тексте. У них завязываются близкие отношения, но вскоре его состояние начинает стремительно ухудшаться. Монах, которого он случайно встречает на пути, с опаской предостерегает, что мужчина связался с нечистым духом и от него нужно избавиться. Он объясняет Цзуну как провести ритуал по изгнанию лисы, и тот соглашается. Однако в последний момент мужчина решает сохранить жизнь лисице, выпустив ее из жбана с защитным талисманом. Девушка благодарит героя за проявленное милосердие и спустя некоторое время передает через слугу специальные изготовленные ей лекарства, которые, по ее словам, «прямотаки творят чудеса» (1, стр. 114). Всего за 10 дней эти таинственные средства полностью излечили его серьезную болезнь. Несмотря на то, что девушка в итоге оказалась не человеком и подпитывалась энергией мужчины, чуть не лишив его последних сил, Пу Сун-лин раскрывает ее как добродетельную девушку-целительницу, которая спасла своим магическим лекарством жизнь юноше. В данной новелле снова можно проследить влияние сложной иньской символики на образ лисы, ведь она предстает не просто в виде темного существа, способного истощать жизненную энергию людей, но и как того, кто может исправить и вылечить, то есть в образе лисы совмещены разные стороны силы инь.

В рассказе «Лиса-наложница» «狐妾» (Пу Сун-лин 2023, Т.2, стр. 263-271) лисица обладала даром видеть будущее, поэтому узнавала о всех событиях наперед и помогала своему избраннику. В один день, Лю Дун-цзю неожиданно услышал в своем дворе смех и говор, а чуть позже в его канцелярии появились четыре женщины разного возраста. Все они встали перед столом, глядя на Лю, и смеялись. Мужчина оставил их без внимания, так как отлично знал, что в его дворце много лисиц. После непродолжительного визита девушки ушли, но одна из них, та, что была постарше, в один день вернулась к Лю и сказала, что ее сестренка «имеет судьбу» с героем и очень просила его, чтобы тот «не погнушался ею и не выбросил, как негодную траву». Лю вяло пообещал девушке, а та сразу же ушла и очень скоро вернулась вместе со служанкой, причем они обе вели под руку молодую девушку. Как только герой ее увидел, то принялся пристально рассматривать: красота молодой девушки и вправду была сияющей, второй такой найти было бы невозможно. Мужчина сразу же стал с ней миловаться и расспрашивать откуда она. Девушка рассказала, что в прошлом она была человеком, но страдая от нападений лисы, вскоре умерла и была похоронена в саду Лю. Однако, другие лисы собрались и оживили ее, после чего ей передалась сущность лисы. Так, молодая

лиса и осталась жить в доме Лю. Он проводил с ней все время, «ходил ли, сидел ли - все с ней». Со временем он стал замечать, что дева могла заранее узнать о чем бы то ни было. Когда встречалось какое-либо затруднение, мужчина всегда советовался с ней, и не было ни одного случая, чтобы молодая девушка не решала его проблемы. Однажды она вдруг взглянула на небо и тревожно сообщила Лю, что в их городе наступит большой мятеж и что необходимо просить начальство о назначении куда-либо подальше, чтобы избежать беды. Герой послушал молодую девушку и вскоре получил назначение в очень отдаленные провинции. Все, кто слышал об этом, сочувствовали Лю, и только лисица поздравляла его. Вскоре после отъезда вся область пала под бунтом и все чиновники, кроме командированного Лю, были убиты. Когда мятеж был усмирен, Лю с лисицей вернулись обратно и были вместе еще несколько лет. Однажды, девушка неожиданно ушла, но оставила герою подарок в виде нескольких вещей в бумажном конверте. Одним из подарков был флажок, который вешают на дверях дома, где есть покойник, что всем показалось очень плохим предзнаменованием. И снова случилось то, что лиса знала заранее – Лю вскоре умер. В этой новелле лиса использует свою магию, чтобы сделать жизнь возлюбленного лучше. Героиня применяет ту сторону силы инь, которая направлена на созидание, исцеление и помощь ближним. Лиса, обладающая магией предсказаний, символизирует острое интуитивное восприятие и способность чувствовать то, что скрыто от обычного взгляда. В свою очередь, эти качества резонируют с иньской энергией, которая связана с внутренним пониманием и тонкими ощущениями.

В некоторых рассказах лисы проявляют исключительно темную и разрушительную силу инь. Для таких историй характерна манипуляция со стороны красавицы, всевозможный обман, невыполненная сделка. Часто встречается мотив, где женщина желает отомстить или наказать мужчину за совершенный ранее поступок или за сказанные слова. Как правило, лисицы постепенно затмевают разум человека, создавая иллюзию близости и надежности, в итоге оборачивая их же желания против них самих. Образы подобных женщин символизируют всю опасность и непредсказуемость энергии инь.

Например, в новелле «Мохнатая лиса» «毛狐» (Пу Сун-лин 2022, стр. 77-81) Пу Сун-лина девушка-лиса выступает соблазнительницей для главного героя. Крестьянин Ма Тяньжун, узнав о том, что девушка, которую он встретил, является феей, постоянно просил подарить ему денег и красивую невесту. Героиня решила проучить мужчину за его наглость и вместо обещанного серебра подарила сундук с обычным оловом. Лиса также нашла для Ма невесту, вот только у нее «...был горб на груди и спине, шея скорчилась, словно у черепахи, а лотосовые лодочки были в добрых пол-аршина...» (Пу Сун-лин 2022, стр. 80), впрочем, такую, какую он заслужил. Таким образом, Пу Сун-лин показывает, что девушки-лисы способны проучить человека за излишнюю дерзость. Здесь женщина-лиса выступает в качестве символа более темной стороны инь, скрытой и порой разрушительной. Лиса наказывает героя не просто за жадность и наглость, а за его неспособность признать ценность вещей и труд, вложенный в их получение. Вместо того чтобы удовлетворить его запросы, лиса нарочно не оправдывает его ожиданий и показывает, что он заслуживает только того, что соответствует его собственному поведению. Действия лисы позволяют увидеть, что сила инь способна проявляться в манипуляциях и возмездии через её скрытую, мрачную и иногда разрушительную природу.

Важно дополнить, что женщины в традиционном понимании обычно ассоциируются с продолжением рода, дарованием жизни и материнством. Они выступают символами природного начала и порядка, олицетворяют созидательную силу. Однако в новеллах китайского писателя Пу Сун-лина достаточно подробно описаны и те женщины, поведение которых определенно выходит за рамки общепринятого, поэтому его женские персонажи предстают для читателя немного в ином свете. Пу Сун-лин показывает, что женская сила проявляется не только в способности к созиданию и сохранению, но и в готовности бороться ради защиты своего дома и близких. Они противостоят несправедливости и сражаются с врагами, несмотря на любые опасности. Пу Сун-лин обращает внимание на глубинную суть женщины — быть не только хранительницей жизни, но и её защитницей, а при определенных обстоя-

тельстввах – и той, кто способен ее отнять, когда этого требуют обстоятельства. Таким образом, можно выделить иной тип женских персонажей – женщины-воительницы.

Примером новеллы, в которой героиня проявляет мастерские способности в бою, может стать «Наложница бьет злодеев» «妾擊賊» (Пу Сун-лин 2023, Т. 2, стр. 471-475). На западной окраине Иду в богатом семействе у некоего N был огромный достаток. Держал он при себе весьма красивую наложницу, однако его жена постоянно изводила девушку, порола и стегала, но наложница беспрекословно повиновалась ей. Мужчина видел все это и часто жалел её, не раз разговаривал с ней с глазу на глаз, но наложница ни разу не пожаловалась ему. Однажды ночью к ним в дом пробрались несколько десятков человек, господин с супругой до смерти перепугались и не знали, что им делать. Наложница встала, взяла коромысло и выскочила наружу, и с легкостью справилась со всеми злодеями. Оказалось, что ее отец был мастером-наставником на пиках и палках, он то и научил дочь так искусно драться. Жена господина была так благодарна и с тех пор стала хорошо к ней относиться. В данном произведении иньский символизм выражается через образ наложницы, которая внешне проявляет традиционно «иньские» качества — покорность, скромность и терпение, однако внутри нее горит огонь, символизирующий скрытую мощь инь, с помощью которого она побеждает врагов и защищает свой дом. Такое сочетание качеств – покорности и разрушительности, также отображает неоднородность энергии инь. Мы смело можем назвать наложницу женщиной-воительницей, воплощающей абсолютно иньскую энергию, – ведь за ее мягкостью скрывается смелость и сила.

Кроме того, еще одним произведением, где Пу Сун-лин описывает женщину-воительницу можно назвать «Деву-Рыцаря» «俠女» (Пу Сун-лин 2022, Т. 1, стр. 421-433). Студент Ку жил бедно со своей матерью и как-то увлекся девушкой из соседнего дома, которая всегда была холодна и загадочна с людьми. Она часто помогала его семье, но в то же время была отстраненной. В один день в их жизнь ворвался странный юноша, который вызывал у девушки явное раздражение. Вскоре Ку стал свидетелем необычной сцены. Однажды девушка молча вошла к нему в дом, держа в руках кинжал. В этот момент в комнате находился тот самый необычный юноша, он насмешливо назвал девушку «честной девственницей». Она же, не сказав ни слова, бросила кинжал, и он сверкнул в воздухе. В следующее мгновение на земле лежала разрубленная лисица. Девушка спокойно заметила, что юноша сам выбрал свою судьбу, и удалилась, пообещав вернуться. Здесь разрушительная природа иньской силы показана в женщине-воине, которая убивает лиса. Девушка демонстрирует мощную энергию своим молчанием и решительностью, не тратя слов на насмешки юноши. Ее действие – молниеносное, холодное, но в то же время точное и неотвратимое. Лисица, в этой новелле – символ обмана и хитрости, была уничтожена без долгих объяснений, что подчеркивает скрытность инь: она проявляется не в бурных эмоциях, а в спокойной, неизбежной силе, которая не требует предупреждений.

Пу Сун-лин при помощи такого невероятного количества женских персонажей иллюстрирует всю сложность и многогранность всеохватывающей силы инь, которая представляет собой все нечеловеческое, губительное, темное и необъяснимое, при этом глубокое духовное знание и интуицию, природу, исцеление, дарование жизни... Именно женщины, обладающие различными магическими способностями и талантами олицетворяют в его новеллах эту мощнейшую энергию, способную как нести свет и спасение, так и породить тьму и разрушение, создавать баланс, а также сеять хаос.

Таким образом, в произведениях Пу Сун-лина двойственность иньской силы выражается через два типа героинь: тех, кто дарует жизнь и исцеление, и тех, кто приносит гибель и разрушение. Как мы упоминали выше, энергия инь может как лечить и оберегать, так и уничтожать — будь то через силу демонических существ и духов или же обычных женщин-воительниц, сражающихся за справедливость. То есть, женские персонажи в новеллах Пу Сун-лина играют ключевую роль в определении иньской символики, олицетворяя противоположности. Можно сделать вывод о том, что иньская энергия никогда не бывает однозначной — она парадоксальна и амбивалентна.

Важно также отметить, что даже когда женские персонажи изображены в роли фантастических существ — демонов, духов или оборотней, они остаются человеческими. Их мотивы, поступки и эмоции понятны и, возможно, даже знакомы каждому человеку. Все это подводит нас к выводу о том, что даже в нечеловеческом есть человеческое, а зло и добро переплетены гораздо теснее, чем кажется на первый взгляд.

Женщины в новеллах Пу Сун-лина не только воплощают силу инь, но и помогают раскрыть глубинные аспекты человеческой природы, что, безусловно, делает их важнейшими персонажами в его рассказах. Иньская символика женских образов в рассказах Пу Сун-лина подчеркивает неизбежную двойственность мироздания, в котором граница между светом и тьмой тонка и подвижна.

Литература:

1. Пу Сун-лин. Рассказы о необычайном/ Пу Сун-лин; пер. с кит. В. Алексеева. - М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. – 864 с.
2. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из кабинета неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях. В 7 т. Т.1/ Сост. А. Г.Сторожук, отв. и науч. ред. Д. И. Маяцкий, перев. В. М. Алексеева, А.Г. Сторожука. СПб.: Издательство СПбГУ, 2022. – 568 с.
3. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из кабинета неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях. В 7 т. Т.2/ Сост. А. Г. Сторожук, отв. и науч. ред. Д. И. Маяцкий, перев. В.М. Алексеева, А. Г. Сторожука. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2023. – 628 с.
4. Алимов И.А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая = Demons, foxes, ghosts in texts of the song China [Текст] = Demons, foxes, ghosts in texts of the song China / И. А. Алимов ; Российская акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). - Санкт-Петербург : Наука, 2008. – 282 с.
5. Алимов И.А. Вслед за кистью: Материалы к истории сунских авторских сборников бици: Исследования. Переводы. Ч.2. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2004. – 448 с.
6. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. В 2 книгах. Книга 1/ Составитель М.В.Баньковская. Ответственный редактор Б. Л. Рифтин: М.: «Восточная литература», 2002. – 574 с.: ил. («Классики отечественного востоковедения»: Осн. В 2001 г.) – 574 с.
7. Голыгина К.И. Новелла средневекового Китая: истоки сюжетов и их эволюция VII- XIV вв. Москва: «Наука», гл. Редакция восточной литературы, 1980. – 326 с.
The Chinese fairy book/ edited by R. Wilhelm; translated after original sources by Frederick H. Martens; with six illustrations in color by George W. Hood,1921. - VI, 329, [8] с.-; 6 л. цв. ил. (в т. ч. фронт.)

УДК 343.85

Тимофеева Александра Юрьевна, студент 4 курса
Факультета подготовки следователей
Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации
timofeevaaleksandra482@gmail.com

Салогуб Яна Леонидовна, капитан юстиции, канд. ист. наук
Кафедра государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации
salogub66@mail.ru

СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления и развития способов противодействия нетрадиционному религиозному течению Свидетели Иеговы в Китайской Народной Республике и в Российской Федерации. Выделяются сходства, различия и направления совместной деятельности указанных государств в борьбе с деятельностью запрещённой организации.

Ключевые слова и фразы: нетрадиционное религиозное учение, Свидетели Иеговы, список Се-цзяо, способы противодействия.

Timofeeva Alexandra Yurievna, 4th year student
of the Faculty of Investigator Training
Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee
of The Russian Federation,
timofeevaaleksandra482@gmail.com

Salogub Yana Leonidovna, Captain of Justice, PhD in History,
associate Professor,
Department of State and legal disciplines,
Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee
of The Russian Federation,
salogub66@mail.ru

JEHOVAH'S WITNESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: WAYS TO COUNTERACT

Abstract. The article examines the process of formation and development of ways to counter the non-traditional religious movement Jehovah's Witnesses in the People's Republic of China and in the Russian Federation. The similarities, differences and areas of joint activity of these States in the fight against the activities of a banned organization are highlighted.

Key words and phrases: non-traditional religious teaching, Jehovah's Witnesses, the Xie jiao list, ways to counteract.

Социум – сложная, динамично развивающаяся система, структурным элементом которой являются нетрадиционные религиозные течения, в той или иной форме существовавшие на протяжении всей истории человечества и сыгравшие существенную роль в его развитии. Нетрадиционное религиозное течение – религиозная организация, предлагающая специфическое, отличающееся от традиционных религий, религиозное мировоззрение [1, с. 124-127].

Нетрадиционные религиозные течения в настоящее время всё чаще используются в ка-

честве средства совершения преступлений, в частности, предусмотренного ст. 159 УК РФ (мошенничество). Основным способом совершения мошенничества в отношении адептов какого-либо религиозного течения, является использование их веры, обман в целях хищения имущества или приобретения права на него. В результате злоупотребления доверием последователи культа лишаются имущества, что в значительной степени затрудняет их уход от нетрадиционного религиозного учения.

Кроме того, создание таких религиозных организаций в определённых законом случаях является самостоятельным составом преступления (ст. 239 УК РФ). Создание религиозного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами, влечёт за собой наказание вплоть до лишения свободы. В условиях глобализации данное явление может приобрести международный аспект, поскольку последователи вербуют в свои ряды все новых адептов и нетрадиционное религиозное течение становится влиятельной силой уже не в рамках отдельно взятого государства, а в целом регионе, и в некоторых случаях – в мировом сообществе. В связи с этим возрастает значение взаимодействия государств в борьбе с нетрадиционными религиозными организациями.

В качестве цели исследования выступает определение совокупности способов и методов противодействия нетрадиционным религиозным учениям, в частности, Свидетелям Иеговы, в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Достижение цели предполагает решение исследовательских задач: анализ законодательства России и Китая в области борьбы с нетрадиционными религиозными организациями, выявления сходств и различий в используемых методах, а также поиск наиболее эффективных путей взаимодействия государств в рассматриваемой сфере.

Ключевые методы исследования определяются её целью и задачами. Формально-юридический метод позволил провести анализ текстов нормативных актов государств в части, касающейся противодействию нетрадиционным религиозным учениям. Общетеоретические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) применялись при построении умозаключений.

В отечественной литературе исследования межгосударственной борьбы с нетрадиционными религиозными течениями практически не встречаются, что позволяет отнести тему к слабоизученным. М. Г. Рудаков рассматривает причины распространения нетрадиционных религиозных учений, а также основные последствия для сферы духовной безопасности личности и социума [2, 92-100]. Анализ социокультурных представлений молодёжи с нетрадиционной религиозностью провела И. В. Лютенко [3, с. 40-53].

Свидетели Иеговы – одно из нетрадиционных религиозных течений. Учение зародилось в 70-х годах XIX века в США. Основоположителем считается Чарльз Тейз Рассел. Изначально главная цель течения состояла в стремлении изучить Библию через призму различных точек зрения религиозного мировоззрения. В основе мировоззрения «иеговистов» лежит специальный перевод Библии, получивший название «New World Translation» [4]. Последователям культа предписывается прекратить всякие отношения с инакомыслящими, отказаться от прежних ценностей. Иеговисты аполитичны: они не занимают постов на государственной службе, не участвуют в выборах, отказываются выполнять гражданский долг, в том числе – служить в армии.

Деятельность Свидетелей Иеговы имеет широкую географию распространения и охватывает практически весь земной шар – от крупнейших стран Северной Америки до Австралии. Количество последователей, по данным собственной статистики на 2020 год, более 8,5 миллионов [5]. Подобное течение не могло обойти стороной крупнейшую по территории страну мира – Российскую Федерацию и государство, занимающее лидирующие позиции по численности населения, – Китайскую Народную Республику. В обеих странах, деятельность последователей Свидетелей Иеговы запрещена законом.

В Китае, после свержения императорской власти в результате Синхайской революции 1911 года, отношение к религии неоднократно и резко менялось буквально – на противоположное. В 1950-х годах прошло несколько антирелигиозных компаний и в 60-е гг. открытая

религиозная деятельность практически была свернута [6, с. 33-57]. Что же касается упоминания религиозных прав граждан в Конституциях КНР, то все существовавшие в Китае редакции Основного закона содержали упоминание о свободе вероисповедания:

- ст. 88 Конституции 1954 г.: «Все граждане Китайской Народной Республики имеют свободу вероисповедания» [7, с.3-30];
- ст. 26 Конституции 1975 г.: «Граждане имеют свободу <...> вероисповедания и свободу неисповедания никакой веры и пропаганды атеизма» [8, с.31-44];
- ст. 46 Конституции 1978 г.: «Граждане имеют свободу вероисповедания и свободу неисповедания никакой веры и пропаганды атеизма» [9, с. 45-66].

Действующая Конституция Китая 1982 г. [10], также признает религию и обеспечивает ее защиту. Однако, положения ст. 36 не ограничиваются лишь упоминанием свободы вероисповедания, но и содержат запрет на принуждение к исповедованию какой-либо религии, дискриминацию по религиозному признаку. Одновременно с этим, для верующих установлен запрет на использование религии в целях нарушения общественного порядка, нанесения вреда здоровью граждан и ущерба государственной системе образования. Кроме того, положения Конституции 1982 года содержат указание на свободу религиозной деятельности от иностранного контроля.

Положения Конституции, практически повторяет Белая книга «Политика и практика обеспечения свободы вероисповедания в Китае» [11]. Белая книга, как правило, представляет собой официальные государственные сообщения, разъясняющие положения внутренней и внешней политики. Их публикует пресс-канцелярия при Государственном совете, основной функцией которой является пропаганда [12]. Данный документ подчёркивает, что «государство <...> запрещает пропаганду экстремизма и экстремистскую деятельность под предлогом религии, противодействует проникновению иностранного влияния под предлогом религии и борется с преступностью под предлогом религии» [13].

Положения Конституции 1982 года и Белой книги, касающейся религиозной политики, в части недопустимости иностранного влияния на религиозную деятельность, создают предпосылки для объявления Свидетелей Иеговы вне закона, так как зародилось течение в США. В Нью-Йорке и в настоящее время действует руководящий офис иеговистов, собирающий и обобщающий данных об адептах со всего мира.

С середины 1990-х годов нелегальные и запрещенные религиозные группы были классифицированы и внесены в список Се-цзяо. Включение в него означало, что всякий, кто связан с находящейся в списке организацией, подлежит уголовной ответственности [14].

Список Се-цзяо («четыре несовместимости» или «четыре неправомерных деяния») – один из способов ограничения религиозной деятельности в КНР. Выделяется четыре критерия для отнесения того или иного религиозного течения к данному списку:

1. Несовместимость с социалистической системой;
2. Несовместимость с китайской культурой;
3. Несовместимость с национальными интересами;
4. Несовместимость с общественным порядком.

Следует отметить, что Се-цзяо – это особое понятие, появившееся в Китае ещё в VII веке. Оно используется для обозначения религиозных учений, которые считаются опасными, противостоящими действующему правительству и не имеют официального признания хотя бы одной из пяти традиционных религий Китая. Данный список – нечто схожее с действующим в России перечнем общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято и вступило в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным законом «О противодействии экстремистской деятельности» [15].

Дополненный список Се-цзяо был опубликован Китайской ассоциацией против Се-цзяо в 2022 году. В него были включены дополнительно 23 религиозных движения. Список не является официальным, но его положения могут применяться по аналогии и к организациям, которые никогда в него не включались, например – к Свидетелям Иеговы. Это объясняется

тем, что нетрадиционные христианские движения занимают в списке Се-цзяо большинство позиций.

Свидетели Иеговы в Китае, особенно иностранные миссионеры, несмотря на провозглашённую Основным законом государства свободу вероисповедания, подвергаются преследованиям со стороны правоохранительных органов. Рост преследований наблюдается после совместного опубликования Рабочим отделом Объединенного фронта и Министерством общественной безопасности Китая «Плана работы Специальной операции по расследованию и борьбе с проникновением христиан за границу в соответствии с Законодательством» [16].

В китайских средствах массовой информации не содержится сведений о совершении иеговистами преступлений. Однако, китайское Правительство расценивает некоторые деяния последователей Свидетелей Иеговы, как незаконные: распространение религиозной литературы без разрешения, проведение незарегистрированных собраний или организацию публичных мероприятий без разрешения властей [17].

Способы и методы борьбы со Свидетелями Иеговы в Китае можно условно разделить на две группы – официальные (административные) и бытовые (общесоциальные).

Официальные методы связаны с непосредственной деятельностью государственных органов. К ним можно отнести: контроль деятельности религиозных общин, проведение следственных и досудебных мероприятий при наличии достаточных оснований, установку различных форм наблюдения за адептами, ликвидацию местных организаций.

Бытовые способы зачастую неосознанно используются рядовыми гражданами. Среди них можно выделить следующие:

- разложение общины изнутри путём работы по «спасению от секты» родных и близких;
- пропаганда законных объединений и религиозных организаций против Свидетелей Иеговы;
- формирование СМИ образа деструктивной организации.

Преобладающими в борьбе с общиной Свидетели Иеговы являются административные методы [18]:

- запрет на регистрацию собраний и получение официального статуса
- депортация иностранных миссионеров с запретом на возвращение в Китай на определённый срок, иногда запрет носит бессрочный характер (для церковных старейшин);
- полицейские рейды в дома и места служений адептов, контроль и наблюдение за членами организации;
- призывы власти к сообщениям известной информации и месте расположения и служения иеговистов;
- арест и осуждение членов организации;
- антипропаганда китайского правительства, направленная на дискредитацию Свидетелей Иеговы, создание представления о иеговистах, как об угрозе национальной безопасности;
- ограничение на публичную деятельность: иеговисты не могут открыто распространять свою веру, использовать для этого средства массовой информации и социальные сети.

Среди предпосылок существования столь жесткой государственной политики в отношении Свидетелей Иеговы можно отнести:

- Оценку Коммунистической партией Китая (КПК) деятельности иностранных миссионеров, как угрозы национальной безопасности;
- Отсутствие государственной поддержки в действующем законодательстве православных (особенно – нетрадиционных) течений.

В России учение иеговистов начало распространяться в начале XX века. Однако, официальное признание они получили 27 марта 1991 года, когда Свидетели Иеговы получили регистрацию в Министерстве юстиции РСФСР, как религиозное течение. Через 3 года по-

явились свидетельства других христианских церквей, в том числе и зарубежных, о существенном искажении Евангелия иеговистами при ведении ими пропагандистской работы [19].

С 1995 года Комитетом по спасению молодёжи от тоталитарных сект, созданному родителями и родственниками тех, кто попал в подобные формирования, начала проводиться работа, направленная на вынесение государственными органами официального запрета деятельности религиозной организации. Лишь в 1998 году пятая жалоба Комитета в Прокуратуру Москвы положила начало ряду судебных слушаний, результатом которых стало решение суда о запрете деятельности московской общины Свидетелей Иеговы и её ликвидации [20]. Таким образом, движение иеговистов оказалось чуждым для России, и борьба с ним началась практически сразу после его официальной регистрации.

Среди причин непринятия иеговистов в России можно выделить следующие:

- против идеологии организации активно выступила христианская церковь, имеющая наибольшее число последователей в России;
- деятельность формирования значительно ухудшала материальное положение своих последователей и их семей, имела признаки мошеннической схемы;
- пропагандистская работа иеговистов была направлена не только на увеличение количества последователей, но и разжигание ненависти к традиционным религиям;
- вербовка новых членов организации расценивалась как шпионаж. Она представляла собой сбор максимально доступной информации о людях, в дома которых приходили адепты, её систематизацию и направление в руководящий орган, находящийся в Нью-Йорке.

С 2009 года в соответствии с Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» были ликвидированы общины в Таганроге, Самаре, Абинске, Старом Осколе, Белгороде, Москве и др. [21] Европейский Суд по правам человека постановил, что решение Верховного Суда РФ о ликвидации организации в Москве нарушает положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод [22].

20 апреля 2017 года Верховный Суд Российской Федерации принял решение о ликвидации религиозной организации «Свидетели Иеговы» и входящих в её структуру местных религиозных организаций на всей территории страны, а так же, внесение её в перечень формирований, деятельность которых запрещена [23].

Судебные процессы над иеговистами, особенно иностранными, получают широкую огласку мире. В 2019 году в России гражданин Дании Деннис Кристенсен приговорён к 6 годам лишения свободы по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ (организация деятельности экстремистской организации) [24]. Решение суда вызвало негативную реакцию ООН, Европейского союза, США, Дании и ряда других стран.

Позиция России нашла поддержку у союзника – Китая, где, существует антикультурный веб-сайт, отражающий точку зрения КПК по вопросам, связанным с Се-цзяо. Данный сайт опубликовал статью, поддерживавшую деятельность России в отношении Свидетелей Иеговы: «Разумно строго контролировать или даже полностью запретить деятельность Свидетелей Иеговы» [25].

Борьба с религиозным течением Свидетели Иеговы ведется как в Российской Федерации, так и в Китайской Народной Республике с преобладанием административных методов. Они применяются с той лишь разницей, что в России существует официальный запрет на деятельность организации [26], а в Китае законодательство применяется по аналогии с законом. Причины противостояния государств и иеговистов также схожи: данное религиозное течение противоречит традиционным религиозным ценностям и воспринимается как угрожающее национальной безопасности. Деятельность Свидетелей Иеговы продолжает незаконно осуществляться в дальневосточных регионах России, расположенных в непосредственной близости к российско-китайской границе (Приморский край, Амурская область). Подпольная деятельность иеговистов осуществляется и на территории Китая. Разработка государствами единых подходов к оценке деятельности нетрадиционных религиозных течений в приграничных районах позволит достичь успешных результатов в противодействии

этим течениям. Совместная деятельность может включать следующие направления:

- создание общего списка запрещённых религиозных течений;
- создание базы данных разыскиваемых adeptов;
- унификация правил, способов и средств противодействия нетрадиционным религиозным течениям;
- подготовка специалистов для расследования правонарушений в данной сфере общественной жизни.

Деятельность Свидетелей Иеговы выступила своеобразным катализатором формирования союзнических отношений России и Китая в идеологической сфере.

Литература:

1. Таткало Н.С. Деструктивные нетрадиционные религиозные течения как фактор разрушения национального самосознания народа Кыргызстана (на примере организаций христианского толка) // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2016. – № 8. – С. 124-127.
2. Рудаков М.Г. Новые и нетрадиционные религии в полиэтническом социуме: к вопросу о духовной безопасности // Социальная педагогика. – 2016. – № 3. – С. 92-100.
3. Лютенко И.В. Социокультурные представления коренной и приезжей молодёжи с нетрадиционной религиозностью (социологический опрос студенчества) // Научный результат. Социология и управление. – 2024. – № 1. – С. 40-53.
4. БИБЛИЯ «Перевод нового мира» NT на русском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://nocr.net/hbm/russian/rusnwt/index.php> (дата обращения: 17.08.2023)
5. Всемирный отчёт Свидетелей Иеговы [Электронный ресурс]. URL: [file:///C:/Users/USER/Downloads/syr20_U%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/USER/Downloads/syr20_U%20(1).pdf) (дата обращения: 17.08.2023).
6. Edward A. Irons. The List: The Evolution of China's List of Illegal and Evil Cults // The Journal of CESNUR. – 2018. – №2. – С. 33-57.
7. Конституция Китайской Народной Республики (Принята на I сессии ВСНП КНР первого созыва 20 сентября 1954 г.) // Конституции Китайской Народной Республики 1954, 1975, 1978, 1982 гг. – М.: Наука. ГРВЛ, 1983. – С. 3-30.
8. Конституция Китайской Народной Республики (Принята на I сессии ВСНП КНР четвертого созыва 17 января 1975 г.) // Конституции Китайской Народной Республики 1954, 1975, 1978, 1982 гг. – М.: Наука. ГРВЛ, 1983. – С. 31-44.
9. Конституция Китайской Народной Республики (Принята на I сессии ВСНП КНР пятого созыва 5 марта 1978 г.) // Конституции Китайской Народной Республики 1954, 1975, 1978, 1982 гг. – М.: Наука. ГРВЛ, 1983. – С. 45-66.
10. Конституция Китайской Народной Республики от 04.12.1982 г. (с поправками) [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/constitution-of-china-20180318> (дата обращения: 17.08.2023).
11. Информационный портал Центр стратегических оценок и прогнозов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csef.ru/politica-i-geopolitica/416/polnyj-tekst-beloj-knigi-politika-i-praktika-obespecheniya-svobody-veroispovedaniya-v-kitae-8503> (дата обращения: 11.09.2023).
12. Ставров И. В. «Мы – единый народ»: «Белые книги» как инструмент пропаганды национального единства КНР. // Российско-китайские исследования. – 2022. – №4. – С. 234-240.
13. Информационный портал Центр стратегических оценок и прогнозов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csef.ru/politica-i-geopolitica/416/polnyj-tekst-beloj-knigi-politika-i-praktika-obespecheniya-svobody-veroispovedaniya-v-kitae-8503> (дата обращения: 11.09.2023).
14. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14.03.1997 г. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения: 17.08.2023).
15. Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О

- противодействию экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 15.08.2023).
16. Информационный портал «BitterWinter» [Электронный ресурс]. URL: <https://bitterwinter.org/china-launches-a-special-campaign-to-crack-down-on-south-korean-christian-groups/> (дата обращения: 07.08.2023).
17. Информационный портал «BitterWinter» [Электронный ресурс]. URL: <https://fakt777.blogspot.com/2019/02/kitaj-svidetelej-iegovy.html> (дата обращения: 05.08.2023).
18. Информационный портал «BitterWinter» [Электронный ресурс]. URL: <https://bitterwinter.org/china-launches-a-special-campaign-to-crack-down-on-south-korean-christian-groups/> (дата обращения: 07.08.2023).
19. Итоговое заявление международного христианского семинара «Тоталитарные секты в России» // Альфа и Омега. – 1994. – №2.
20. Решение Головинского районного суда Северного АО г. Москвы от 26 марта 2004 г. по религиозному объединению «Свидетели Иеговы» [Электронный ресурс]. URL: <http://stolica.narod.ru/pseudo/jw/120.htm> (дата обращения: 10.08.2023).
21. Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 15.08.2023).
22. Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 июня 2010 г. Дело "Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве" против Российской Федерации (жалоба N 302/02) (Первая секция) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12083552/> (дата обращения: 14.08.2023).
23. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 15.08.2023).
24. Интернет-портал ГАС «Правосудие». URL: http://zheleznodorozhny.orl.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=297 (дата обращения: 19.08.2023); Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
25. Информационный портал «Anticult» [Электронный ресурс]. URL: http://anticult.kaiwind.com/xingao/2019/201901/04/t20190104_6674754.shtml (дата обращения: 19.08.2023).
26. Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 15.08.2023).

Успенский Владимир Леонидович, док. ист. наук, профессор
Кафедра монголоведения и тибетологии
Санкт-Петербургский государственный университет
v.uspenskiy@spbu.ru

О МОНГОЛЬСКОМ ВАРИАНТЕ ТЕКСТА ДИПЛОМА ПЯТОГО ДАЛАЙ-ЛАМЫ

Аннотация. Доклад посвящен анализу монгольского варианта текста диплома, полученного Далай-ламой от императора Шуньчжи во время визита в Пекин в 1653 г. До настоящего времени исследователям был доступен лишь китайский вариант этого диплома, в то время как почти вся официальная переписка, касающаяся этого визита, велась на монгольском языке.

Ключевые слова и фразы: буддизм, Далай-лама, Тибет, династия Цин, монголы, ойраты.

Uspensky, Vladimir Leonidovich, Ph.D. in History, Professor
Mongolian and Tibetan Studies
Saint Petersburg State University
v.uspenskiy@spbu.ru

ABOUT THE MONGOLIAN VERSION OF THE FIFTH DALAI LAMA'S PATENT

Abstract. The paper contains Russian translation and analysis of the patent which was received by the Fifth Dalai Lama from the Emperor Shunzhi during his visit to Beijing in 1653. Until the present time only Chinese version was available to scholars. However, practically all official correspondence related to this visit was conducted in Mongolian.

Key words and phases: Buddhism, Dalai Lama, Tibet, Qing dynasty, Mongols, Oirats.

Визит Далай-ламы V в Пекин в 1652–1653 гг. был выдающимся событием. Можно сказать, что он подвел итог бурным событиям и выдающимся переменам, которые произошли в Центральной Азии и на Дальнем Востоке в предшествующие два десятилетия.

Хотя далай-ламы считаются символом Тибета, институт этих последовательных воплощений бодхисаттвы Авалокитешвары обязан своим возникновением монголам. Могущественный монгольский правитель тумэтский Алтан-хан (1507–1582) пожаловал титул «далай-лама» в 1578 г. почитаемому тибетскому монаху Содном-Гьяцо (Bsod nams rgya mtsho; 1543–1588), с которым встретился в районе Куку-нора (Цинхая). Слово «далай» означает по-монгольски «океан», хотя монголы были сухопутными кочевниками. Однако уже первые памятники монгольской письменности свидетельствуют о том, что это слово употреблялось в значении «огромный; всеохватывающий». В «Сокровенном сказании» («Тайная история монголов»; кит. Юань чао ми ши 元朝秘史, § 280) выражение *dalai-yin qahan* «всеобщий правитель» употреблено в отношении Угэдэя – сына Чингис-хана и его наследника. Зафиксировано это выражение и на печати великого монгольского хана.

Таким образом, данный титул намекал на то, что его носитель является высшим авторитетом в буддизме. Необходимо также отметить, что в XVI в. возникает как массовое явление институт «живых будд» (тиб. тулку sprul sku; монг. хубилган; кит. хофо 活佛). Появлялись во всё больших количествах новые «династии» «живых будд». «Далай-ламы» должны были быть наиболее значительными среди них. Однако в XVI и нач. XVII вв. в Тибете господствовала другая религиозная школа тибетского буддизма, нежели та, к которой принадлежал получивший титул «далай-лама» Содном-Гьяцо, – Карма-Кагью (тиб. Karma bka'

brgyud). Сам Содном-Гьяцо принадлежал к так наз. «желтошапочной» школе Гелугпа (тиб. dGe lugs pa), основанной выдающимся тибетским религиозным деятелем Цзонхавой (1357–1419). Поэтому монгольская поддержка была для него весьма существенным моментом в той обстановке.

Получив титул «далай-лама», Содном-Гьяцо так и не вернулся в Тибет. Он совершал пастырские поездки по Куку-нору и Монголии и скончался по пути в Пекин в 1588 г. Его следующим «воплощением» стал внук Алтан-хана Йонтан-Гьяцо (Yon tan rgya mtsho; 1589–1616), который прибыл в Тибет только в 1603 г. Таким образом, далай-лама появился в Тибете только через двадцать пять лет после появления этого титула. Он был этническим монголом и прибыл в сопровождении крупного монгольского военного отряда.

Одновременно с этим на Дальнем Востоке вышло на арену маньчжурское государство. Подчинив восточных монголов, вожди которых в значительной степени добровольно перешли на сторону маньчжуров, и победив последнего всемонгольского хана – Лигдан-хана (1592–1634), маньчжурский правитель Хунтайцзи провозгласил в 1636 г. новую династию Дай Цин 大清. Эта династия претендовала на то, чтобы считаться единственной легитимной династией во всей Поднебесной. Именно тогда маньчжурскими правителями стал обсуждаться с ханами Северной Монголии вопрос о приглашении новой династией в свою столицу Мукден далай-ламы. Однако в Китае в это время правила династия Мин 明, и никто не мог предугадать тот факт, что она будет свергнута самими китайцами в 1643 г., а последний император совершит самоубийство. Маньчжуры не упустили этой возможности, и с 1644 г. династия Цин уже имела Пекин своей столицей и правила всем Китаем.

Практически одновременно с этим решилась судьба Тибета. Ойратский Гуши-хан (1582–1655) в 1637 г. выдвинулся со своим войском в область Куку-нора, сокрушил противников школы Гелугпа и вскоре предпринял военные действия непосредственно в Тибете. В 1642 г. его власть над Тибетом была установлена, школа Гелугпа стала господствующей, а далай-лама – первоиерархом. Это был пятый далай-лама согласно традиционному отсчету «предыдущих воплощений» Нгаван-Лобсан-Гьяцо (1617–1682).

В 1648 г. Далай-ламе V было отправлено из Пекина официальное приглашение посетить Пекин – столицу новой династии. В связи с малолетством императора Шуньчжи в это время у власти находился регент Доргонь. Это приглашение было написано стихами на монгольском языке:

[Тот, о ком] пророчествовали Будды прежних времен,
[Кто] руководил множеством живых существ
И приводил их к совершению добрых дел,
Чтобы принести им мир и радость, –
Замечательный высокий лама
Ради того, [чтобы все] пребывали в счастье и благополучии,
И для того, чтобы указать [им] истинный сокровенный путь,
Пусть лично соблаговолит прибыть [3, с. 56].

Хотя цели визита были обозначены как чисто религиозные, пышные эпитеты и сам факт приглашения далай-ламы означал признание новой династией Цин легитимности действий Гуши-хана, который завоевал Тибет и при помощи военной силы провозгласил буддийскую школу Гелугпа господствующей.

С другой стороны, визит первоиерарха тибетского буддийского мира, который простирался от Байкала до Гималаев, было признанием с его стороны легитимности новой династии Цин.

Надо также отметить, что до настоящего времени исследователям, которые писали о визите Далай-ламы V в Пекин, из официальных документов были доступны только документы на китайском языке. Имеются также автобиографические записки на тибетском языке самого Далай-ламы V. Документы на монгольском языке, на котором, собственно, и велась вся

официальная переписка, были опубликованы лишь в XXI в. Следует отметить, что монгольский язык довольно широко использовался во внешних контактах империи Цин, в т.ч. с Россией.

О визите Далай-ламы V в Пекин в 1652–1653 гг. подробно писали Захируддин Ахмад [4, с. 166–186] и отечественный китаист А.С.Мартынов [1, с. 78–139]. Оба они пользовались китайскими источниками. (З.Ахмад также использовал тибетские источники). А.С.Мартынов рассматривал этот визит в рамках традиционной китайской политической теории: новая династия рассылает импульсы, и дальние народы стремятся подпасть под ее благое влияние. Способ для этого имелся лишь один: прибыть в китайскую столицу с данью в виде «местных продуктов» (кит. 方物 фаньфу).

В своем докладе мы коснемся только текста диплома Далай-ламы V, который он получил от императора Шуньчжи по завершении визита. Дипломы и печати были присланы ему и Гуши-хану тогда, когда он находился на обратном пути из Пекина. З.Ахмад перевел текст этого диплома с китайского языка на английский [4, с. 184–185], а А.С.Мартынов – на русский [1, с. 118–119]. Оба перевода нельзя назвать полностью удовлетворительными, что во многом вызвано лапидарностью китайского текста. Поэтому в них иногда присутствуют домысливания переводчиков.

Вот перевод текста пожалованного императором диплома с монгольского языка:

Повеление императора, овладевшего временем благодаря покровительству Неба.

Я слышал: те, кто действуют коллективно и те, кому хорошо в одиночестве, утверждают свои традиции по-разному; те, кто удалился от мира и те, кто пребывает в мире, свои учения создают по-разному.

Хотя это так, но все те, кто, очистив свои мысли и проявив [свои] прирожденные качества, направляют на путь добра живущих в мире и руководят народом – все они одинаковы по сути [своей].

Далай-лама Лобсан-Джамцо! Поскольку твой светлый разум превосходен, а знания и положительные качества глубоки и тонки, ты полностью контролируешь свои мысли и поступки и, поняв, что все материальные предметы пусты, способствовал распространению Учения Будды и, наставляя, руководил непросвещенными людьми. [Ты] распространил религиозное Учение [Будды] на западе, и твое доброе имя прославилось [также и] на востоке.

Мой отец император Тайцзун Вэнь-хуанди услышал об этом и одобрил, направил к тебе посла и пригласил тебя. Поскольку ты заранее знаешь пути Неба, то сказал: «Мы встретимся в год дракона!» Сейчас благодаря покровительству Неба я установил порядок в мире, и ты прибыл в соответствии с приглашением.

Если посмотреть сейчас, то твой характер достоин одобрения, произносимые речи сдержаны, твои мудрость и сообразительность достигли неисчислимой степени.

Открыв ворота состраданию, милосердию, обучению и увещанию, ты стал лестницей и кораблем на истинном пути.

Вообще закон Будды подобен горам и звездам.

Поэтому, весьма одобряя, я жалую тебе золотой диплом и объявляю тебя «Наиблагим блаженным Буддой Западного края, управляющим буддийским учением в Поднебесной, всеведущим Ваджрадхара Далай-ламой».

Действуй сообразно времени и возвышай религию Будды!

Согласно обстоятельствам прославляй закон Будды!

Если будет так, то станешь высшим из высших.

Также пожаловал диплом и печать [2, т. 3, с. 45–48].

Нужно отметить, что язык монгольского текста диплома достаточно ясный и торжественный. Скорее всего, император Шуньчжи написал этот текст по-китайски. Но можно предположить, что он был знаком с монгольским языком хотя бы потому, что его мать была

монголкой. Следует отметить, что император Шуньчжи писал на китайском языке стихи на буддийские темы, в которых прославлял монашескую жизнь. Поэтому возникла легенда о том, что он не умер молодым, а тайно удалился и стал буддийским монахом.

В тексте особо подчеркнут тот факт, что именно Далай-лама V выбрал время встречи с императором – год дракона. За пятнадцать лет до визита Далай-ламы V в Пекин политический и религиозный «пейзаж» был совсем иным и в Китае, и в Монголии, и в Тибете. Провозглашение Далай-ламы V «управляющим буддийским учением в Поднебесной» (кит. 天下釋教普通 тьянься шицзяо путун; монг. *delekei-deki burqan-u surγayuli-yi erkilegsen*) явилось признанием со стороны династии Цин новой реальности в Тибете: господствующее положение занял Далай-лама V и его «желтошапочная» школа Гелугпа.

Литература:

1. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. – М.: Наука, 1978. – 282 с.
2. Монгольские документы: *Ķing ulus-un dotoγadu narin biĉig-ün yamun-u mongγol dangse ebkimel-un emkidkel* = 清内秘书院蒙古档案汇编 Цин нэй мишу юань мэньгу вэнь данъянь хуэйбянь (Собрание документов на монгольском языке из дворцового архива династии Цин). Т. 1–7. Хух-Хото, 2004.
3. Успенский В.Л. О государстве Гуши-хана // Тибетология в Санкт-Петербурге. Сб. статей. – СПб., 2014 – Вып. 1. – С. 52–59.
4. Ahmad, Zahiruddin. *Sino-Tibetan Relations in the Seventeenth Century*. Rome, 1970.

Чжоу Чжаоу, аспирант

Кафедра всеобщей и публичной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет

zhouzhaowu@mail.ru

ПЯТЬ ПРИНЦИПОВ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЖОУ ЭНЬЛАЯ И ЕГО РОЛЬ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ: КИТАЙ-РОССИЯ-АНГЛИЯ

Аннотация. Внешняя политика — это средство общения между государствами и продолжение экономического развития. С момента образования Китайской Народной Республики Китай проводит независимую и миролюбивую внешнюю политику и за последние 75 лет добился больших успехов. В статье рассмотрены актуальные аспекты формирования концепции «пяти принципов мирного существования» и развития с момента образования Китайской Народной Республики до XXI в. Исследована её роль в внешней политике: Китай-Россия-Англия. Показаны изменения отношения между тремя странами. с помощью анализа существенных вопросов, четко показано основное положение концепции «пяти принципов мирного существования». Отдельно рассмотрены практики в дипломатических делах, показано развитие концепции и постоянное руководство для будущего процесса разработки во внешней политике КНР.

Ключевые слова: внешняя политика, «пять принципов мирного существования», «найти общую почву при сохранении разногласий», КНР, СССР, Россия, Великобритания.

Zhou Zhaou, PhD student

Department of General and Public History

Kazan (Volga Region) Federal University

zhouzhaowu@mail.ru

ZHOU ENLAI'S FIVE PRINCIPLES OF PEACEFUL COEXISTENCE AND HIS ROLE IN FOREIGN POLICY: CHINA-RUSSIA-ENGLAND

Abstract. Foreign policy is a means of communication between states and the continuation of economic development. Since the establishment of the People's Republic of China, China has pursued an independent and peaceful foreign policy and has achieved great success over the past 75 years. The article examines the current aspects of the formation of the concept of the "five principles of peaceful existence" and development from the moment of the formation of the People's Republic of China to the XXI century. Its role in foreign policy is investigated: China-Russia-England. The changes in the relationship between the three countries are shown. By analyzing the essential issues, the basic position of the concept of the "five principles of peaceful existence" is clearly shown. The practices in diplomatic affairs are considered separately, the development of the concept and constant guidance for the future development process in the foreign policy of the People's Republic of China are shown.

Keywords: foreign policy, “five principles of peaceful existence”, “finding common ground while maintaining differences”, China, USSR, Russia, Great Britain.

В 1949 г. после образования Китайской Народной Республики, приводит к значительным переменами во внешней политике. С 1949 г. по 1953 г. дипломатические политики являются тремя установками-«наклониться в одну сторону», «начать создавать свой отдельный очаг» и «сначала подмести в своем доме, а потом приглашать в него гостей». После Второй Мировой Войны была известна концепция «двух лагерей» - социалистический лагерь и капиталистический лагерь. Китайской Народной Республики рассматривала важная часть социа-

листического лагеря. И поэтому новому Китаю необходимо «наклониться в одну сторону», то есть присоединиться к СССР, которым является глава лагеря социализма. Кроме того, в старом Китае ещё заключили многие неравноправные договоры, которые посягают на права и интересы нового Китая, необходимо «сначала подмести в своем доме, а потом приглашать в него гостей». Затем «начнёт создавать свой отдельный очаг», то есть заключит новые договоры со странами, желающими устанавливать дружественное отношение.

В 1953 г. по мере того, как закончила корейская война, Китайской Народной Республики начал обратиться внимание на юго-западная часть – территориальный спор с Индией. Перед тем, как Индия стала самостоятельной, Великобритания заключил неравноправные договоры в Тибете, и с 1951 г. – 1953 г. Индия препятствовала освобождению народов в Тибете, чтоб наследовать эти неравноправные договоры от своей метрополии. Несомненно, Китайская Народная Республика отказалась от таких необоснованных требованиях, и поэтому взаимоотношение Китайской Народной Республики и Индии находилось в состоянии застоя. В декабре 1953 г. индийская дипломатическая представительство впервые приходило в Пекин и начало пограничные переговоры.

И в этой переговорах Чжоу Эньлай впервые предложил концепцию пяти принципов мирного существования, которая, включая в себя взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимную выгоду, мирное существование. В 1954 г. после опубликования китайско-индийской совместной декларации и китайско-бирманской совместной декларации, Китайская Народная Республика четко разъяснила концепцию «пяти принципов мирного существования» и вызвала широкий международный резонанс. «Пять принципов мирного сосуществования» в значительной степени изменили неблагоприятную картину после образования и разрешили сложнейшую проблему на тот момент. Это важная веха в развитии китайской дипломатии. Пять принципов мирного сосуществования является основой независимой и миролюбивой внешней политики Китая. На практике пять принципов мирного сосуществования были распространены на отношения между странами с различными социальными системами и являются общепризнанными базовыми нормами международных отношений.

«Пять принципов мирного сосуществования» обладают сильным адаптивным потенциалом, приспособляясь к общественному развитию по мере изменения социальных условий и обстоятельств, наиболее показательным из которых является дух «найти общую почву при сохранении разногласий». В 1955 г. в основе концепции «пяти принципов мирного существования» Чжоу Эньлай внёс предложение для конференции в Бандунге – «найти общую почву при сохранении разногласий». Эти принципы стали базисом, на основе которого Китай устанавливает и развивает дружественные отношения со всеми странами мира.

В отличие от мышления времен «холодной войны» и гегемонистских идей, «найти общую почву при сохранении разногласий» для больших или сильных стран означает отказ от гегемонии, от запугивания, уважение суверенитета других стран и уважение различий - разных социальных систем, разных ценностей, разных моделей развития. Малые или слабые страны уважают себя, уверены в себе, независимы и придерживаются выбранного ими сами общественного строя и пути развития. Такой дух воплощает в себе то, что страны, независимо от их размера и силы, пользуются равными правами в международных делах, уважают друг друга, сотрудничают ради взаимной выгоды, мирно сосуществуют, развиваются вместе и поддерживают мир и стабильность во всем мире.

Уважение к плюрализму и понимание различных цивилизационных систем также отражается в «найти общую почву при сохранении разногласий». «Найти общую почву при сохранении разногласий» признает, что между нами есть различия и сходства, и что сходства могут быть использованы как основы для сотрудничества, с целью расширения консенсуса и разрешения противоречий.

В концепции «пяти принципов мирного существования», взаимное уважение суверенитета является предпосылкой, взаимная выгода – сущность, а целью является мирное существование.

Взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности: Государства мира, независимо от их размера, должны уважать верховную власть, воздерживаться от вмешательства в их внешних делах и уважать государственный суверенитет.

Ненападение: в ходе взаимоотношений страны не должны преследовать собственные интересы в ущерб другим, не должны вторгаться в другие страны под любым предлогом и не должны прибегать к развязыванию войны как средству разрешения конфликтов между странами.

Невмешательство во внутренние дела друг друга: ни одна другая страна не должна вмешиваться или препятствовать каким-либо руководящим принципам, политике или мерам, принятым ее собственной страной при ведении своих внутренних дел. Следует проявлять уважение и понимание по отношению к другим странам при осуществлении ими своего суверенитета.

Равенство и взаимная выгода: охватывает четыре направления: политическое, экономическое, культурное и военное. С помощью невмешательства во внутренние дела друг друга и военных делах, укрепления экономического сотрудничества и культурных обменов, обеспечивает равенство и взаимную выгоду.

Мирное существование: Страны должны принимать различные социальные системы и идеология, жить в мире друг с другом, решать международные споры мирным путем, развивать взаимоотношения между странами и содействовать сотрудничеству.

В течение последних 75 лет, несмотря взаимоотношения Китайской Народной Республики и России или Китайской Народной Республики и Великобритании, главные противоречия являются нарушением этих принципов. Во-первых, после смерти И. В. Сталина в двусторонних отношениях СССР И Китайской Народной Республики стала проследиваться напряженность. Хотя Китайская Народная Республика пыталась ослабить напряженность между двумя странами, но не получилось. Во-вторых, Великобритания непрерывно вмешивалась во внутренние дела. В Корейской войне и Китайско-индийской войне Великобритании более и менее вмешивалась. И главное противоречие между двумя странами – проблемы Гонконга, который Великобритания уже оккупировала более 100 лет.

До 1990-х годов Китайская Народная Республика уже не раз меняла собственную стратегию внешней политики. Это было связано прежде всего с внутривнутриполитическими изменениями, экономическими реформами, изменениями в международной обстановке. Но в основе всегда лежали «пять принципов мирного существования». В начале 1980-х годов Дэн Сяопин определил тему нашего времени – мир и развитие. С такой точкой зрения начались политические, социальные и экономические реформы. Китайская Народная Республика активно участвовала в глобализации, улучшила отношения тех, с которыми враждовали.

В 1989 г. через долгие переговоры опубликовано китайско-российское совместное коммюнике. Совместное коммюнике отвечает интересам и чаяниям двух народов, способствует поддержанию мира и стабильности во всем мире. Отныне межгосударственные отношения будут основываться на Пяти принципах мирного существования, что обеспечит нормальные, дружеские, добрососедские отношения.

В начале 1990-х годов, после распада Советского Союза, Россия столкнулась с серьезной угрозой расширения НАТО на восток, политика «близости к развитому Западу» была поставлена под сомнение и подвергнута критике. В то же время российско-китайские отношения достигли стабильного развития. Во-первых, частый обмен визитами высокопоставленных руководителей двух стран. Что касается оставшейся от истории пограничной проблемы, то в феврале 1992 года Китай и Россия ратифицировали «Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о советско-китайской государственной границе на её Восточной части». Торговля между Россией и Китаем также достигла 5,2 миллиарда долларов, превысив показатели советского периода. В то же время Россия и Китай официально установили добрососедские отношения. Во время визита президента Бориса Ельцина в Китай в 1992 году лидеры Китая и России договорились о дальнейшем развитии двусторонних отношений на основе пяти принципов мирного сосуще-

ствования и выпустили «Совместная декларация об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», свидетельствующую о том, что Китай и Россия рассматривают друг друга как дружественные страны. В 1994 году Китай и Россия официально установили «конструктивное партнерство». По мере развития отношений между двумя странами дружба становилась все глубже. Российско-китайское конструктивное партнерство — это воплощение нового типа отношений между государствами после окончания холодной войны. Это мирные дипломатические отношения на абсолютно равных началах. Конструктивное партнерство отражает тот факт, что две страны будут твердо придерживаться пяти принципов мирного сосуществования и строить более дружественные отношения путем расширения и углубления сотрудничества во всех областях. В сентябре 1994 года Россия и КНР подписали еще одно соглашение по западному участку границы, и к тому времени 95 процентов пограничной проблемы между Китаем и Россией было решено.

В 1996 году китайско-российские отношения равноправного доверительного партнерства, ориентированного на стратегическое взаимодействие в XXI веке, были созданы, что способствовало дальнейшему углублению российско-китайских отношений. Российско-китайское стратегическое партнерство характеризуется следующими пятью аспектами. Во-первых, соблюдаются принципы взаимного уважения и равенства. Во-вторых, российско-китайское партнерство в области стратегического взаимодействия придерживается принципов равноправия, взаимной выгоды и общего развития. В-третьих, партнерство способствует установлению нового международного политического и экономического порядка. В-четвертых, необходимо и дальше совершенствовать механизм встреч на высшем уровне между Китаем и Россией. В-пятых, российско-китайское партнерство по стратегическому сотрудничеству ориентировано на XXI век и носит долгосрочный характер, представляя собой долгосрочный и стабильный способ развития.

Вопрос о китайско-российской границе был совсем решен в 2004 году, Китайско-российские отношения вступают в новый этап исторического развития. После длительного периода сближения, сотрудничество между Китаем и Россией в продвижении нового международного порядка получило дальнейшее развитие. Китай и Россия всегда активно участвовали в построении многополярного мира, придерживались пути мирного развития и играли активную координирующую роль в многосторонних отношениях и международных делах. Динамично развивается и гуманистическая сфера: в 2005 году руководители Российской Федерации и Китая приняли решение о проведении национальных годов друг друга. Благодаря популяризации истории, культуры, фольклора и обычаев, а также истории обменов между двумя странами, это мероприятие улучшило взаимопонимание между двумя народами, устранило предрассудки и создало атмосферу дружбы, солидарности и равенства.

В 2011 году Китай и Россия установили всеобъемлющее стратегическое партнерство. Создание всеобъемлющего стратегического партнерства стало примером для отношений между крупными державами, поскольку две страны всегда придерживались пути мирного развития, формируя отношения взаимного уважения и доверия в подлинном смысле этого слова. Кроме того, Китай и Россия как две ответственные державы играют важную роль в поддержании глобальной стратегической стабильности; они всегда уважали территориальный суверенитет и целостность всех стран, противостояли вмешательству иностранных сил, уважали пути развития всех стран, уважали цивилизации всех стран, уважали право народов на сохранение собственного пути развития.

Что касается отношения с Великобританией, во-первых, вследствие визита президента США Р. Никсона в КНР, Великобритания ускорила процесс переговоров о установлении полных дипломатических отношений. Этот визит считает «ломает лёд в отношениях». В 1972 г. было опубликовано «Китайско-британское совместное коммюнике». В совместное коммюнике зафиксировано главное: «Правительства Китайской Народной Республики и Великобритании подтвердили принципы взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды. Великобритания отстаивала политику одного Китая». Во-вторых, чтоб решить проблему

Гонконга, необходимо восстановить суверенитет Гонконга, сохранив его процветание и стабильность, и это два основных принципа, которым необходимо следовать. На основе «пяти принципов мирного существования» Дэн Сяопин творчески продвигал политику «одно государство – два строя» для решения проблемы Тайваня и Гонконга. Дэн Сяопин подчеркнул, что по вопросу суверенитета нет места для переговоров, в 1997 г. Гонконг обязательно вернётся в состав Китая. Китайская Народная Республика и Великобритания, обе стороны хотят сохранить стабильность и процветание Гонконга, и КНР постарается применять мирные подходы.

В 1998 г. Китайская Народная Республика и Великобритания установили отношения конструктивного стратегического партнёрства. Однако между Китаем и Британией существует серьёзный дефицит политического взаимного доверия, и в британском обществе все еще много людей, которые придерживаются менталитета времен холодной войны и считают Китай врагом. Кроме того, уровень развития, ценности и даже культурные традиции двух стран все еще сильно отличаются, а многие области сотрудничества только начинаются, поэтому в развитии китайско-британских отношений есть проблемы и неопределенность. Вступая в XXI век, Развитие взаимоотношения не является гладкими. Великобритания часто вмешивалась во внутренние дела Китая, особенно по вопросу о Тибете и Гонконге.

В новую эпоху, после десятилетия контактов и связей, новое китайско-британское стратегическое партнерство вступило в новую фазу, а китайско-британские отношения - в золотой век. Китайско-британское стратегическое партнерство развивается ускоренными темпами, и сотрудничество не ограничивается только экономической сферой, но и затрагивает такие области, как изменение глобального порядка, борьба с изменением климата и терроризмом. Обе стороны расширяют свое взаимодействие и смотрят в будущее. Китайско-британское сотрудничество все больше и больше превращает две страны в сообщество интересов, в котором вы - один из нас, а мы - один из вас.

Выводы

В последние годы содержания внешней политики Китайской Народной Республики постоянно обогащены. С концепции «Пяти принципов мирного существования» Чжоу Эньлай до «Сообщества единой судьбы человечества» Си Цзиньпина, хотя их названия разные, но их существенные свойства без разницы. Китайская Народная Республика стремится к созданию нового действующего миропорядка. Китайская Народная Республика, Россия и Великобритания являются важнейшими частями во внешней политике мира. Поддержание хороших трехсторонних отношений имеет огромное значение для построения нового международного порядка. Китай – ответственная страна, основу внешней политики составляют «Пять принципов мирного существования». Эти принципы не только результат практики внешней политики этих трех страны, но и сильная кредитная поддержка, показана решимость сохранения мира и стабильности во всем мире.

Литература:

1. Пэй Монун (裴默农). Чжоу Эньлай и внешняя политика нового Китая (周恩来与新中国外交). Издательство Партийной школы ЦК Коммунистической партии Китая (中共中央党校出版社), 2002. (на кит.яз.)
2. Чэн Яньюн (陈扬勇), Ян Минвэй (杨明伟). Дипломатические ветры Чжоу Эньлая (周恩来外交风云). Издательство литературы и искусства PLA (解放军文艺出版社), 1998. (на кит.яз.)
3. Е Цзычэн (叶自成). Дипломатическая мысль нового Китая: от Мао Цзэдуна до Дэн Сяопина – сравнение дипломатической мысли Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина (新中国外交思想: 从毛泽东到邓小平-毛泽东, 周恩来, 邓小平外交思想比较). Издательство Пекинского университета (北京大学出版社), 2001. (на кит.яз.)
4. Цао Инван (曹应旺). Чжоу Эньлай, первый китайский дипломат (中国外交第一人周恩来). Тайюань: Народное издательство Шаньси (山西人民出版社), 1999. (на кит.яз.)

5. Чэн Хэсян (陈和香). Дэн Сяопин и пять принципов мирного сосуществования (邓小平与和平共处五项原则). История партии и партийное строительство в Шанхае (上海党史与党建), 2014. (на кит.яз.)
6. Чжоу Сянцзюнь (周向军). Введение в теорию Дэн Сяопина и важную мысль о трех представителях (邓小平理论和“三个代表”重要思想概论). Издательство «Высшее образование» (高等教育出版社), 2003. (на кит.яз.)
7. Са Бэньжэнь (萨本仁), Пань Синмин (潘兴明). Китайско-британские отношения в XX веке (20 世纪的中英关系). Народное издательство Шанхая (上海人民出版社), 1996. (на кит.яз.)
8. Чэнь Юэминь (陈乐民), Ван Чжэньхуа (王振华), Ху Гочэн (胡国成). Послевоенная история британской дипломатии (战后英国外交史). Издательство «Мировое знание» (世界知识出版社), 1994. (на кит.яз.)
9. Совместное китайско-советское коммюнике (中苏联合公报) // Байдупедия: Эл. энциклопедия. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E8%8B%8F%E8%81%94%E5%90%88%E5%85%AC%E6%8A%A5/3540265> (дата обращения: 05.10.2024).
10. Китайская независимая внешняя политика мира (中国独立自主的和平外交政策) // Chinese Consulate General in Los Angeles. URL: http://losangeles.chinaconsulate.gov.cn/chn/jbwzlm/zt/zgwj/jbzc/200311/t20031120_5435875.htm (дата обращения: 04.10.2024).

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья		3
Белоглазов А.В.	«Дипломатия лидеров»: совместные подходы России и Китая к современной системе международных отношений через призму переговоров на высшем уровне	4
Блажкина А.Ю.	Педагогическая концепция конфуцианства (по материалам трактата «Кун-цзы цзя юй»)	12
Бражникова П.А., Чеботарева Э.П. Васильева В.Р.	Магические ритуалы в новеллах Пу Сун-лина	16
Гринь Е. Г., Склярова Е.К. Громов Р.А.	Роль Российской Федерации и Китайской Народной Республики в международных организациях: ООН, ШОС и БРИКС	21
Гринь Е. Г., Склярова Е.К. Громов Р.А.	Институт Конфуция как инструмент мягкой силы (на примере России)	25
Гринь Е. Г., Склярова Е.К. Громов Р.А.	Нормализация советско-китайских отношений в аналитике ЦРУ: факторы, препятствовавшие сближению в 1980-е гг.	29
Даулань Майэрхали, Мустафина Ю.А. Дацышен В.Г.	Использование неологизмов в китайской рекламе	33
Даулань Майэрхали, Мустафина Ю.А. Дацышен В.Г.	Проблемы становления китайской трудовой миграции в регионах Сибири в конце 1980-х - начале 1990-х гг.	37
Егупова В. И.	Экономическое сотрудничество России и Китая: ключевые проекты и направления	48
Емельченкова Е.Н.	Деловой китайский язык: обучение в онлайн-формате	53
Завидовская Е.А.	Общие сведения о китайских источниках по истории южных областей провинции Юньнань	57
Зайцев С.В., Завидовская Е.А.	Сотрудничество Китая и стран Центральной Азии в рамках продвижения программы «зеленого пояса и пути»	62
Климбовская Е., Мухаметзянов Р.Р.	Влияние конфуцианства на формирование интеллектуальной элиты Вьетнама в период XV-XIX веков	68
Котков К. А.	Исчезнувшие «монгольские» столицы Китая – правда и вымыслы	74
Лю Лицю, Валеев Р.М., Валеева Р.З., Елихина Ю.И., Се Фэнлин	Казанское университетское китаеведение в первой половине XIX в.: кафедра китайской и маньчжурской словесности (к 300-летию РАН, 220-летию КФУ и 180-летию преобразования кафедры)	86
Лю Сяоюй	Процесс изучения российского китаеведения в китайских вузах в XXI веке	95

Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А., Валеев Р.М.	Оспопрививание на территориях северо-западного Китая в 1890-е гг. (на материале полевых дневников Н.Ф. Катанова)	99
Мирошникова А.О., Эпштейн В.А.	Роль ядерного оружия в оборонном потенциале Китайской Народной Республики	109
Муталибова Ж.Б., Завидовская Е.А.	«Один пояс, один путь»: геополитические последствия для Азии и Европы	116
Панфилова А.А.	Описание эстампажа XVIII в. «500 архатов», история и персоналии	123
Мухаметзянов Р.Р., Сомкина Н.А.	Мифология Китая как основа китайской культуры (историографический обзор отечественных исследователей)	128
Салогуб Я.Л.	Разработка основ общественного управления в полосе отчуждения Китайской Восточной Железной Дороги: планы и поствоенные реалии (1906 – 1909 гг.)	133
Силакова-Макарова С.А.	Пекин XIX в. в медицинских и топографических заметках П.А.Корниевского	139
Сладкова Т.П.	Обряд экзорцизма в даосизме	142
Смирнова Е.Д., Прокопцова А.В.	Символизм женских образов в новеллах Пу Сунлина	149
Тимофеева А.Ю., Салогуб Я. Л.	Свидетели Иеговы в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: способы противодействия	155
Успенский В.Л.	О монгольском варианте текста диплома Пятого Далай-ламы	162
Чжоу Чжаоу	Пять принципов мирного сосуществования Чжоу Эньлая и его роль во внешней политике: Китай-Россия-Англия	166

*Электронное научное издание
сетевого распространения*

**РОССИЯ – КИТАЙ:
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА**

**Сборник статей и докладов участников
XVII Международной научно-практической конференции**

Казань, 13–16 ноября 2024 г.

Подписано к использованию 11.11.2024.

Гарнитура «Times New Roman».

Заказ

Издательство Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37
тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)